

Лунная
ДЕВА

Вячеслав Корнич

16+

Вячеслав Корнич

Лунная дева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50296424

SelfPub; 2021

Аннотация

Татьяна была мечтательной и романтической натурой, а ещё она писала книгу, вокруг которой и разгорятся нешуточные страсти. Неведанные силы втянут её в гущу невообразимой роковой игры, где девушке отводилась роль «тёмной лошадки». Но такая роль её не устраивала. Пытаясь во всём разобраться самостоятельно, героиня бросается в водоворот судьбоносных событий, столкнувшись лицом к лицу с ютившимися в ней страхами. Однако испытания не сломают девушку, а помогут раскрыть в ней уникальные способности, благодаря которым она сможет разгадать тайну своего необыкновенного рождения.

Вячеслав Корнич

Лунная дева

Прятки памяти

Извечность ткёт из судеб пряжу,
Связав в одном – рассвет с туманом,
Чтоб реку жизни скрыл тот полог
И грусть вдохнул на Землю нашу –
В мечтах, осмеянных обманом...
Ведь путь домой тернист и долог...

I

Он стоял посреди шумной куда-то несущейся жизни в окружении нелепых нагромождений и ничего не понимал. Всё произошло так внезапно и стремительно, его словно вытолкнули наружу из бездонной ямы небытия, забрав имя и прошлое. Внутри него всё перемешалось – какие-то образы, смутные картины непонятных событий и ещё много чего, пока не уместившегося в его сознании. Он пытался остановить нахлынувший на него мысленный хаос, чтобы хоть как-то осмыслить происходящее, но у него плохо получалось. Его сознание упорно не хотело увязываться с реальностью открывшегося перед ним мира. Он мало что помнил о себе, вернее – практически ничего, так, отдельные и не совсем ясные фрагменты, вероятней всего, вырванные из того, что ко-

гда-то было его памятью.

«Где я? Как я здесь оказался? Что всё это такое?» – вспышками появлялись внутри него первые сознательные мысли.

На какое-то мгновение, когда он осознал, что находится здесь впервые, ему стало не по себе. Но мимолётное смятение быстро прошло, и его место заняло привычное внутреннее равновесие. Такое состояние было хорошо знакомо ему и вселяло определённый оптимизм. Мимо него с несмолкающими звуками проносились вереницы странных механизмов, в которых сидели совершенно незнакомые ему существа. Он находил их повсюду, рядом с собой и поодаль возле причудливых строений, одни куда-то спешили встречными потоками, проходя мимо таких же, как они, другие собирались в небольшие группы. Но на него никто из них не обращал внимания, его будто не было здесь. Пренебрегая осторожностью, он решил проявить себя, посылая им свои добрые импульсы. Однако все его попытки установить с ними контакт ни к чему не приводили, его не замечали. Наконец он понял, что они находятся в разной световой плотности и эти существа попросту не видят его. Бросив неудавшуюся затею он взметнулся своим сознанием вверх, оставив внизу всё это скопище разнородной материи и, замерев на достаточной для обзора высоте, огляделся. Ускользавшие линии горизонта подсказали ему о сферической форме объекта, на котором он оказался, вероятней всего, он находился на

плотно-материальной планете. Он не особенно верил в случайности, но в тот момент ему так хотелось думать, других вариантов пока не проглядывалось. Выдержав взгляд единственного светила, он не узнал его, это небольшое солнце не всколыхнуло поверхностные слои его памяти. Значит, они не были близко знакомы. Не желая обманываться его ослепительным сиянием, он переключился на то, что скрывалось за его золотистым туманом. Увидев живую карту открытого космоса, он вначале не поверил своим глазам, все известные ему звёздные миры находились на огромном от него расстоянии, и он с трудом представлял, где сейчас находится. Он хотел направить опознавательный сигнал на одну из знакомых ему звёздных систем, чтобы как-то идентифицировать себя, но не помнил своего имени. Тогда он просто направил в пространство световой луч, но что-то блокировало его импульс, вторая попытка, а затем и третья – тоже ни к чему не привели. Это уже настораживало, что-то здесь было не так, блеснувшая в его сознании догадка подсказывала, что вокруг планеты существовал какой-то информационный уловитель искусственного происхождения. Тогда он решил отыскать пространственный портал, вытолкнувший его в этот плотный мир, но его врата бесследно исчезли. Мысль о ловушке заставила перестроиться его энергосистему в режим защитного ожидания. Убедившись, что опасность ему не угрожает, он вернул своё сознание вниз, решив продолжить свои наблюдения с поверхности планеты.

Чуть позже он понял, что оказался в мире полярных энергий, такой вывод стал для него откровением. Его сразу же заинтересовало, как здешние существа поддерживают свой энергетический баланс. Вслушиваясь в исходившие от них звуковые вибрации, скорей всего, служившие способом общения, он поначалу ничего не мог разобрать. Лишь по тональности звуков ему всё же удавалось улавливать их настроение. Он почему-то сразу назвал этих существ – «звучащими», видимо, первая ассоциация крепко врезалась в его сознание. Вскоре невинная игра в подглядывание и подслушивание захватила его, «звучащие» всё больше и больше пробуждали в нём живой интерес, они были такими разными и в то же время во многом похожими. В попытках заглянуть вглубь их внешних форм он наткнулся на интересное открытие. Цвет, а точнее – цветовые оттенки их мыслей возбудили в нём повышенное любопытство. В них умещалось такое многообразие вибрационных тонов, которые в его сознании разворачивались в определённые образы, говорившие на вполне понятном ему языке. Вот только он никогда не сталкивался с такой эмоциональностью в мышлении. Он перемещался от одного «звучащего» к другому, прибавлялся к небольшим группам и пытался понять, о чём они думают. Его озадачило то, что они совершенно не были знакомы с телепатическими каналами связи, а вместо естественной коммуникации пользовались модуляторами звуковых вибраций. Посчитав это очень утомительным и затратным занятием, он

подивился, как они выдерживают такую потерю энергии и восстанавливают утраченный баланс. А ещё его немало удивила их привязанность к портативным передатчикам, так же служивших средством для связи, с которыми они практически не расставались. Он отчётливо видел, как эти примитивные устройства загрязняют эфир своими беспорядочными волнами и мешают естественному обмену мыслями. Откуда он всё это знал? Он не смог бы на это ответить. Похоже, что он знал многое, но о себе самом имел лишь смутное представление. И это было более чем странным. Такое положение обескураживало и одновременно разжигало в нём исследовательские аппетиты. Он чувствовал себя блуждающим во тьме огоньком в поисках своего истока. После первых сознательных шагов в новом для себя мире его умозаключения далеко не продвинулись. То, что он существо разумное сомнений у него не вызывало, он смог это доказать себе используя простую логику. А вот насчёт случайности или не случайности своего появления здесь, ответа пока не находилось. Оставалось искать хоть какие-то зацепки, связывающие его с окружающей реальностью. Для этого ему нужно было лучше её узнать.

С закатом солнца он ещё раз убедился, что здесь властвует линейное время, к которому привязывались все жизненные процессы. И ему невольно пришлось подстраиваться под смену суточных фаз, чтобы приспособиться к незнакомому ритму жизни. В отличие от «звучащих» он не нуждался в

ночном сне, судя по первому опыту – для отдыха ему хватило простой смены деятельности.

Когда взошло светило, он активизировал свою работу, его внутренний толковый словарь стал пополняться с геометрической прогрессией наравне со знаниями. Невидимость для обитателей этого мира стала ему только плюсом, он мог спокойно изучать окружающую обстановку и при этом никого не стеснять своим присутствием. Острой необходимости в общении он пока не испытывал, а больше изучал или просто созерцал атмосферу незнакомой жизни, стараясь прочувствовать её особенности. Выбирая объект для своих исследований, он концентрировался на нём и мысленно ставил себе задачу, а некие таящиеся в нём силы уже сами без его вмешательства считывали данные по световой ауре «звучащих». Его внутренние навыки раскрывались по мере необходимости и практически безошибочно составляли развёрнутую картину нужных ему событий. Весь оставшийся день он следовал за «звучащими» по улицам, посещал их каменные жилища и места работы с единственной целью – разобраться с их истинными помыслами. Просматривая матрицы их мыслеформ, он всякий раз пребывал в недоумении из-за склонности «звучащих» скрывать свои мысли, которые далеко не всегда отличались правдивостью. Одни делали это сознательно, преследуя какие-то свои корыстные цели, другие – потому, что так было удобнее, а кто-то по незнанию, выдавая чужие мысли за свои. В этом мире вращалось столь-

ко информационных потоков, будораживших умы, что распознать правду было непросто. Но даже в противоречивых мыслях он пытался отыскать важные «ниточки», способные приблизить его к разгадке смысла их жизни. А смысл расплывался, рассыпался на небольшие фрагменты, у «звучащих» было столько интересов и привязанностей, что он никак не мог собрать всё это в законченную картинку.

Миновало ещё несколько суточных фаз. По его наблюдениям «звучащие» оказались упрямыми поклонниками всякого рода вещей и потребностей, на которые успешно работала целая всемогущая система. Он даже в шутку обозвал её ненасытным многоглавым драконом, пожиравшим их время и энергию. После первых впечатлений ему было над чем задуматься. Вначале ему показалось, что здесь происходит какое-то массовое представление, своеобразное интеллектуальное задание по раскрытию психических образов. Но поразмыслив, он изменил своё мнение. Теперь он был почти убеждён, что действующие лица не осознавали своего участия в этой игре и всё воспринимали по-настоящему, довольно серьёзно относясь ко всему происходящему, всеми силами пытаясь зацепиться за что-то конкретное и осязаемое. Такое положение несколько озадачило его, игры в тёмную подразумевали особые правила и закулисных организаторов. Он не хотел вмешиваться в чей-то план, но отказываться от своих исследований тоже не собирался, ведь на кону стояла его собственная память, до сих пор игравшая с ним

в прятки. Ему многое предстояло выяснить и прежде всего – разобраться со «скрытыми течениями», непосредственно влиявшими на жизни «звучащих». Даже по первым его впечатлениям их жизни были настолько перемешаны, переплетены, завязаны в тугие узлы неоднозначных отношений, что судить о каждой из них можно было только после тщательного анализа их прошлого. Что-то подсказывало ему о не случайности таких жизненных встреч, возможно, именно магнит прошлого притягивал и собирал вокруг себя уже знавших когда-то друг друга, чтобы развязать застаревшие узлы отношений или завязать новые. Верней всего, в этом и была чья-то задумка, такие переплетения судеб давали выход довольно пёстрому спектру энергий, чего, наверно, и добились наблюдатели. В своих исследованиях он не придерживался чётких правил, а скорее – действовал по наитию в надежде, что интуиция рано или поздно выведет его на нужную дорожку. Несмотря на общую со «звучащими» световую природу, они были явно другими, не совсем понятными ему, их раса развивалась в довольно странных искусственных условиях на самом дне световой плотности. Он готов был поклясться в том, что никогда не испытывал ничего подобного в своём личном опыте. Живой свет он всё-таки находил, но в основном в глазах детей «звучащих», значительно меньше у взрослых, видимо, с возрастом внутри них происходили необратимые изменения, и свет покидал наскучившие ему формы.

Уже на склоне одного из световых дней на тенистой улице он увидел прямо перед собой золотисто-розовое облако. Вначале он даже не понял, с чем столкнулся, такое гармоничное цветовое сочетание ещё не встречалось ему здесь, фон тончайших энергий был настолько стойким и ярким, что он не сразу разглядел внутри облака двух «звучащих». Они шли рука об руку и были настолько поглощены своим упоительным чувством, что не замечали ничего вокруг себя, они словно выпали на время из этого суматошного мира. До самых сумерек он следовал за ними, любуясь красотой чудесного сияния, пока те не остановились возле каменного строения.

«Как интересно... в обычной жизни их внутренний ток проявляется по-разному, у дев он мягче, спокойнее, подобно течению воды... а у мужей он кажется необузданным и своенравным, как пламя на ветру... но сейчас они так похожи, так близки и возвышенны», — подумал он.

Глядя, как они сливаются в объятиях, он видел, что именно телесные прикосновения усиливают их взаимное наслаждение, хотя и не совсем находил в этом смысл. У него было совершенно другое представление о любви. Не желая больше мешать этим двум счастливым, он мысленно пожелал им не растратить душевный огонь и тут же исчез в сгустившейся темноте.

Заблестевшие огоньками улицы вывели его на тускло освещённую набережную реки. Здесь оказалось довольно

пустынно, редкие парочки и небольшие группы «звучащих» неспешно прогуливались по набережной, обмениваясь какой-то информацией. Он по привычке вслушивался в их речь, сравнивал её с тайными мыслями говоривших, но ничего нового для себя не находил. И тут его взгляд остановился на одинокой фигурке девы, она стояла возле самой кромки воды и задумчиво глядела вдаль. Хотя её лица он не видел, это не имело сейчас значения, что-то другое заинтересовало его, что-то внутри него настойчиво сигналило об удачной находке. Но вдруг он насторожился, почувствовав чьё-то незримое присутствие. Его внутренне зрение обострилось до невозможности и автоматически просканировало окружающее пространство. Перед ним сразу же раскрылась картина происходящего... Три бесформенные тени буквально кружили вокруг девы как голодное воронье и даже не думали скрывать своих злобных намерений. Но она была так поглощена своими мыслями, что и не подозревала об опасном соседстве.

Он не стал дожидаться развязки событий и своим внезапным появлением спутал планы этих существ...

II

В магазине было не особеннолюдно, ранние книголюбы изучающе рассматривали книжные полки, и время от времени негромко интересовались у Татьяны чем-то конкретным либо новинками. Она отвечала с охотой, откладывая в сторонку любимый томик Лермонтова. Когда вопрос был ис-

черпан, она вновь погружалась в чтение. Татьяне нравились и другие авторы, но в творчестве Лермонтова она находила столько близкого своему сердцу, она не смогла бы объяснить эту близость, разложить её по полочкам, а только чувствовала её. В этом человеке девушку поражало буквально всё, а особенно его непостижимая душа, в которой было столько загадок, в ней непонятным образом уживалось бесстрашие воина с нежной мечтательностью поэта-романтика, бушевали страсти непокорного демона, и светилась ангельская чистота.

Из мимолётного забытья её вывел приятный мужской баритон:

– Девушка, а у вас есть «Тайная доктрина» Блаватской?

– Да, есть. А вам первую книгу или все три? – ответила Татьяна, с интересом разглядывая незнакомца.

Он не был похож на кабинетного интеллигента, больше на отставного военного.

– Мне, пожалуйста, всё заверните по этому вопросу, будем постигать от корки до корки, – с улыбкой отшутился он.

– В добрый час. Только не переусердствуйте, – подыграла ему девушка.

– А что... такая заумная книга?

– Да, непростая книжечка, с характером. Много всего там интересного, но суть постоянно ускользает...

– Как это? – не понял он.

– Знаете, в ней очень много спорных моментов... о том,

что утаивают религии и отвергает официальная наука и, вообще, всё, что там написано в корне отличается от общепризнанных знаний. Ну и недосказанности тоже хватает... одним словом – оккультизм. Я вот всё второй том никак осилить не могу, в день по чайной ложке получается, не знаю, может, не созрела ещё.

– Ну, это нормально, не детектив же какой-нибудь, чтобы взахлёб да вприкуску, тут лучше уж по чайной ложке, но вдумчиво, – сказал он.

– Вы правы, если по верхушкам скакать, то в голове точно ничего не уляжется, – согласилась Татьяна.

– Вот-вот и я про то же. А мне приятель «Доктрину» посоветовал прочесть, обещал, что не пожалею... мол, мозги неплохо раскачивает.

– От инерции?

– Ну да, от неё заклятой, чтоб не размягчались! – рассмеялся мужчина.

Татьяна невольно подержала его смех, но про себя подумала:

«Кому-то для этого шахмат или кроссвордов хватает, а он в такие дебри лезет и ведь не шутит... такой энтузиазм, даже завидно, нет, по-хорошему, конечно».

– Вот я и загорелся этим, – уже серьёзно добавил он, – хочется чего-то такого необычного, глубокого... ну, что-то вроде нехоженых тропинок. Вам это знакомо?

– Ещё бы, – честно призналась девушка.

– Вот-вот, в каждом из нас дремлет эта тяга. Ладно, поглядим, что это за зверь такой – оккультизм, авось не разочарует.

После его ухода Татьяна задумалась:

«Как же точно он подметил насчёт нехоженых тропинок... он прав, тысячу раз прав. Я же постоянно об этом думаю... эта тоска... она просто бывает невыносимой, всё равно, что тесная одежда... Ох, если можно было бы просто снять и выбросить её... Но как?! И где же взять это новое, в чём оно? Как узнать его, как примерить на себя, принять, почувствовать? Или всё твоё меряется любовью с первого взгляда? Возможно, да, скорей всего... Глупо, наверно, но иногда мне кажется, что моя жизнь какая-то ненастоящая, а кем-то придуманная... и всё что в ней происходит, происходит как бы понарошку... М-да, странное ощущение, странное... и оно не оставляет меня».

Ближе к концу рабочего дня громко хлопнула входная дверь, Татьяна невольно вздрогнула и подняла голову. В яркой блондинке в солнцезащитных очках она узнала свою школьную подругу.

«Света пожаловала, без звонка. К чему бы?» – инстинктивно подумала она.

– Привет, Волошина! – ещё на подходе к прилавку бросила женщина, снимая очки. – Ты ещё не застоялась в этом интеллектуальном стойле?

– Ты меня уже в новую должность определила? Учёной

лошадкой я ещё не была, – с улыбкой отпарировала Татьяна.

– Ладно, Танюшка, не обижайся, это я так к слову. Ты же знаешь, что я могу сморозить.

– Знаю. Поэтому и не обижаюсь. Здравствуй, Света.

– Что читаешь? – между прочим спросила Светлана, заметив на прилавке томик стихов. – Ого, Лермонтов! Тань, а у тебя на полках Гомер случайно не завалился?

– Света, ты просто так заскочила поболтать или по делу?

– Обиделась всё-таки. Ладно, сейчас я поправлю твоё настроение! Готова? А ну-ка подставь стульчик, чтоб не ненароком...

– Что там ещё?

– Ладно, томить не буду. Танька, мы едем на пикник! Ура-а-а!!!

– Света, не кричи, люди же кругом, – усовестила подругу Татьяна.

– Ну и пускай порадуются с нами, выходные же завтра, пора и честь знать, – вошла в раж Светлана и уже по-хозяйски обратилась к немногочисленным посетителям магазина:

– Уважаемые, дамы и господа, минутку внимания! По уважительным причинам книжная лавочка закрывается на полчаса раньше обычного! Люди, будьте людьми, не разрушайте хрупкое счастье этой милой особы за прилавком! Вопрос жизни и смерти! Ну, имейте же совесть, граждане...

Оторопевшие вначале книголюбы, кто с улыбками понимания, кто с недовольством – потянулись к выходу. Только

двое самых принципиальных и непонятливых читателей всё ещё шарили глазами по стеллажам с книгами.

– Светка, ты что творишь, так же нельзя, это же мои клиенты, это, в конце-то концов – люди, – почти шёпотом пыталась урезонить её Татьяна.

– Я так и сказала – люди... Но сама подумай – какой дурак читает в выходные? Почитать можно и в трудовые будни на рабочем месте, как ты, например. А в выходные надо веселиться!

– Света, какое веселье? Я сегодня весь день на ногах, я ужасно устала. У лошадки тоже ножки болят.

– Танька, хватит уже ёрничать! Я тебя не на работу гоню, а отдыхать зову! Ножки устали, говоришь, да? Ну вот и попросишь Вадика, чтобы массаж сделал. Он сердешный от радости ещё не на то сподобится.

– Какой ещё Вадик? – не поняла Татьяна.

– А я тебе разве не сказала?.. Ну, Вадик Карсанов... Помнишь, в начале недели в кафе пересекались? Это он нас пригласил на свою фазенду. Он уже все уши нам с Валеркой прожужжал насчёт тебя: всё Танечка, да Танечка... Да-а, зацепила ты его чем-то, подруга, зацепила! Хотя в тебе есть что-то от Татьяны Лариной, точно есть... кроткая красота, поэтичность... Хи-хи, такие прагматики как Вадик обычно клюют на это. Лови момент, подруга, другого такого может и не быть!

– Ты насчёт момента или Вадика?

– Ишь ты, уже и юмор прорезался, значит, не всё потеряно. Скажу тебе откровенно, Танюшка, от чистого сердца – Вадик и есть твой судьбоносный момент. Лови!

– Света, мы же едва с ним знакомы, я ничего о нём не знаю... да и не приглянулся он как-то мне... ты знаешь, ну даже малюсенькой искорки не проскочило.

– Танька, не дури! Я ей такого мужика сватаю, а она мне о какой-то искорке! У него же всё есть кроме живой воды и птичьего молока, он тебя на руках будет носить, если хоть чуть-чуть приласкаешь!

– Вот именно, есть всё кроме рабыни Изауры, – иронично заметила Татьяна.

– Ой-ой! Да уж лучше Изаурой, чем у прилавка торчать с твоим высшим филологическим, – не осталась в долгу Светлана.

– Мне лично нравится.

– Ну, нравится, так нравится, одно же другому не мешает. Тань, хватит кочевряжиться, давай развеемся. Классно будет, не пожалеешь! Едем?

В этот момент один из оставшихся посетителей созрел для покупки:

– Девушка, дайте мне, пожалуйста, «Мастера и Маргариту» Булгакова.

– Хорошо.

Татьяна рассчитала человека и обратилась к Светлане:

– И в каком я качестве там буду?

– Да в каком хочешь, да хоть в качестве той же Лариной, лишь бы без претензий к нашей нравственности. А если ты думаешь, что Вадик хочет покуситься на твою невинность, то зря, он вполне порядочный человек. Не захочешь сама, ничего и не будет. Ну, соглашайся, Танюшка!

Татьяна глубоко вздохнула и обречённо махнула рукой:

– Ладно, ты же всё равно не отстанешь, хоть свежим воздухом подышим. Но учти, Света, если твой Карсанов будет приставать, я пешком в город уйду, так и знай.

– Вот это уже по-нашему! – обрадовалась Светлана. – Танюшка, ты не переживай, у Вадика на твой счёт серьёзные намерения... ну, мне так показалось. Всё, закрывай свою лавочку, часики тикают. Сначала к тебе заскочим, переоденешься, ну и всё такое, по пути в продуктовый заглянем, чтоб не с пустыми руками в гости, и Валерку моего заберём.

– А Игорёк где?

– Своего киндера я уже к маме определила. Всё, подруга, время пошло, я в машине жду!

– Иди уже, я скоро.

Татьяна отпустила последнего дотошного клиента и стала собираться.

Помещение магазина она арендовала вместе со своей хорошей знакомой Ириной торговавшей музыкальными товарами, и они нередко подменяли друг друга, если кому-то нужно было уйти пораньше. Естественно, кто уходил последним, тот и сдавал магазин под охрану на пульт. Вот и сейчас

Татьяна воспользовалась неофициальной договорённостью, перепоручив Ирине свои заботы. Уже на выходе из магазина, увидев машину своей подруги, в ней опять зашевелился червячок сомнений насчёт этой поездки, но отступить было уже поздно.

Сборы отняли у них остатки дня и до фазенды Вадима Карсанова они смогли добраться уже преклонным вечером. Добротный двухэтажный особняк с мансардой располагался в окружении стройных пушистых сосенок совсем недалеко от берега озера. По лицу хозяина было видно, что он порядком заждался непунктуальных гостей и спешил высказаться по этому поводу:

– Полянские, вы хоть смотрите на время? Я тут уже...

Но Светлана перебила его:

– Вадик, дорогой, ты не сердись на нас, сам ведь знаешь, как перед выходными всё наваливается, пока туда, пока сюда, да ещё у Валерки с выставкой заморочки.

В подтверждение её слов Валера виновато вздохнул:

– Да, брат, хлопотное это дело, извини уж.

– Но зато мы не с пустыми руками! – не упускала инициативу Светлана, вытягивая из машины смущённую Татьяну.

Услышав голос Татьяны, Вадим расплылся в довольной улыбке:

– Рад, очень рад, Танечка, здравствуйте... проходите, гости дорогие, так и быть отделаетесь лёгкой повинностью.

– Надеюсь, публичной порки не будет? – задорно рассме-

ялась Светлана. – А то мы пока не готовы предстать в неглиже, градус не тот.

– Как уж пожелаете, я готов удовлетворить все ваши прихоти, – в том же тоне ответил Вадим. – А вот от поцелуя, милые дамы, точно не отвертитесь, это обязателька.

– Это мы запросто, от нас не убудет! Как ты, Танюшка? Ну скажи, не с честью же расстаёмся...

Не обращая внимания на деликатные ухмылки мужчин, Татьяна подошла вплотную к Вадиму и демонстративно чмокнула его в щёку.

– А теперь я свободна от повинности? – с вызовом спросила она, чувствуя лёгкое раздражение от словесной бутафории.

Вадим это сразу понял, и чтобы не испортить вечер первыми впечатлениями, подставил щёку для поцелуя Светлане и быстренько переключился на роль обстоятельного хозяина:

– От этой да. Не скрою, приятно... но сервировка стола остаётся за вами, милые дамы. Основное блюдо беру на себя, мангал уже истомился, шампуры нанизаны, свиные рёбрышки ждут своей участи, пора колдовать. Валера, ты мне поможешь, а женщин прошу на кухню, что, где – покажу. Предлагаю разместиться в беседке, она у меня просторная и со светом. Не возражаете?

– Угу, наш вариант, – немногословно бросил Валера.

– Я согласна, здесь так романтично, – поддержала их Татьяна.

– Романтично-то романтично, но не лето же, ночи уже прохладные. Не замёрзнем? – засомневалась Света.

– Замёрзнем – в дом переберёмся или на зимнюю веранду, как хотите, – успокоил её Карсанов.

– Ну ладно, мальчики, уговорили, в крайнем случае, собой погреете... Да, да, своими собственными горячими телами. И только попробуйте не оправдать!

– Ты, мать, в своём репертуаре, – поддел супругу Валера.

– Какая уж есть! Пользуйся, Валерочка, случаем, пока разрешаю.

Валера молча усмехнулся и направился в машину за продуктами.

– А я бы не отказался погреть, – неожиданно выдал Вадим, но, столкнувшись с насмешливым взглядом Татьяны, сразу поправился:

– Ну, разумеется, если дамы будут не против.

– Дамы будут против, – не оставила ему шансов Татьяна.

– А ты за всех-то не решай, подруга! – раздухарилась Светлана.

– Всё, друзья мои, по рабочим местам, время – деньги! – скомандовал Вадим, желая быстрее забыть свой конфуз.

Уговаривать никого не пришлось.

Судя по добротному особняку, внутри которого каждая вещь находилась на своём месте, и хорошо спланированной ухоженной территории вокруг дома, напрашивался вывод, что Вадим являлся ревностным любителем порядка. Татья-

на могла поклясться, что зелёный газон, походивший на тонкошерстный ковёр, и аккуратно подстриженные кустарники, растянувшиеся вдоль забора – тоже его рук дело. Учитывая его занятость на ниве какого-то серьёзного бизнеса и отсутствие второй половинки (Вадим был свободным человеком, а точнее – разведённым), Татьяна по-хорошему удивилась, как он для всего находил время.

Работа спорилась, никто не пытался сачковать, и через тридцать минут обильная закуска переключалась в беседку, украсив деревянный стол. Совместные хлопоты не только сгладили обстановку, но и придали позитивного настроения. Все уже изрядно проголодались и в предвкушении близкого застолья откровенно глотали слюнки, а аппетитный дымок, клубившийся из мангала, только повышал градус нетерпения. При этом Светлана с Вадимом успевали упражняться в остроумии, а Валера же с Татьяной по мере желания старались их поддерживать. Вообще, в отличие от Светланы, которая говорила всегда, Валера предпочитал вступать в разговор, когда это ему было интересно, в остальных случаях он просто отмалчивался или отделялся короткими репликами.

Наконец подоспела первая партия основного блюда. Свежий воздух, бокал вина и хорошая закуска сделали своё дело, Татьяна почувствовала себя более раскованной и даже откровенные шутки Светланы уже не так резали её слух. Вадим сразу же сел рядом с девушкой и старался быть галантным

кавалером, насколько это получалось. Татьяна явно нравилась ему, она это чувствовала, но, принимая ухаживания Вадима, держала его на некотором расстоянии. Он попытался сократить эту дистанцию во время танцев, с каждым разом всё теснее прижимая её к себе, но девушка с деликатной настойчивостью давала ему понять – что не нужно бежать впереди автомобиля. У Татьяны были свои принципы, возможно старомодные, но такая уж она была, и сравнение её с Лариной, наверно, имело здесь место. Разгорячённый спиртным и близостью очаровательной гостьи, Вадим в своём воображении, вероятно, строил какие-то интимные планы на ночь, но Татьяне совершенно не хотелось делить постель с малознакомым мужчиной, хотя и таким перспективным в личном плане. Нет, она не набивала себе цену, не играла с ним роль недотроги, она просто не любила кокетничать с мужчинами, а ещё больше поступаться своими принципами. Вадим не сдавался, отступая чуть-чуть в напоре, он искал другие подходы к сердцу Татьяны.

Чуть позже Карсанов предложил пройтись к озеру, идея была встречена с единодушным одобрением и компания в полном составе отправилась на прогулку. Казалось, что эта звёздная осенняя ночь приберегла для них нерастраченные остатки летнего тепла и не спешила прогонять их под крышу дома уютной прохладой. По натопанной тропинке, освещённой лучиком диодного фонарика Вадима, они спустились к берегу озера. Несколько минут они любовались та-

инственной озёрной гладью, разделённой пополам дорожкой лунного света, а потом направились вдоль берега озера, делаясь впечатлениями. Когда в разговоре возникла пауза, Вадим переключился на свои планы в сфере благотворительной деятельности и очень красноречиво рассказал о своих задумках. Как и раньше он больше обращался к Татьяне, то и дело, касаясь её рук. Тема нашла понимание и получила одобрение членов уже весёленькой компании, а Вадим, как посчитал сам, приобрёл в глазах Татьяны дополнительные бонусы. И тут уже не удержалась Светлана, совсем забыв, что связана словом насчёт чужой тайны:

– Вадик, а ты не хочешь спонсором у Танюшки поучаствовать, а? Она же книгу пишет, строчит по ночам девчонка, не высыпается... жалко её.

– Светка, я же тебя просила! – с укоризной взглянула на неё Татьяна.

– А что такого, все же свои, – отмахнулась от подруги Светлана и продолжила свою мысль:

– А напишет, её же надо как-то издавать, нужны какие-то связи, опять же деньги. Кто ей поможет с этим?

– Света!

– Что сглазить боишься?

– Да, боюсь! А тебе ничего доверить нельзя.

– Книгу? – удивлённо переспросил Вадим, уставившись на девушку. – Интересно, интересно... И какой же жанр, Танечка, – женский роман, детектив?

Татьяна обиженно отвернулась, но за неё ответила Светлана:

– Фантастику она пишет или мистику, ну, короче – то и другое.

– Мать, ты опять вляпалась со своей откровенностью, вечно лезешь, куда не просят! – не выдержал Валера. – Танюша, а ты не обижайся, сама же знаешь её язык.

– Язык, как язык. И чего набросились, не понимаю? – пожала плечами Светлана. – Я же, как лучше хотела. Написать это одно... А что дальше с этим делать? Танюшка у нас натура тонкая, творчески одарённая, но совершенно не пробивная. Ей нужен мужик, ну, как – ледокол, чтобы все её проблемы одним махом и по бортам, раз и всё! Волошина, а ты вспомни, как мучилась со своим книжным бизнесом, да и сейчас не лучше.

– Света, ты как купец свой товар нахваливаешь. Продешевить не боишься?

– Всё, всё, дамы – стоп! Мы же здесь не на базаре собрались, а отдыхать. Вот и давайте отдыхать. Поглядите, какая ночь, – вмешался Карсанов. – А насчёт вашей книги, Танечка... если честно – удивили, по-хорошему удивили. Я вот даже и не знаю, как бы к ней подступился, у меня и воображения-то не хватит и терпения, наверно, тоже. Да-а, удивили...

– Спасибо, – смягчилась Татьяна, – но в сюжет я посвящать не буду, и не просите, рано ещё.

– Правильно, Танюша, я сам не люблю незаконченные ра-

боты показывать, – поддержал девушку Полянский.

– Нет, нет, Танечка, вы не беспокойтесь, мы не настаиваем, – заверил её Карсанов. – Танечка, если не секрет – почему фантастика? Есть же и другие жанры.

– Честно сказать? – уже более миролюбиво произнесла девушка, останавливаясь у самой кромки воды.

– Правду и только правду! – с готовностью выпалил Вадим, подходя ближе к Татьяне.

Остальные члены компании последовали его примеру.

– Если правду... вы знаете, о нашей обычной жизни уже столько написано, столько переговорено, перемолото, что хочется иногда выглянуть из её узкого окошка, поглядеть в небо на звёзды и помечтать... наверно, дело в том самом воображении, которое желает чего-то большего, непознанного, таинственного, того, что не умещается в рамки обыденности...

– Волошина, ты нам зубы не заговаривай высокой материей, а лучше с обыденностью общепринятой разберись вначале, спустись на грешную землю, мужа найди нормального, детей ему нарожай и всё такое, – то ли в шутку, то ли всерьёз заявила Светлана.

– Вот именно... и всё такое, – тихо проронила Татьяна.

– И не цепляйся к словам, ты поняла, о чём я.

– Да всё правильно ты говоришь, Света, всё правильно...

но ведь у каждого своя жизнь и время у каждого своё. Зачем его торопить?

– Танюша, а может, в нашем жизненном болотце не хватает обыкновенной любви? – неожиданно выдал Полянский.

– Валер, а разве любовь бывает обыкновенной?

– Ну да, да, Танюша, не так выразился.

– А я согласна с тобой, Валера, условностей всяких хватает, а того, что хочет душа – не совсем. Но это ведь больше от нас самих зависит. Так ведь?

– Ладно вам уже философствовать, заладили – то да потому, давайте о чём-нибудь другом! – послышались нервные нотки в голосе Светланы.

– А я вот больше детективы люблю, – вернулся к прежней теме Вадим, – правда, уже давно не брался, всё времени не хватает, то работа, то хозяйство. А фантастику как-то не очень.

– Напрасно, брат, напрасно... фантаст он ведь как провидец, видит то, что от других скрыто и, бывает, видит далеко вперёд. Ну, хотя бы взять того же Жуля Верна, ведь тоже считали его писанину бредятиной, а сколько всего сбылось. Это я тебе как художник говорю, – поддержал Волошину Валерий.

– Не буду спорить, художнику виднее, – ответил Карсанов и повернулся к Татьяне:

– Танечка, а вы не отказывайтесь от моей скромной помощи, я всегда готов, только ради Бога не стесняйтесь. А вдруг мы сообща создадим настоящий фантастический бестселлер, а?

– Прямо уж бестселлер, скажете тоже... но всё равно спасибо, Вадим, я подумаю.

– Ишь ты, она ещё подумает! – рассмеялась Светлана. – Нам хоть дашь ознакомиться, когда закончишь, а, будущая знаменитость?

– Ну-у... ежели хорошо попросите у будущей знаменитости.

Её последние слова потонули в дружном смехе. А Светлана обняла подругу и зашептала ей в самое ухо:

– Танюшка, ну не дуйся, я же люблю тебя и хочу как лучше. Ну, простила?

– Простила. Только не делай так больше. Хорошо?

– Всё, буду как рыба – любознательной и молчаливой.

Вдоволь нагулявшись, в хорошем расположении духа компания вернулась в беседку. Разошлись они уже поздней ночью. Чету Полянских Карсанов разместил в мансарде, а Татьяна отвёл комнату на втором этаже рядом со своей спальней. Положив на диван постельное бельё, он сжал руки девушки и дрогнувшим от волнения голосом попытался объяснить в чувствах:

– Танечка, вы такая необыкновенная, такая красивая, ваше лицо, ваш голос... вы мне так нравитесь...

Не отнимая рук, Татьяна поглядела ему в глаза:

– Спасибо, Вадим... и спасибо вам за этот прекрасный вечер, мне всё очень понравилось, но давайте оставим пока всё как есть... вам лучше уйти.

– Вы не подумайте, Танечка, у меня всё серьёзно к вам, очень серьёзно... не гоните меня, просто побудьте со мной, я не усну без вас, не смогу, – его глаза буквально умоляли её.

– Вадим, мы всё испортим, не торопите меня... и не обижайтесь, пожалуйста.

Она по-дружески поцеловала его в щёку и легонько подтолкнула к двери:

– Идите, покойной вам ночи.

– Да, конечно, Танечка, можем всё испортить, вы правы, конечно, – словно под гипнозом проговорил он, выходя в коридор, – спокойной ночи.

Татьяна закрыла за ним дверь и замерла, прислушиваясь к шагам в коридоре. Её удивило, что он так быстро сдался, на него это было не похоже. Вадим, действительно, ушёл не сразу, видимо, что-то обдумывал. Но потом шаги стихли, и она услышала, как захлопнулась соседняя дверь. Облегчённо вздохнув, Татьяна направилась в ванную. Она разделась и на минутку задержалась возле большого зеркала. Собрав на затылке русые волосы, скрывавшие её красивую шею, она провела ладонью по нежно-шелковистой коже лица и стала придирчиво рассматривать своё тело. Её взгляд остановился на упругой груди с маленькими розовыми сосками, потом медленно заскользил вниз к трогательной ямке в самом центре слегка выпуклого живота и вдоль женственных изгибов бёдер опустился по стройным ногам. Природа не поскупилась одарить Татьяну самым лучшим, что у неё имелось в нали-

чии. По лицу девушки было видно, что она осталась довольна собой. Её женская красота раскрывалась прямо на глазах и уже не желала таиться. Подмигнув своему зеркальному отражению, Татьяна почему-то представила себя хозяйкой этого дома, и не удержалась от смешка...

Она проснулась от ощущения, что на неё кто-то смотрит, причём очень пристально и изучающе. Ощущение было действительно реальным и, хотя сердце девушки выбивало барабанную дробь, страха она почему-то не испытывала. Татьяна поднялась с дивана и осмотрелась. В комнате кроме неё никого не было. За окном уже серели сумерки, и девушка решила пройтись к озеру в надежде встряхнуться от странного ощущения, поспешив списать его на прерванный сон.

На берегу озера, невольно ежась от утренней прохлады, она плотнее застегнула куртку и стала глядеть на озёрную рябь. И вдруг она почувствовала лёгкое прикосновение, потом ещё и ещё, словно кто-то пытался погладить её волосы. По телу Татьяны побежали мурашки уже не только от холода. Она повернула голову назад, но к своему удивлению никого не увидела. Озираясь по сторонам, она вновь ощущала чьё-то присутствие, чей-то живой взгляд. Татьяна хотела что-то сказать, но в этот момент теплая волна воздуха обвернулась вокруг неё, обнимая собой девушку. Ощущения были настолько реальными, настолько необыкновенными, что она замерла на месте не в силах что-либо говорить и делать...

В тускло-освещённой комнате за старинным резным столом сидел смуглый черноволосый мужчина с пронзительным орлиным взглядом и внимательно рассматривал какие-то фотографии, лежавшие веером подле настольной лампы. После изучения очередного снимка он делал короткие пометки в толстом блокноте с необычным ручным переплётom и переходил к следующему, возвращая фотографию на прежнее место. Для лучшего рассмотрения мужчина использовал мощную лупу, видимо, изучая какие-то неясные детали. В его выверенных действиях чувствовалась уверенность и понимание того, что он делал. Трудно сказать, что было на этих странных снимках, может, наскальные рисунки или старинные руны, но судя по особому интересу мужчины, они представляли немалую ценность.

– В назначенный час придёт Лунная Дева – хранительница ключа от Двуликих Врат. Ключ от этих врат спит внутри Лунной Девы, и пробудить его может только её тень, следующая впереди неё... тень знает слово, чтобы не ранить чувства Матери, – одними губами полушёпотом проговорил он и в задумчивости накрыл фотографию рукой.

«Интересная находка, очень интересная... как раз то, что мне нужно, это мой вопрос, чувствую – мой. Я должен разгадать эту загадку, кровь из носа должен», – проговорил про себя мужчина, утопая в глубокой спинке кресла.

«Врата... мне нужны эти врата, любой ценой я должен их отыскать. Ниточка уже есть, осталось ухватиться за неё, по-

тянуть и вытащить всё до последнего корешка. Намётки есть, контуры уже проявляются, осталось найти все недостающие пазлы и собрать их в нужную мне картинку. Землю буду носом рыть, всё переверну вокруг, но я сделаю это, сделаю!» – выстраивалось в его голове убеждение.

Его лицо излучало такую непоколебимую уверенность, что трудно было даже усомниться в успехе задуманного им предприятия.

В этот момент в двери постучали.

– Входи, Сигурд, – величественно разрешил мужчина, даже не поменяв своего положения.

На пороге комнаты появился крепко сложенный человек с бесстрастным лицом, на котором особо выделялся почти квадратный подбородок. Он почтительно поклонился и замер в ожидании.

– Говори, – коротко бросил смуглолицый.

– Хозяин, есть новости. Думаю, они заинтересуют вас, – проговорил Сигурд и, получив молчаливое одобрение, продолжил:

– «Охотники» стали свидетелями одной занятной сценки... «тушители» пытались присосаться к некой молодой особе и уже начали свой танец вокруг неё, но им помешали... Их противником оказался очень сильный и компетентный в вопросах психического боя воин, он появился внезапно и быстро разобрался с этими отбросами...

– Как же ты неласков с нашими помощниками, – с усмеш-

кой вставил реплику смуглолицый.

– Вы правы, Хозяин, я не испытываю к ним особых симпатий, но работа есть работа, – в том же спокойном тоне ответил Сигурд. – Я могу продолжать?

– Можешь.

– «Охотники» не стали вмешиваться в это столкновение, а только наблюдали, однако они не смогли полностью оценить характеристики нашего гостя, они оказались очень высоки. Раньше он им не встречался, судя по всему, здесь он появился недавно и явно неспроста.

– Н-да, если всё так, как ты говоришь и ты правильно понял «охотников», то вывод верен, сущности такого уровня на дороге не валяются, значит, у него особая миссия.

– Будьте уверены, Хозяин, информация надёжная, – не оставил сомнений Сигурд.

Смуглолицый встал с кресла, вытягиваясь во весь свой высокий рост, сделал несколько шагов по кабинету и буквально вперился своим острым взглядом в Сигурда:

– Значит, так... повисни на нём, вцепись в него мёртвой хваткой, мне нужно знать о каждом его шаге, все связи, любое движение, вытащи из него даже захудалую мыслишку, только скрытно. Ты понял?

– Понял, Хозяин, – склонил голову Сигурд. – Наблюдение уже ведётся, подходы к его сознанию ищем.

– Да, что это за девица, почему на неё клюнули «тушители»? – заинтересовался Хозяин.

– На первый взгляд ничего особенного, девица как девица, но мы копнули глубже, а там – одни ребусы, мы упёрлись в целую систему блоков, её память кем-то защищена, с ней явно поработали очень компетентные специалисты. Но мы попытаемся её вскрыть.

– Не пытайтесь, а вскройте, любой ценой вскройте! – повысил голос смуглолицый. – Чувствую, это звенья одной цепи, подобное притягивается подобным, эта встреча не случайна. Ты знаешь, что делать, Сигурд. Вытащи из них всю подноготную!

– Будет исполнено, Хозяин! – отрапортовал верный вассал и негромко поинтересовался:

– Вы считаете, Хозяин, что эти лица могут быть связаны с нашими поисками?

– Не факт, но вполне... – задумчиво проговорил смуглолицый и вопросительно поглядел на своего подчинённого:

– Как получилось, что мы её проворонили?

Сигурд виновато потупил взгляд, но в следующую секунду уже давал пояснения:

– У этой особы была ещё и внешняя защита, причём очень сильная, видимо, её сознательно скрывали всё это время, но теперь её свет стал проявляться вовне.

– Вот, значит, как, всё интереснее и интереснее... Ладно, не будем гадать на кофейной гуще, делай своё дело, меня интересует любая мелочь. Докладывай в любое время суток, если я на выезде – используй телепатические каналы.

– Непременно, Хозяин. И ещё, мы закончили исследование пещер. Доложить?

– Давай, – разрешил смуглолицый.

– Мы нашли ещё одну надпись, она прошла проверку на идентичность с предыдущими и полностью восстановлена, текст читаемый, вот фотографии, – сказал Сигурд, протягивая свёрток. Смуглолицый бегло взглянул на фотографии и одобрительно кивнул своему человеку:

– Хорошая работа, Сигурд. Ступай, жду результата.

Сигурд молча поклонился и вышел.

«Сегодня удачный день, информация сама идёт ко мне в руки. Что ж поглядим, поглядим...» – воодушевился он, намереваясь прочесть текст.

– Когда чаша ночи ополовинит себя и весы замрут в равновесии, тогда золотой луч пронзит лоно Матери и двое обручённых тайной пути станут одним у четырёх перекрёстков дорог и тот один выберет путь десяти», – всё так же полушёпотом проговорил он. – Первая часть мне понятна... а вот вторая... хм... Что же сие означает? Четыре перекрёстка и путь десяти...

Он взял ручку и прочертил в блокноте две параллельные и две перпендикулярные линии. Потом обвёл полученный квадрат и пронумеровал его стороны от единицы до четырёх, после чего сложил полученные цифры. В сумме получилось десять.

«Вот она десятка, в ней все цифры числового ряда, зна-

чит, дело касается теории творения... Или чего-то ещё? Н-да, надо поразмыслить... Ну, допустим, допустим... один – это Абсолют, единое и неделимое число, оно всегда неизменно, единица закулисный наблюдатель и всегда вне игры... для проявления себя Абсолюту нужны два полюса творения – мать и отец. Он выделяет из себя эти две разноимённые силы, и единица становится уже двойкой... Так, так... эти двое сочетаются в притяжении, создавая между собой напряжение, огненную среду творения, где рождается ребёнок, недостающая часть триады, клише будущего творения по образу и подобию Абсолюта. Эта триада тоже неизменна, она тоже как бы за кулисами... она просто копирует себя и опускается в «бульон» первичной материи, чтобы отпечатать в нём информацию о творении, чтобы осеменить инертную материю и заставить её преобразовываться в видимые формы... А четвёрка это уже символ проявленных форм, где незримо присутствует и само клише. Теперь их уже семь, а это уже законченное творение со всеми его потенциальными возможностями, плюс – тройка закулисного прообраза... и того – десять. Лесенка наверх? Н-да, похоже. Вот только, что она мне даёт?... Хм, вопрос... Ничего, разберёмся, в любом случае пазлов стало больше, а когда найдём остальные, задача решится сама собой», – размышлял он.

Минуту – другую смуглолицый мерил шагами кабинет, а потом резко повернулся к противоположной стене. Достав из кармана небольшой пульт, он нажал на кнопку и перед

ним распахнулись двери лифта. Спуск занял некоторое время. Лифт остановился в просторном кармане подземной галереи в виде пентаграммы с пятью разветвлёнными тоннелями, весь зал по периметру был освещён многоцветными софитами. Хозяин выбрал боковое ответвление по правую руку и направился к необычному аппарату на монорельсе. С бешеной скоростью он пронёсся по длинному тускло-освещённому тоннелю и остановился возле массивной металлической двери. Набрав шифр электронного замка, смуглолицый отворил застонавшую дверь и вошёл вовнутрь. В абсолютно тёмном подземном коридоре оказалось всего две комнаты, оборудованные глухими бронированными дверями. Могильный склеп – не иначе. Но темнота не смутила Хозяина, он словно по верёвочке уверенным шагом прошёл до дальней комнаты и замер возле двери со скрещёнными на груди руками. Так он простоял пару минут, будто исполняя известный только ему ритуал, после чего набрал код. Дверь со скрипом отворилась, нутро каменного убежища дохнуло на него зловонным запахом и обдало холодной пустотой. Но пустота оказалась обманчивой, в следующий момент во тьме вспыхнули два жёлтых зрачка, внутри помещения зашевелилось что-то живое и огромное.

– Здравствуй, брат мой, давненько тебя не навещал. Как ты? – спокойно произнёс смуглолицый.

В ответ раздалось нечленораздельное рычание.

– Понимаю тебя, хорошо понимаю, но таковы реалии...

да, мы части одного целого, я этого не забыл, но у каждого из нас своя миссия, поэтому я там, а ты здесь. Мне не нужно твоё бунтарство, а только смирение, пойми это раз и навсегда, иначе всё будет плохо. Ты меня понимаешь?

Существо из темноты по инерции огрызнулось, но уже более покорным тоном и замолчало.

– Вот и хорошо. А сейчас выслушай меня, возможно, очень скоро мне понадобится твоя помощь. Взамен ты получишь больше свободы, я тебе обещаю.

IV

Татьяна с детства знала этот старый парк и очень-очень любила его. Она ничем не отличала его от людей и даже считала своим тайным другом, с ним можно было вместе погрузиться и поделиться самым сокровенным. Татьяне не просто казалось, она знала, что парк чувствует её настроение, слышит её мысли, понимает её. Эти незримые знаки понимания были слышны и видны лишь ей одной.

После работы ей совершенно не хотелось идти домой, с книгой образовался какой-то застой, и она без раздумий отправилась сюда в надежде разобраться со своими мыслями. Как обычно у входа в парк она остановилась (это уже стало своеобразным ритуалом) и про себя произнесла:

«Здравствуй, милый. Как поживаешь? Не скучал без меня? А я скучала... очень скучала. Ты стал таким красивым и таким загадочным. Нет, извини, ты всегда красив в любое время года... Позволь мне войти как другу и храни меня».

Теперь Татьяна могла смело идти дальше, зная, что будет желанным гостем. На центральной аллее людей было больше обычного. Мамы с колясками, выгуливавшие своих маленьких чад, бабушки, зорко присматривавшие за внуками, влюблённые парочки и просто прохожие – с жадностью ловили эти последние солнечные деньки, понимая, что скоро здесь всё изменится и станет уже не так. Это угадывалось по их лицам.

Татьяна свернула на малолюдную узкую аллею и неспешно побрела вглубь парка, упиваясь запахом опавшей листвы. Она любила осень, особенно эту её пору, когда краски набирали особую яркость и будоражили чувства своими сказочными контрастами, а непередаваемые запахи увядания кружили голову. Под её ногами шуршала листва, а мимо проплывали багряные рябинки вперемешку с вечнозелёными сосенками и пожелтевшими берёзками, навевая на неё лёгкую грусть и одновременно приятный трепет. Ещё совсем недавно едва появившаяся желтизна так напоминала ей тонкие седые пряди в человеческих волосах, но теперь всё стало иначе, осень уже безраздельно властвовала в природе. В первые минуты ей совершенно не хотелось ни о чём думать, мысли куда-то исчезли, позволяя душе на какое-то время насладиться свободой. Чтобы не спугнуть это невесомое состояние она даже отключила мобильник. Но затишье оказалось недолгим. Первые мысли коснулись её книги, вернее, некоторых затруднений, связанных с перевоплощением

придуманных ею героев. Татьяна уже почти неделю билась с этой проблемой, но пока не в свою пользу, что-то постоянно мешало ей, не давало сконцентрироваться на сюжете. Потом она вспомнила о недавних выходных. События того вечера проносились в её голове почти не задерживаясь, и даже излишняя болтливость Светланы уже не занимала внимание девушки. На свою подругу она уже давно не обижалась по-настоящему, многое ей прощая. Татьяна не раз задумывалась о том, что же связывало их дружбу, ведь они были такими разными. Может, это и связывало, разные характеры нередко как магнитики тянутся друг к другу, давая своей противоположности то, что ей не хватает. Вот только Светкины слова насчёт мужа и детей до сих пор ютились в ближних уголках её памяти, время от времени напоминая о себе. Как любая нормальная женщина она хотела иметь семью и не раз представляла себя в этой роли. Она представляла, как носит под сердцем своего малыша, разговаривает с ним, делится своими самыми сокровенными мыслями, своей неистраченной любовью. Татьяна часто видела это в своих мечтах, но почему-то никак не могла увидеть в них отца своего ребёнка, того единственного, с которым она без раздумий связала бы свою жизнь. Вадим был вполне нормальным человеком, даже интересным в общении, не без юмора и как оказалось с пониманием. Но именно такая оценка его качеств и настораживала девушку. Когда Татьяна начинала оценивать мужчину, ей становилось понятно, что это не тот

человек, который нужен ей, своего мужчину она бы узнала сразу, сердце бы ёкнуло, подсказало. Поэтому с близкими отношениями она никогда не спешила, ей не хотелось пускать в своё сердце посторонних людей. Тем более, что горький опыт у неё уже был. Но это стало лишь прелюдией к воспоминаниям. Сейчас она хотела сконцентрироваться на том, о чём невольно думала последние дни, не решалась признаться себе в том. Возможно, она боялась разочарований, боялась обмануться, или не желала своими умозаключениями вторгаться в те необъяснимые ощущения, чтобы не нарушить с ними хрупкую связь. То, что она ощутила во время сна, и позже на берегу озера – не умещалось ни в какие разумные рамки, а больше походило на какую-то мистику. В своей книге Татьяна пыталась описать нечто подобное, но чтобы столкнуться с этим воочию, самой... нет, о таком она даже и не помышляла. Уже сейчас, анализируя свои ощущения, она вдруг поняла, что пробудивший её взгляд был ей знаком, если не сказать больше, потому-то она и не испугалась. Но она никак не могла вспомнить глядевшего на неё, его образ почему-то размывался, и все её старания восстановить его в памяти оканчивались ничем. А потом эти осторожные прикосновения и нахлынувшее тепло, в котором было столько бережности, столько нежности... нет, это невозможно было передать словами, не умолив того, что она чувствовала в те минуты. Все её мысленные потуги здесь заканчивались, не в силах понять и объяснить необъяснимое.

За размышлениями Татьяна не заметила, как забрела в самую глушь парка, где встреченные прохожие были уже редкостью. Только сейчас она поняла, что уже смеркается, и решила вернуться на центральную аллею. Но, не пройдя и двадцати шагов, она вдруг остановилась... Неприятное ощущение появилось внезапно, сначала её сердце отозвалось ноющей тоской, а затем предательски отворило двери невесть откуда появившемуся страху. Противные мурашки не заставили себя ждать, они моментально разбежались по телу девушки, обдав его холодком. Каждой своей клеточкой Татьяна чувствовала этот леденящий взгляд, буквально сверливший её, и не решалась обернуться. Она будто остолбенела, превратилась в ватную куклу, насквозь пропитанную парализующим ядом, и ничего с этим не могла поделать.

Татьяна не знала, сколько простояла в таком оцепенении, совершенно потеряв счёт времени. Но на её счастье совсем рядом раздались громкие голоса шумной компании, и она почувствовала, что хватка незнакомца ослабевает.

Преодолев страх и накотившую слабость, она обернулась. В тот самый момент от старой разлапистой сосны отделился тёмный силуэт. Несмотря на сгустившиеся сумерки, Татьяна всё же чуть-чуть сумела разглядеть незнакомца. Высокий смуглый мужчина в тёмном пальто перед тем как исчезнуть в гуще деревьев ещё раз бросил свой пронзительный взгляд в сторону девушки.

«Господи, что же это было?.. Кто этот человек, что он от

меня хотел? Что вообще со мной происходит? Я не понимаю... – теснились в её голове мысли, а сердце продолжало бешено колотиться. – Подожди, подожди... это лицо, его долговязая фигура, одежда... я уже где-то видела его... Или нет?.. Нет, точно видела! Вот только где?.. Боже... Неужели? Нет, такого не может быть...»

Её ноги чуть не подкосились от ошеломляющей догадки...

Едва девушка вошла в свою квартиру, навстречу ей бросилась чёрная кошка и с мурлыканьем стала тереться об её ноги.

– Зара, подожди, не мешай, я только в комп гляну и накормлю тебя, – обнадёжила она кошку и, сбросив одежду, направилась прямо в комнату.

Зара бесшумно поспешила вслед за девушкой, однако мешать не стала, расположившись рядом на кресле, она стала наблюдать за хозяйкой. Татьяна сразу же включила ноутбук и стала нетерпеливо просматривать страницы книги с описаниями одного персонажа. Сравнив вымышленный портрет с обликом незнакомца в тёмном пальто, она вскочила на ноги, несколько раз прошлась по комнате и остановилась у зеркала. Взлохматив волосы, девушка обратилась к собственному отражению:

«Ну что скажешь, близняшка?.. М-да, вариантов у нас немного – или у меня что-то с головой, или над нами кто-то решил подшутить... В своё сумасшествие верить почему-то

не хочется, тогда остаётся второе... Так, часть рукописи я давала почитать Светке... зря я это сделала, зря... но она не могла так со мной поступить, я ручаюсь за это, она точно не могла. И всё, больше никому. Тогда кто же?! Нет, подожди, здесь что-то не так... Шутки шутками, но меня же выжали как губку... Кто на такое способен, кто?! Ещё бы немного и всё, спеклась бы Танюшка, если бы не ребята... Странно, куда они потом подевались?.. Ладно, не важно. А если предположить самое невероятное... Помнишь, я тебе говорила об этом? Ты веришь в это? А я вот даже не знаю, это же несурезица какая-то... Или всё же такое бывает, когда часто и подолгу смотришь в бездну зазеркалья. Ты понимаешь, о чём я, близняшка?.. Теперь я ближе к первому варианту, да?..»

Странноватые откровения Татьяны прервал звонок её телефона, она подумала, что это мама, они обычно созванивались по вечерам. Но на определителе высветился незнакомый номер.

– Слушаю, – сказала девушка.

На той стороне молчали.

– Я слушаю вас, говорите!

Несмотря на затянувшуюся паузу, она не стала отключаться, чувствуя, что это не ошибка и звонили именно ей. Лёгкое потрескивание в трубке сменилось какой-то необычной мелодией, продолжавшейся не более минуты, а потом всё стихло. Татьяна непонимающе пожала плечами и позвала свою любимицу:

– Зара, пошли ужинать. Совсем забыла про свою маленькую девочку. Ничего, моя хорошая, сейчас я тебя покормлю.

Кошка отреагировала моментально и повторила недавний ритуал своего расположения к хозяйке. Девушка ответила ей тем же, приласкав руками, она поцеловала свою любимицу в милую мордашку. Шёрстка Зары была гладкая, лоснящаяся и совершенно чёрного цвета, лишь на лбу красовалось маленькое белое пятнышко очень похожее на звёздочку. Татьяна взяла Зару ещё котёнком чуть больше года назад и с тех пор они были неразлучны. Столовалась кошка с двух блюд, в одну тарелочку Татьяна налила молока, а в другую насыпала сухого кошачьего корма.

Только она закончила приготовления, снова раздался звонок, но на этот раз звонила мама. Они обменялись новостями, и Татьяна вернулась на кухню готовить ужин. Эта двухкомнатная квартира досталась ей по наследству от бабушки, которую она очень любила и ещё с детства доверяла свои секреты, о которых не решалась говорить с родителями. Несмотря на разницу в возрасте они были лучшими подругами и постоянно нуждались друг в друге, с бабой Настей она могла всегда выговориться, зная, что та внимательно выслушает и даст дельный совет. До того как выйти на пенсию Анастасия Егоровна работала учителем литературы, насколько Татьяна помнила со слов родителей – бабушку очень уважали и любили коллеги по работе и её ученики, наверно, потому, что она была необыкновенно добрым человеком. Татья-

на всегда видела эту неподдельную доброту в её глазах, этот свет, которым она одаривала не только своих родных, но и совершенно незнакомых ей людей. Девушка с трудом пережила смерть бабушки, ей казалось, что она в один миг потеряла часть своей души, и та оставшаяся в ней половинка уже никогда не сможет жить как прежде. Но время лечит, и спустя два или три месяца девушка почувствовала, что ей стало легче, словно кто-то отпустил её боль. Чуть больше двух лет назад Татьяна переехала в двухкомнатную «хрущёвку» бабушки, где всё напоминало ей о лучших днях своего детства. Родители не возражали, понимая, что их дочь уже повзрослела и нуждается в личной жизни. Именно здесь Татьяна и начала писать, в квартире буквально пропитанной духом литературы и бабушкиной любовью, где сама атмосфера навевала на девушку творческое вдохновение. Татьяна даже не сомневалась, что открывшиеся в ней способности были целиком и полностью заслугой бабы Насти, с детских лет учившую её видеть мир не столько глазами, а больше чувствами, живыми, образными, способными развивать вместе с воображением и саму душу девочки. Первые стихи она написала ещё в двенадцать лет, чем безмерно обрадовала бабушку, по этому поводу они даже устроили литературный вечер на двоих со свечами под романтические этюды Шопена, которые играли по очереди на пианино. Татьяна часто вспоминала этот удивительный вечер...

Пока Татьяна колдовала на кухне, снова зазвонил мобиль-

ник, на этот раз её побеспокоил Вадим. Настойчивый кавалер приглашал её завтра на ужин в ресторан. Она обещала подумать. Татьяну немного забавляли его ухаживания, когда она представляла себя в роли его избранницы, хотя по-настоящему она не видела себя в этом качестве. Но намерения с его стороны были вполне серьёзными, поэтому она и не хотела обижать его категоричным отказом.

Почему-то вспомнив советы бабушки о вкусной и здоровой пище, Татьяна невольно улыбнулась, баба Настя постоянно баловала её всякими полезными вкусностями, но она сама зачастую ленилась, стараясь обходиться тем, что есть на кухне. Вот и сейчас девушка не стала ничего придумывать, ограничившись обычной яичницей с ароматно пахнущим лучком.

После ужина Татьяна решила немного поработать над книгой, и как обычно у неё водилось – мысленно обратилась к своему источнику вдохновения:

«Бабушка, родненькая, я знаю, ты слышишь меня... ты всегда слышишь меня и помогаешь, я знаю... подтолкни меня, освети тропинку, если можешь, а я уж постараюсь не ударить в грязь лицом, я не подведу тебя, бабушка». Откинувшись на спинку кресла, она закрыла глаза, и некоторое время провела в молчании. На этот раз ритуал подействовал. Татьяна увидела, как внутри неё появляются новые образы сюжета, и дала им возможность раскрыться самостоятельно насколько они сами того желали. Всё остальное она уже могла

дорисовать собственным воображением. Работа закипела. В такие минуты или часы девушка словно выпадала из реальной жизни, время для неё переставало существовать, а мир её вымышленных героев становился её собственным миром.

Ближе к полуночи вновь напомнил о себе мобильник.

«Я сегодня прямо нарасхват», – с досадой подумала она, всё ещё находясь в своих мыслях.

– Привет, Волошина! Ещё не спишь? – раздался в трубке голос Светланы.

– Света, а ты как думаешь?

– Я и так знаю, за компом опять сидишь, на очки зарабатываешь.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Ну ладно тебе, пошутить уже нельзя... А я по делу. Ты согласилась на приглашение Вадика или ещё в раздумье?

– Уже пожаловался? – хихикнула в трубку Татьяна.

– Ну-у... не совсем так, скорее, посоветовался, он подумал, что тебе не совсем удобно вдвоём...

– А-а, и на подмогу вызвал вас, – не дала ей договорить Татьяна.

– А ты без подколок не можешь? Слушай, Танюшка, мне кажется, он тебя побаивается. Точно побаивается!

– Света, не смейся, он же такой успешный, такой богатый, уверенный в себе... А я кто?

– Волошина, ты опять цену себе набиваешь? Учти, подруга, ты для него загадка, которую он не может разгадать... От

всех дверей ключики нашёл, а от твоих – фиг! Что там у тебя внутри, о чём ты думаешь – это для него тёмный лес. И не найдёт он этот ключик, если сама не захочешь. Танюшка, это же такая власть над мужиком, из него же верёвки вить можно! Он всё, уже ручной, уже в сумочке у тебя!

– Света, ты себя иногда слышишь? Ты что мне советуешь упиваться самообманом, да? Нет, Света, я не хочу себя убеждать в глупости, что Вадик мой единственный шанс в жизни, я точно знаю, что это не так. И вообще, мне неприятен этот разговор.

– Ладно, ладно, уговорила, не буду больше, хозяин – барин. А в ресторан-то пойдёшь? Тань, это же ни к чему не обязывает.

– Света, завтра созвонимся. Хорошо? Всё, пока, я ещё немного поработаю.

– Ну ладно, только не переусердствуй. До завтра, подруга. Отключив телефон, Татьяна почувствовала накатившую усталость. Сонно взглянув на расплывающийся текст, она поняла, что ещё минута и всё, заснёт прямо здесь в кресле. Дальше всё происходило как в тумане, она еле дотащилась до кровати и рухнула на неё без сил прямо в одежде...

Гигантский сферический объект неожиданно вынырнул из темноты небесного океана, озарив образовавшийся разрыв яркой вспышкой, и величественно поплыл по просторам соседней галактики. Казалось, что своим таинственным сиянием он бросает вызов величию самих звёзд, их безраз-

дельной власти на небе. Нарастивая скоростное скольжение, сфера незаметно трансформировалась в эллипсоидный корабль – плазмод, который без преувеличений был способен вместить в себе целый город...

Она находилась внутри дышащего самосветящегося пространства и была уверена, что это космический корабль, хотя о причинах своей уверенности не смогла бы сказать, она просто знала и всё. И она точно знала, что сейчас вокруг корабля, сверху и снизу – простирается бесконечный космос, усыпанный живым мерцающим бисером далёких и близких звёзд. Ей нестерпимо захотелось хоть одним глазком взглянуть на эту загадочную красоту, но внутри корабля не было ни мониторов, ни компьютеров и даже элементарных иллюминаторов. Но как только она об этом подумала, внешняя оболочка корабля словно прослезилась и стала абсолютно прозрачной, раскрывая во всей красоте звёздную панораму космоса.

– Господи... – только и смогла выдохнуть она, оказавшись один на один с беспредельностью звёздных миров. Ей казалось, что она зависла в этом необъятном пространстве, совсем лишившись опоры.

Но первые мгновения испуга сменились восторженным трепетом, и она уже не могла оторвать глаз от этого величия, заморожено впитывая открывшимся сердцем улыбки небесных светил.

– Синтара, ты почему ещё здесь? Мы уже подходим к рас-

чётным координатам базирования. Ты не забыла о своих обязанностях? – раздался где-то внутри неё голос.

Она огляделась по сторонам, но никого не увидела. Однако свой ответ её очень удивил:

– Я помню, Арагел.

– Тогда займись вместе с Урсаном подготовкой группы к эвакуации, челноки уже готовы.

– А он разве не в группе?

– Нет, у него, как и у тебя будет особое задание. Телепортироваться будете отдельно.

– Это твоё решение?

– Оно согласовано с Собором посвящённых.

«Странно, почему они так быстро всё переиграли», – подумала она, но спросила совсем о другом:

– И в чём будет заключаться его работа?

– Я не узнаю тебя, Синтара, слишком много вопросов. Ты успела адаптироваться к новым условиям?

– Да... я готова, – немного замялась она.

– Вы будете действовать автономно друг от друга и тебе не нужно пока знать о его задании. Инструкции получите после эвакуации наблюдателей. Иди, Урсан ждёт тебя.

– Я поняла.

Пока они вели беседу, оболочка корабля вернулась в прежнее состояние, а перед ней раскрылся объёмный монитор, на котором было видно, как к ним с огромной скоростью приближается голубая планета. В следующую секунду

корабль включил систему торможения и стал медленно пришвартовываться к заданной точке координат. Она переключила своё сознание на эвакуационный отсек и моментально оказалась среди группы полупрозрачных существ, формы которых чем-то напоминали человеческие...

Татьяна вскочила с кровати, спросонок пробормотав себе под нос:

– Этот корабль живой, это он разговаривал со мной...

Лежавшая рядом Зара тоже приподнялась и непонимающе уставилась на хозяйку. Татьяна погладила кошку и та успокоилась. Ещё полусонная, девушка стала интенсивно растирать пальцами виски и, смахнув капельки пота со лба, облегчённо выдохнула:

– Фу-у, это сон... а я уже подумала...

«Странно, такое ощущение, что это уже было со мной... нет, глупости, такого не могло быть... Может, я видела похожий сон раньше? И имена как в моей книге... Может, простая ассоциация? Не знаю. Надо же такому присниться», – промелькнули в её голове мысли.

Увидев на себе халатик, в котором провела ночь под покрывалом, Татьяна в недоумении пожала плечами:

«Не помню, как здесь оказалась, как укрылась... И почему постель не расстелила? Ммм... после Светкиного звонка ничего не помню, кроме этого сна».

Потом она взглянула на часы и ахнула, понимая, что опаздывает на работу. Сегодня она обещала Ирине прийти по-

раньше, чтобы открыть магазин, её напарница предупредила, что задержится.

Времени едва оставалось на душ, лёгкую косметику и завтрак Заре, а о чашке кофе уже и не приходилось мечтать.

«Ладно, в магазине попью», – уговорила себя она, направляясь в ванную.

Через полчаса её каблучки звонко зацокали по лестничному маршу вниз.

V

Несколько дней он пытался понять – почему выбрал именно её из огромного числа таких же «звучащих», но пока не мог, хотя чувствовал, что этот выбор не случаен. Он увидел в ней то, что не находил в других, в ней таилась загадка, и эта загадка неудержимо влекла его к девушке. Следуя за ней тенью, он всё больше убеждался в своей правоте, ощущая с этим хрупким созданием, со своей Звёздочкой, как он стал её называть, невыразимую близость. После неосознанного порыва с его стороны на берегу озера, когда девушка почувствовала его прикосновения и растерялась, он стал осторожней. Ему не хотелось травмировать её излишней назойливостью и он решил постепенно приучать её к своему присутствию, полагая, что рано или поздно между ними установится некое понимание.

Ему было хорошо в скромном жилище девушки, где долгое время обитал светлый дух её наставницы, он сразу же это понял, когда вошёл за ней в первый раз. При его появлении

незримая наставница была ещё там, она осветилась неподдельной радостью, будто ждала именно его.

– Теперь я могу быть спокойной, моя девочка в надёжных руках. Храни её, так же как и я. А мне пора, меня уже ждут.

Он попытался остановить её, надеясь получить хоть какое-то разъяснение:

– Подожди, не уходи, мне нужно с тобой поговорить.

Но та была немногословна:

– Ты всё узнаешь сам, не торопись. Прощай.

В тот же момент она исчезла и больше здесь не появлялась. Но ему почему-то казалось, что они ещё встретятся, пускай не так скоро, но обязательно встретятся. Кроме духа наставницы в доме оказалось ещё одно живое существо – маленький чёрный друг Звёздочки. Это чуткое существо сразу же обратило на него внимание, однако беспокойства не проявило, не почувствовав в нём угрозы для себя и своей хозяйки. И в последующем они довольно мирно уживались на одной территории.

Как и у многих других в жизни Звёздочки были свои маленькие секреты и касались они её самых сокровенных чувств, свой внутренний мир она считала некой святыней, оберегая его как зеницу ока, и далеко не каждый мог в него попасть. Язык бы не повернулся назвать такую скрытность неискренностью, ведь она никогда не кривила душой, хотя могла кое-то утаить, что-то недосказать во благо другому, однако при этом ни разу не солгала себе, уж он-то это знал.

Больше всего его поражал рисунок её души, с подобными знаками он здесь ещё не сталкивался, в этой живой картинке он смог разглядеть то, что подтверждало его догадки. Звёздочка имела очень тесную связь со своей душой, могла её слышать и даже настраивать как волшебную арфу, но делала это не совсем осознанно, скорей, по наитию. Называя душу разными именами, девушка почти всегда безошибочно находила к ней самый короткий путь и получала ответный отклик. Но в последние дни ей было нелегко это делать, что-то мешало ей, отвлекало ненужными мыслями, не давая сосредоточиться. Он быстро понял, что здесь не обошлось без постороннего вмешательства, невидимых игроков он тут же окрестил – «незримыми» и отдал им должное, своё дело они знали. Блокируя сознательную активность в голове Звёздочки, они пытались добраться до более глубоких слоёв её памяти. Кто-то из сильных мира сего посчитал её опасной для себя или для каких-то далеко идущих планов, поэтому её и взяли под пристальный контроль. Уже дважды он спасал Звёздочку, но чувствовал, что этим дело не закончится. Во второй раз его противником оказался настоящий «охотник», очень сильный и цепкий, но и его возможности были не меньше. Тогда они разошлись миром, но всё ещё было впереди, он знал это. Теперь и за ним неотступно приглядывали, он постоянно ощущал на себе цепкие взгляды соглядатаев, однако приближаться к нему те опасались. Без сомнения «незримые» признали в нём очень серьёзного про-

тивника и были озабочены его появлением на планете, оттого и не спешили форсировать события, решив разузнать о нём побольше. Как ни странно, но в этом их желания совпадали, цель его миссии до сих пор оставалась невыясненной, и именно со Звёздочкой он связывал надежды в этом вопросе. Ведь не зря же знаки судьбы притянули его к ней. Вот только далёкое прошлое Звёздочки никак не поддавалось его видению, он смог лишь разглядеть нынешнюю жизнь девушки, а всё, что было за ней оставалось для него загадкой. И это поражало его, он без особого труда научился проникать в глубинную память «звучащих», а здесь оказался бессилён. Ему всё чаще казалось, что у Звёздочки никогда не было земного прошлого, а то, что она проживала сейчас, являлось лишь прикрытием, бутафорией для любопытных глаз. Возможно, скрытая судьба девушки была чьей-то хитроумной задумкой, и ей ещё предстояло сыграть свою самую важную роль. Он не знал этого наверняка, но интуиция настойчиво шептала ему о правоте своих суждений.

Повсюду сопровождая Звёздочку, он знакомился с её окружением, анализировал их мысли, чтобы быть уверенным в её безопасности. В последние дни его очень заинтересовали сны девушки, и он стал сопровождать её даже там, не желая оставлять её душу без присмотра.

Когда он просматривал вместе с девушкой её рукопись, внутри него что-то происходило, что-то менялось, он чувствовал, что вот-вот ухватится за ту самую ниточку, тянув-

шуюся из его прошлого. Пока это были отдельные вспышки каких-то событий, неясные образы, но они зажигали первые огоньки надежды на близость очень важных для него открытий. Вот поэтому он с затаённым дыханием следил за её творческими замыслами, за каждой новой строчкой, ложившейся на страницы книги, и радовался любой удачной находке. Ему даже казалось, что рядом со Звёздочкой он обретает вполне осязаемую форму, почти, как у «звучащих», и девушка вскоре сможет не только чувствовать его, но и видеть.

Пока она работала в магазине, он успевал совмещать приятное с полезным, пристрастившись просматривать стоявшие на полках печатные рукописи. Несмотря на то, что он совсем ничего не помнил о подобных источниках информации, всё равно довольно быстро нашёл способ для считывания с них самого главного, не прибегая к трудоёмкому и утомительному чтению, как это обычно делали «звучащие». За несколько дней он сумел закачать в хранилища своей памяти практически всё, что там находилось. О безусловной пользе такого неразборчивого поглощения литературы можно было, конечно, спорить, но немало полезного для себя он всё-таки вынес.

Его многое интересовало в истории планеты, но взаимоотношения полов стояли на первом месте, потому что в игре противоположных энергий он видел огромную силу, способную менять реальность, и знак такой силы мог быть как со-

зидательным, так и разрушительным, всё зависело от вектора приложения. В процессе своих исследований он неплохо изучил собирательные образы «звучащих» и довольно много о них узнал. Простудировав библиотеку Звёздочки, он обогатился неоценимыми переживаниями авторов, вкладывавших свои чувства в сюжеты книг, это была совершенно другая точка зрения и она существенно расширила его понятия о земном мире, которые стали обретать хоть и не совсем законченные, но уже более правдивые формы.

Наблюдая за посетителями магазина, он увидел, как к Звёздочке подошла её знакомая. Эта женщина часто навещала в магазин и, хотя была не совсем откровенной со своей подругой, опасения у него не вызывала. Вот только своей словоохотливостью она немного утомляла его, но зато являлась любопытным типажом для наблюдения, потому что не совсем вписывалась в его собирательный образ. Прислушиваясь к разговору подруг, обсуждавших открытие какой-то выставки, он продолжал думать о своём. Он не вмешивался в дела Звёздочки и с пониманием относился к любому её выбору, однако в последнее время один из её знакомых стал настаивать на нём. С этим человеком что-то было не так, фон его мыслей мог кардинально меняться, и это происходило помимо его воли. У него не было сомнений, что кто-то держал его на своём «властном крючке», используя его душевные слабости. Вот только зачем? Связав свои наблюдения и случай в парке, он был почти уверен, что все события

не случайны и имеют между собой тесную связь.

Внезапный импульс остановил ход его мыслей, его звали, причём очень настойчиво. Покидать Звёздочку ему не хотелось, но интрига всё же пересилила, источник мог иметь важную информацию. Оставив девушку на попечение подружки, он устремился к месту предполагаемой встречи. Пролетев сквозь ленточки улиц, он оказался в том самом парке, где произошёл неприятный для Звёздочки инцидент. Он сразу определил того, кто посылал ему сигнал. Незнакомец в облике «звучащего» мирно сидел на скамейке и читал какую-то газету. Желая проверить реакцию незнакомца, он зашёл уже со спины и замер в ожидании.

– Не прячься, Урсан, я знаю, что это ты, – спокойно произнёс тот, не поворачивая головы.

– Как ты меня назвал? – удивился он.

– Урсан. Это твоё имя. Ах, да, ты забыл... м-да, с памятью у тебя не важно.

Он уже слышал это имя. Повторяя его про себя, он ощущал, как имя резонирует с его духовным сердцем, сердце помнило его и с радостью отзывалось.

А тем временем незнакомец продолжал:

– Странные коллизии судьбы, странные... Не находишь? Ты миллионы лет стремился к тому, что люди называют – Богом и уже, по сути, им стал... а потом в один миг смог забыть своё имя и прошлое. М-да, забывший своё прошлое рискует потерять и предначертанное ему будущее. Ну, ничего, это

поправимо, бывает, что достаточно вытащить из чьей-то памяти всего лишь один малюсенький штришок и глядишь – всё, стена забвения уже рухнула, рассыпалась как карточный домик...

– Ты что-то знаешь обо мне? – с некоторым волнением произнёс новоиспечённый Урсан.

– Кое-что знаю, иначе бы не приглашал тебя. И больше того, я готов подсказать тебе тот самый штришок.

– И что же взамен?

– Хм... ты догадлив, мой друг. Но сначала я немного проясню ситуацию. Как ты, наверно, успел заметить – этот трёхмерный мир не так прост, как кажется, в нём столько тайн и скрытых течений, не говоря уже о тех, кто правит здесь бал. Да, да, вижу, что ты в курсе некоторых вещей.

– Если ты насчёт конструкции планеты, то да, я заметил, что она изолирована от интеллектуального космоса защитной сферой, и что до последнего времени существовала строгая дозировка внешних информационных потоков и до сих пор происходит фильтрация человеческих мыслей на выходе из кокона. Не подскажешь – зачем?

– А как же иначе? Там наверху никто не желает утечки «мусора», в свободном плавании он мог бы обратиться вирусом даже для высокоразвитых цивилизаций.

– Но этот мир варится в собственном соку своих же порождений, для людей с тонкой душевной организацией здесь несколько душновато. Разве не так? – настаивал на своём Урсан.

сан.

– Ну, как раз этому есть объяснение: из гуши тьмы ярче восхождение. В этой жизненной круговерти обрящут только ищущие и чуткие, – не задумываясь, ответил Посредник.

– А остальные?

– Изначально они все были в равных условиях, и даже сейчас не важно какое они занимают место в обществе, важно то, кто из них готов прозреть. Знаешь, Урсан, в трёхмерной реальности существует такое понятие – естественный отбор, для каждой человеческой фракции уже уготовано своё духовное сито, и такой подход отвечает принципам эволюции. Я предлагаю к этому вопросу вернуться позже. А сейчас меня интересует, что ты выяснил насчёт двух векторов земной власти?

– Пока немного. Надеюсь услышать это от тебя, – отдал свой ход собеседнику Урсан.

– Хорошо, если в двух словах, то этот спор двух вездесущих сил начался очень давно и продолжается по сей день, одним по праву принадлежат небесные сферы, другим чрево нижних и средних астральных миров, но те и другие борются за души человеческие здесь на Земле. На данный момент на планете сложился относительный баланс сил, и я бы не хотел, дабы кто-то его нарушил, я не склонен поддерживать ни одну из сторон противостояния, я посредник и моя миссия в том, чтобы сохранять это самое равновесие, не смотря ни на что. Но ситуация складывается так, что вмешатель-

ство может стать необходимостью, в противном случае пространственный хаос может спутать планы многим посвящённым...

– Всё что ты сказал, Посредник, мне уже знакомо, я успел сделать некоторые выводы. Но я не совсем понимаю – зачем тебе я?

– Не спеши, я не договорил. Ты как раз и представляешь одну из сторон, однако твоё появление здесь оказалось несвоевременным, ты несколько задержался в иных мирах по неизвестным мне причинам... теперь ты здесь, и с тобой пришла неучтённая сила. Но это не так страшно при разумном её использовании, проблема в другом, дело касается рукописи твоей подопечной. Ты же знаешь о ней, так?

Урсан не стал отрицать и попытался просканировать мысли Посредника, но тот оказался крепким орешком. Урсану пришлось принимать предложенные правила игры.

Между тем Посредник продолжал:

– Так вот, эта книжица очень непростая, она писана уникальным ключом одной древней цивилизации. По сути, сама рукопись является ключом от информационных кодов, которыми очень-очень давно были запечатаны врата портала, ведущего... ну, скажем так – в один очень интересный мир иной реальности. Не спрашивай, где он находится, не отвечу, если честно, сам не знаю, скажу лишь одно – в ближайшем будущем врата должны быть вновь распечатаны. Ты не хуже меня понимаешь, что потенциалы двух миров силь-

но разнятся по световой плотности и для их слияния нужны определённые предпосылки. Вероятно, ты смог заметить, что такая подготовка уже ведётся, в данный момент информационная память планеты проходит мощную чистку, дабы менее болезненно принять новые энергии. Они нужны, они послужат обновлению планеты, и этот срок, как я уже говорил, практически созрел. В дальнейшем трёхмерное пространство будет полностью замещено энергиями более высокой реальности. Но у любой медали есть и обратная сторона, ваши визави не хотят гармоничного слияния миров, это нарушит их планы на мировое господство. А посему на нашу девочку откроется настоящая охота.

– Допустим. Но причём здесь ты, Посредник, ты же, как я понял – лицо нейтральное? Какая в том твоя выгода? И почему меня не позвали те, кто имеет на это право? – резонно заметил Урсан.

– Согласен с тобой, это выглядит не совсем обычно. Почему с тобой до сих пор не связалась твоя сторона – не знаю, может, у них на тебя есть другие планы, или ты их пока устраиваешь в таком качестве. Но они точно знают о тебе, поверь мне, они значительно раньше нас зафиксировали сигнал о твоём возвращении. А насчёт своей выгоды скажу так – я очень не хочу, чтобы Земля раскололась на множество бессмысленных осколков раньше времени. Считай, что сейчас я выступаю не как посредник, а как гражданин мира. Ты можешь этому верить или нет, но это правда.

– Похоже на бунт в стане посредников, – с долей иронии заметил Урсан.

– Это моя личная инициатива и другие не в курсе.

– Ещё один вопрос: откуда ты знаешь про меня? Я чувствую, что ты не всё мне сказал. Если я не получу ответа сейчас, разговор не состоится, – решительно заявил Урсан.

– Скажу так, некоторое время назад на Землю высадились группа наблюдателей из сопредельной галактики, перемещение происходило разными способами и с разными целями, основная группа уже выполнила часть своих задач и возвратилась на околопланетную базу, а двое самых квалифицированных экспертов где-то затерялись. Уже позже по своим каналам я узнал, что с одним из них произошла неприятность, он угодил то ли в квантовую воронку, то ли в один из рукавов отрицательной мерности, точно не знаю, одним словом, он исчез из поля зрения центральной космической базы. Ну, а с твоим появлением я смог решить эту несложную задачку с двумя неизвестными. Вот тебе мой ответ.

– Попробую поверить. Хорошо, предположим, что они смогут найти ключ и открыть портал раньше времени... Тогда земной мир затопит неуправляемый хаос, я прав? – произнёс Урсан.

– Не просто хаос, а наступит вавилонское столпотворение и не только планетарного масштаба, – в голосе Посредника послышались тревожные нотки. – И я даже затрудняюсь прогнозировать последствия, если наступит полная разбаланси-

ровка вращения планеты, колебания наклона её оси уже критические, резкая смена полюсов крайне нежелательна.

– А разве нельзя как-то заблокировать информацию в книге хотя бы на время или сделать копию файла, а основной файл стереть с компьютера?

– Мы думали об этом, но, увы, не всё так просто... информация уже находится внутри твоей подопечной, она уже сама стала информационной матрицей, или ключом, как тебе будет угодно, осталось лишь подобрать его активатор. Вопрос в том – кто это сделает первым?

– Странная постановка вопроса... такая важная проблема не может быть пущена на самотёк, это же очевидно.

– Нет, конечно. За девочкой присматривали, но всё делалось в строжайшей тайне даже от нас посредников. Мы совсем недавно почувствовали опасность и сразу же запросили информацию. Однако нам только намекнули на отдельные моменты общего плана, а всё остальное нам пришлось домысливать и перепроверять самим. Как мы поняли, изначально в стратегию плана были посвящены немногие.

– И ты сразу причислил меня к тем самым немногим? Откуда такая уверенность?

– Уже теплее, – с хитринкой в глазах сказал Посредник. – Урсан, я понимаю твоё нетерпение знать больше, но давай не будем спешить...

– И что же ты хочешь от меня? Чтобы я залез к Звёздочке в мозги и перекодировал таймер, чтобы активатор не сра-

ботал раньше времени? – в словах Урсана вновь слышалась ирония.

– Интересно, а почему ты её так называешь?

– Даже не знаю, мне она сразу показалась какой-то особенной, не от мира сего, вот и назвал. И всё-таки, ты не ответил.

– В отличие от тебя и тех, кто на твоей стороне мы не можем непосредственно влиять на её свободную волю.

– Ты действительно хочешь предложить это мне? Но это абсурд! Как же тогда план, о котором ты только что обмолвился? Ведь сам же говорил, что посвящённые держат ситуацию под контролем.

– Держат, но не совсем... есть подводные течения, о которых они пока не знают. Нет, Урсан, я не заставляю тебя влезать в мозги нашей девочки, а предлагаю кое-что другое. Я придумал одну хитроумную комбинацию и готов поделиться с тобой, если согласишься на мои условия, – до сих пор темнил Посредник.

– Посредник, а почему именно её ты считаешь вторым неизвестным? И кто вообще затеял всю эту игру, зачем столько сложностей? Ведь можно было просто направить посланника от хранителей ключа в нужное время и всё, – словно не слыша его, произнёс Урсан.

– Хороший вопрос, – усмехнулся Посредник, не спеша с ответом. – На эту роль она была выбрана неслучайно, главным режиссёрам нужна была именно она, или точнее – сущ-

ность с человеческими качествами этой эволюционной расы. Так что – наша девочка с изюминкой. Я думаю, ты скоро сам догадаешься, с чем были связаны такие условия. Ты же не просто так прибился к ней, это не случайность, а закономерный итог. Да ты и сам всё чувствуешь. Так?

– Допустим. Что дальше?

– А дальше ты будешь получать ответы по мере выполнения наших договорённостей. Урсан, мы должны заключить с тобой соглашение, я уверен, мы оба заинтересованы в этом. На кону жизнь планеты, она должна ещё послужить людям.

– Сколько же мне ещё предстоит разгадать этих замысловатых ребусов, – задумчиво проговорил Урсан, думая о чём-то своём.

– Предлагаю объединить наши усилия и разгадывать их вместе, – предложил Посредник. – Так ты готов услышать то, что хочешь знать в обмен на небольшую услугу?

– Похоже, выбор у меня невелик.

– Если это – «да», то ты должен согласиться на мои условия.

– Я согласен выслушать тебя, а дальше – поглядим, – ответил Урсан.

– Иного я и не ожидал, – удовлетворённо кивнул Посредник.

Они разговаривали на понятном друг другу языке, причём Посредник совсем не открывал рта. Ни один проходящий мимо человек никогда бы не заподозрил, что сидящий

на скамейке мужчина в данную минуту решает такие важные мировые проблемы.

Однако, как минимум две пары незримых ушей очень внимательно вслушивались в этот странный разговор.

VI

В этот день Татьяна ушла с работы немного раньше, чтобы успеть к открытию выставки Полянского. В своих кругах Валера был довольно известным художником, а некоторые авторитетные критики даже прочили ему большое будущее. Татьяне трудно было судить об этом, особым знатоком живописи она себя не считала, но некоторые работы Валеры ей по-настоящему нравились. В них чувствовалась жизнь, игра страстей, загадка и недосказанность. Валера не относил себя к сторонникам какого-то определённого стиля, в его картинах могло уместиться всё что угодно – от реализма до полной абстракции со всей её смысловой пестротой. И самое интересное было в том, что разные направления вполне комфортно уживалось вместе, даже дополняя друг друга. Он постоянно искал новые пути, по его словам – чтобы найти возможность совместить, на первый взгляд, несовместимые вещи и утончить грань между общепринятой реальностью и тем, что в неё не укладывалось. Собственно этим он и заинтриговал Татьяну, она тоже искала нехоженые тропинки в своём творчестве. И вообще Валера нравился ей как человек, с ним было интересно общаться, он много знал и к жизни относился без «штампов», как-то по-философски, что ли.

Правда, он был немного себе на уме, но ярлыков по этому поводу на себе не носил, в творческой среде это всегда считалось нормальным. Волошина и сама этим грешила.

Дома Татьяна переделалась в своё единственное вечернее платье, которым пользовалась очень редко именно для таких случаев, привела себя в порядок и вызвала такси. От услуг Вадима она отказалась, хотя тот откровенно набивался в попутчики. К началу презентации она немного опоздала и чтобы не привлекать к себе внимания, незаметно смешалась с приглашёнными на выставку людьми. Пока виновник торжества в окружении репортёров рассказывал о своём творческом пути, Татьяна решила спокойно осмотреться. На противоположных стенах просторного зала во всю его длину размещались полотна Валеры, среди которых Татьяна отметила уже знакомые ей, но были и новые работы. Прислушиваясь краем уха к негромким голосам людей, она всё дальше отходила от места презентации, задерживаясь возле новых картин Полянского. Сейчас её интересовали не столько детали, а самое первое впечатление, ощущение эмоционально-чувственного фона картины. О том, что художественные полотна умеют разговаривать и даже влиять на людей девушка узнала ещё от бабушки, а позже не раз могла убедиться в правоте её слов. Каждая картина обладала своим особым характером и скрытой энергетикой, всё зависело от умения установить с ней контакт, наладить ту незримую чувственную связь, посредством которой можно было прикоснуться

к замыслу художника. Одна из новых работ Валеры не просто заинтересовала Татьяну, а в первую минуту вызвала что-то вроде оцепенения, она не могла поверить в то, что видела и чувствовала. С большого двухметрового полотна на неё глядели «Маски добродетели» (работа так и называлась), обладателями которых были сильные мира сего, ряженные в дорогие одежды вельмож, королевские мантии и сутаны. А в окружении этих властных персонажей на небольшом островке зелёной лужайки, залитой нежно-золотистым светом, юная девушка собирала цветы. От этого островка исходило столько тепла и света, что Татьяна на секунду зажмурилась от переполнявшего её блаженства. Чем дольше она вглядывалась в сюжет солнечного рая на завуалированном фоне шестиконечной звезды, тем сильнее он очаровывал её сердце. Она даже не заметила, как что-то буквально втянуло её сознание внутрь картины. То, что она увидела там – просто ошеломило девушку! Она оказалась в объятиях ранней летней ночи в тот самый момент, когда мириады звёзд уже вспыхнули во всей своей красе на таинственной синеве южного неба. Минуту или две, затаив дыхание, она созерцала это чудесное великолепие, не смея о чём-либо думать, пока не увидела золотистую тропинку, уходящую в ночную даль. Тропинка появилась неожиданно, словно по мановению волшебной палочки. Татьяна ступила на неё и пошла навстречу прекрасной неземной мелодии, лившейся откуда-то издалека. Ей показалось, что она уже слышала её где-то...

Татьяна даже не поняла, что её вытолкнуло обратно, всё произошло так быстро и неожиданно. Она оглянулась по сторонам, желая убедиться, что никто из окружавших её людей не заметил произошедших с ней странностей. Но все были заняты своими делами. Глубоко вздохнув, чтобы освободиться от остатков своих видений, Татьяна отступила на шаг назад. Теперь её заинтересовал внешний фон полотна, где расположились другие персонажи. Сейчас ей показалось, что она уже видела их где-то. Это навязчивое ощущение поселилось в её сердце и не давало покоя. Благопристойные на вид взгляды вельмож и священнослужителей были обращены к девушке, но что-то в них было не так, что-то заставляло Татьяну сомневаться в их искренности. Сначала она не поверила, подумала, что ей померещилось, и чтобы проверить себя расфокусировала зрение. Нет, она не ошиблась, лица сильных мира сего менялись прямо у неё на глазах, превращаясь в омерзительных существ, готовых в любую секунду погубить невинное создание. Чем дольше она вглядывалась, тем отчётливее видела, как тянутся к девушке их липкие удлиняющиеся руки с единственным ненасытным желанием – задушить её непорочную красоту. Она предприняла попытку добраться до их тайных помыслов, чтобы увидеть в них хоть малейшие проблески человечности, но вместо этого натыкалась на злобные гримасы. В них не было сострадания. Татьяна ощутила невыносимую тоску... Но потом вдруг ясно поняла, что замысел полотна нельзя вос-

принимать лишь по отдельным фрагментам, он был неделим и только благодаря этому сохранял хрупкое равновесие. Невинная душа девушки с картины находилась в безопасности, пока хранила свою чистоту, и намерения зла казались ничтожными если не находили отклик у стороннего наблюдателя картины. Татьяна с облегчением вздохнула и попыталась осмыслить только что увиденное:

«Не может быть... Как он это смог, как у него получилось? Ведь это мои мысли, мои чувства, мои... удушливые объятия добродетели, как это знакомо мне... то, что я хотела раскрыть в книге, ту основную мысль он перенёс сюда и уместил в этих образах на полотне... он передал весь смысл, у него вышло, получилось...»

– Ну как моё творение? – неожиданно раздался за её спиной знакомый голос.

– У меня нет слов... – растерянно проронила Татьяна. – Как ты это смог передать?

– Значит, удалось, да, Танюша?

– Валера, на все сто! Но как?

– Хе-хе, всё благодаря тебе, труженица, – хитринкой блеснули глаза Полянского. – Ты уж извини, Танюша, не удержался, подглядел эту мысль в твоей книге, пока моей благоверной не было. Меня будто током ударило! И всё, всё стало ясно как божий день. Таня, это лучшее что у меня есть, здесь всё живёт, всё переплетено, связано как в нервах жизни. А главная интрига? Ты увидела это двойное дно?

– Да, да, ты прав, всё так и есть, я увидела это и прочувствовала, каждой своей клеточкой прочувствовала! Но почему ты раньше мне не сказал?

– Знаешь, Тань, мне ведь важно именно твоё мнение, вот и хотел, чтобы ты сама без подготовки... одним словом, решил сделать тебе сюрприз.

– И ещё какой! Валера, ты просто гений, правда!

– Скажешь тоже... ну, всё равно – спасибо, Танюша. Да, есть ещё кое-что, я хотел с тобой посоветоваться...

Но договорить он не успел.

– Ах вот они где! – ворвалась в их разговор Светлана. – Валерка, ну ты хоть совесть бы поимел, твоя выставка, а мне отдуваться приходится! Все уже тебя обыскали, куча вопросов у людей, а они тут шушукаются! И ты, подруга, тоже хороша, тихушница! Проплыла мимо нас как белый лебедь, потупив глазки. Думала, не заметим? Нет, милая, Светлана Борисовна всё видит, от меня так просто не упорхнёшь.

– Я тоже рада тебе, Светочка, хорошо выглядишь, – с улыбкой отпарировала Татьяна.

– С вами, дамы, не соскучишься! Ладно, мать, веди уж на эшафот бедного художника, – не смог скрыть улыбку Полянский, притворно вздыхая:

– Уф-ф, как меня утомила вся эта светская возня.

– Надо, Валерочка, надо, привыкай, – ответила Светлана, демонстративно беря под руку мужа, и уже на ходу обернулась к Татьяне:

– И ты, Волошина, не отставай, тебя тоже ждут...

Тем временем посетители выставки начали рассыпаться по залу, вполголоса обсуждая работы Валеры.

Пока Татьяна следовала за Полянскими, то не раз ловила на себе мужские взгляды, как впрочем, и женские. За впечатлениями от картины и разговором с Валерой она совсем забыла про своё вечернее платье с выразительным декольте и пикантным боковым разрезом и что высокие каблуки придают ей особую женственную элегантность.

Промелькнувшая мысль её даже позабавила:

«Всё как всегда, то ли выставка картин, то ли нарядов вместе с прелестями их обладательниц. Смешно. Ладно, Таня, ты же женщина всё-таки и, причём довольно привлекательная. Пускай любят, а кто не хочет – пусть завидует».

На неё иногда находило такое игривое настроение.

Реакция Вадима на её появление была вполне предсказуема:

– Танечка, вы... вы просто обворожительны, вы женщина во всех смыслах, я даже вас не узнал.

– Спасибо, Вадим. А если не узнали, то долго жить буду, –нисколько не смутилась Татьяна.

Она уже успела примерить на себя новую роль и чувствовала себя вполне раскованно.

– Танюшка у нас умеет перевоплощаться, когда захочет, конечно, – со смешинкой в глазах заметила Светлана.

С этой минуты Вадим не отходил от Татьяны. Он то и де-

ло одарял девушку комплиментами, при этом старался коснуться её руки, или слегка пожать её тонкие пальцы, на что Татьяна благосклонно отвечала молчаливой улыбкой. Можно сказать, что вечер удался, некоторая нервозность организаторов выставки, ощущавшаяся вначале, давно забылась, а взамен появилось чувство заслуженной эйфории. Тем более, что картины пользовались успехом и даже продавались. Публика в зале постоянно менялась, оставались только приглашённые на банкет, но их уже мало интересовали работы Полянского, а разговоры они вели больше на отвлечённые темы. Валера и сам немного подустал от внимания и нескончаемых вопросов между поздравлениями, и реагировал на них уже без прежнего блеска в глазах.

Уже перед самым закрытием, когда заждавшиеся гости оживлённо потянулись в банкетный зал, в галерею вошёл представительный седовласый мужчина и без раздумий направился к той самой картине, которая так заинтересовала Татьяну. Он не стал, как многие знатоки живописи разглядывать её под разными ракурсами, меняя угол зрения, а просто уставился на неё немигающим взглядом и простоял так не менее пяти минут. Потом удовлетворённо кивнул, что-то прошептал одними губами, и рукой подозвал к себе Полянского, безошибочно угадав в нём хозяина полотна. Этот жест удивил Татьяну, в нём чувствовалась властная воля, не терпящая отказа.

Пока Валера с незнакомцем обсуждали какие-то связан-

ные с картиной вопросы, Татьяна смогла лучше разглядеть этого человека. Её сердце нервно забилося, как и тогда в парке лишь только она увидела его глаза. Они были разными, один – тёмно карий, другой – светло-серый, почти голубой. Всё повторялось, её книжный герой, как две капли воды походил на этого человека или наоборот. Но факт оставался фактом, девушку преследовал либо плод её воображения, либо реальные люди, с которых писались книжные образы. Первый вариант даже в голову её не укладывался. А если рассматривать второй – то откуда она могла их знать?

Её размышления прервал голос Светланы:

– Ну что, Валерочка? Что этот солидный дядечка от тебя хотел?

Увлёкшись своими мыслями, Татьяна даже проморгала возвращение Полянского.

Подошедший Валера недоуменно развёл руками:

– Ничего не понимаю... он мне такую сумму отвалил только за то, чтобы я не продавал «Маски», и сегодня же снял с выставки. А ещё он сказал, чтобы я никому не показывал её хотя бы полгода особенно после захода солнца. И слово с меня взял, просто слово и всё. Странноватый господин, однако.

– А деньги где? – сразу полюбопытствовала Светлана.

– Вот чек выписал, в долларах, – сказал Полянский, засунув руку во внутренний карман пиджака.

– Ва-а, ничего себе! – не сдержалась от возгласа Светлана, когда ознакомилась с циферками в чеке. – Валерка, я просто

уверена, что тебе не нужно задавать лишних вопросов, делай, как он велел и точка. Это судьба – не иначе! Нет, такое счастье надо вспрыснуть и прямо сейчас!

– А как насчёт бесплатного сыра в мышеловке, доверчивые вы мои? – подбросил шепотку сомнений Вадим. – Не боитесь подвоха? Что-то меня здесь настораживает...

Но Светлану уже трудно было остановить:

– Да брось ты, Вадик, у богатых свои причуды! Сам ведь богатенький, лучше меня знаешь. Что мы теряем? Картина у нас, деньги тоже.

– В принципе, так оно... но лично я не стал бы так разбрасываться деньгами да ещё незнакомому человеку.

– А может, он меценат, ну для таких вот дарований среднего возраста как Валерка! – рассмеялась Светлана. – А ты что молчишь, Волошина, опять в себя ушла?

– Да нет, Света, я уже на поверхности, только сказать нечего, одни загадки, – задумчиво проговорила Татьяна.

В этот момент со стороны банкетного зала, находившегося в соседнем помещении, послышался женский голос:

– Валерий Викторович, Светлана Борисовна, ну где же вы? Вас уже все заждались!

– И друзей ваших приглашайте! – поддержал её мужской баритон.

– Идём, идём! – крикнула в ответ Светлана.

– Ребята, вы только не говорите там никому насчёт картины, Света, тебя это больше касается, – попросил Валера. – А

завтра её в мастерскую увезу, раз уж обещал.

Татьяна с Вадимом согласно кивнули, а Светлана с ноткой обиды бросила:

– Не хочешь, не буду. Только не кисни на собственном празднике.

Банкет уже был в полном разгаре, незаметно проскочив границу формальностей, он неудержимо набирал обороты. Но, несмотря на множество поздравлений, шуток и приличную дозу выпитого, в глазах Валеры Татьяна видела некое смятение, хоть он и старался скрывать его. Она подозревала, с чем это было связано, и решила поговорить с ним наедине. Когда Света убежала танцевать, а Вадим отвлёкся разговором с соседом по столу, Татьяна коснулась руки Полянского:

– Валера, ты хотел что-то сказать?

– Да, Таня, хотел... я сейчас пойду покурить, а ты выжди малость и за мной выходи, только незаметно.

– Хорошо.

Она так и сделала, улизнув буквально за секунду перед тем, как Светлану посетила идея затянуть всех в круг.

Валера встретил её в фойе и сразу потянул к дальнему окну:

– Отойдём в сторонку от лишних глаз.

На месте он глубоко вздохнул, словно преодолевая какую-то преграду внутри себя и неуверенно произнёс:

– Таня... э-э... не знаю даже с чего начать, как-то всё это нелепо выглядит...

– Валера, ты говори, я постараюсь понять.

– Знаешь, когда я закончил «Маски» я ещё пару дней по-долгу рассматривал картину, всё пытался найти какие-то шероховатости, мне казалось, что я что-то упустил, просмотрел... и чем дольше я в неё вглядывался, тем двусмысленнее становилось моё восприятие, вернее, само ощущение. Иногда я чуть ли не на крыльях парил от радости, а потом вдруг, будто чёрт сглазил – накатывала такая необъяснимая тоска и я ничего не мог с этим поделать... Картина, будто гипнотизировала меня, то дарила, то выкачивала из меня энергию...

– У меня вначале тоже было нечто подобное, даже растерянность, – поделилась Татьяна.

– Да? Значит, всё правильно. Это всё равно, что выпить водки, рюмка – другая ещё для души, а всё остальное уже лишнее, не твоё, яд... Так и с «Масками». Знаешь, у меня сейчас в голове какой-то сумбур, я никогда не создавал ничего подобного и безумно горд собой... но с другой стороны, эта тоска в душе, от неё очень трудно избавляться...

Татьяна молча кивала, что-то обдумывая про себя.

– А почему ты сказала, что вначале это почувствовала, потом что – отпустило? – вдруг вспомнил Полянский.

– Да... я не стала фрагментировать сюжет, а постаралась увидеть его в целом... наверно, я нашла какой-то баланс внутри себя, и это ощущение пропало. Валера, в твоей картине заложен огромный смысл, не все это поймут, но это так, правда... но понимаешь, внешнее кольцо не может су-

ществовать без ядра, они взаимосвязаны, и если произойдёт разрыв в восприятии, то нарушится равновесие. Мне кажется, ты попал под влияние внешнего кольца, там зло, прикрытое масками добродетели...

– Знаю, что зло, знаю. И что же мне делать? А если у меня не получится обуздать волю «Масок»? Может, лучше продать? Не выбрасывать же, да я и не смогу, рука не поднимется. Нет... я же обещал тому господину... нет, пока не буду продавать.

– И его появление тоже не случайно, мне так кажется, – сказала Татьяна.

– О чём ты, Таня? Я не понимаю тебя...

– Я и сама пока мало что понимаю... но он, наверно, прав, тебе лучше пока убрать картину, куда подальше от глаз, чтобы не искушать себя и других, она, действительно, как магнит притягивает.

– Ну да, ты права, тут без вариантов, не то сожрёт меня моё же творение, – усмехнулся Полянский. – Или всё же?..

– Валера, ты не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем, я тебе обещаю.

– Спасибо, Танюша, – произнёс Валера и с благодарностью поцеловал девушку в щёку.

Они даже не заметили, как подошла Светлана.

– А что вы тут делаете? – с вызовом проговорила она. – Валера, ты зачем её сейчас поцеловал? Волошина, ты к моему Валерке клеишься, да? У вас роман, да?!

– Да, Света, клеюсь, да роман! – не сдержалась Татьяна. – Ты точно ненормальная, Светка, ты же знаешь, что я в такие игры не играю.

– Мать, ну ты что? Дурёха ты моя, напридумывала чёрт знает что, – улыбнулся Валера, обняв женщину. – Куда же я от тебя денусь, ты же жена моя законная и мать моего ребёнка. Я просто насчёт картины с Танюшей советовался, ты не знаешь, я не стал тебе говорить пока... ну, в общем, я кое-что из её книги позаимствовал, вот и интересовался её мнением.

– Фу-ты... а я уже накрутила себя, ведь второй раз за вечер ловлю вас... А-а, вы точно нет?

– Света, ты же сама говорила, что у меня душа Лариной... А разве она способна на такое? – заверила подругу Татьяна.

– Ларина точно нет... А целовать-то зачем?

– Света, ты опять? В первый раз, что ли, он меня целует, мы же друзья.

– Ну, раньше это при мне было, и я не ревновала.

– И правильно делала, ревность оскорбляет истинные чувства, – проговорил Полянский. – А этот дружеский поцелуй всего лишь знак благодарности Танюшке за совет и только.

– Всё, всё, хватит меня уговаривать, я верю вам... ну, не могу я вам не верить, люблю я вас обоих и всё.

– Я тебя тоже, муза моя, – сказал Валера, ещё крепче прижимая к себе жену.

– Правда, Валерочка? – проворковала Светлана и затаила

дыхание в ожидании подтверждения.

– Правдой не бывает! Ты мне веришь?

– Да, да, да! – воскликнула Полянская, повиснув у супруга на шее.

– Вот и хорошо, не хочу, чтобы мы сорились, – облегчённо вздохнула Татьяна.

Она увидела, как прояснилось лицо Светланы, и поняла, что все недоразумения между ними были исчерпаны.

– Ну что, девчонки, пошли продолжать, а то нас уже точно потеряли, – позвал женщин Валера.

– Вы идите, я скоро подойду, – сказала Татьяна.

– Только не теряйся, Волошина, мы ждём, о твоём бокале я лично позабочусь, – отметилась повеселевшая Светлана.

– И кавалера моего тоже не забудь, а то не дай бог захандрит, – вдогонку ей напутствовала Татьяна.

– Не бойсь, присмотрим.

Когда её друзья скрылись из виду, Татьяна направилась в зал, где размещались картины Полянского.

У самого входа дорогу ей преградил немолодой охранник:

– Извините, выставка уже закрыта, посещение завтра с десяти утра.

– Я знаю... я буквально на минутку, хотела бы ещё раз взглянуть на одну картину, это очень важно для меня... Полянские мои друзья, они не будут против.

– А я помню вас, вас трудно не запомнить... Ладно, проходите, но только не долго, а то мне влетит от начальства.

– Спасибо, я не задержу вас.

Шаги девушки гулко разносились по залу, пока она не остановилась напротив «Масок».

Татьяна не совсем понимала, что её привело сюда вновь, но она ощущала острую необходимость в таком решении. Её неудержимо влекло к этой картине. Возможно, она что-то упустила в ней, и это что-то напомнило о себе.

«Да, «Маски» ещё проявят себя, я чувствую это... между картиной и моей книгой есть определённая связь... она уже не даёт мне покоя... Эта девушка в центре, мне кажется, что это я сама или моя душа, и она так похожа на мою героиню, так похожа... Боже, что со мной? Внутри меня всё перемешалось... мне кажется, что стирается граница между явью и вымыслом...»

С ней действительно творилось что-то неладное, пространство вокруг неё словно ожило, зашевелилось, и вместе с этим появился нарастающий звон в ушах. Девушка уже не чувствовала своего тела, оно становилось невосприимчивым и каким-то невесомым. Вдруг Татьяна увидела, что лица на картине тоже ожили, стали меняться как в прошлый раз, но теперь они глядели не на девушку в центре, а на неё. Их взгляды не предвещали ничего хорошего. Сердце Татьяны отозвалось болью, ей стало невыносимо душно. Но то, что произошло потом – ввергло её в ужас. Полупрозрачные фантомы персонажей стали сходить с картины и медленно приближаться к ней, расплываясь вокруг неё в виде петли.

В их злобных намерениях она не сомневалась, но не могла сдвинуться с места, её что-то не пускало, удерживало. Единственное, что она смогла сделать – это закричать, хотя и не слышала своего голоса. В ту же секунду в зале стало темно, и свет померк в её глазах...

Сброшенные маски

Тьме не до сна, её гнетут кошмары

От вещей слов, что дни ей сочтены...

Все маски сброшены и слепнут злые чары

У верных слуг мамоны и войны.

I

Вокруг неё был лес, тёмный безжизненный лес, совсем не похожий на тот, что она знала. Она стояла на месте, вслушиваясь в пугающую тишину, и пыталась что-то сообразить, вспомнить. Но на ум ничего не приходило, из её памяти будто вырезали какой-то связующий фрагмент. Последнее, что она помнила, как вошла в зал, потом возникли те странные видения, ощущение страха, паника и, наконец, темнота... Что произошло дальше, она не знала. Татьяна даже не могла объяснить, что видела в зале. Было ли это реальностью или галлюцинациями, плодом её чувствительной психики. Вот и сейчас она не понимала, что с ней и где находится, то ли это сон, то ли что-то ещё. Её сознание бодрствовало, но никак не могло включиться в ситуацию, словно его что-то блокирова-

ло. Крепко зажмурив глаза, она вновь их открыла в надежде проснуться, но лес никуда не исчез.

«Ладно, делать нечего, придётся идти, – решила она. – Только куда? А куда глаза глядят, туда и пойду».

Сделав несколько первых шагов, она сразу поняла, как обманчива была тишина. Лес вдруг встрепенулся: внезапно появившийся ветер со свистом пронёсся по кронам деревьев, раскачав стволы, которые ответили протяжным стоном, из-за каждого куста слышались какие-то шорохи, то там, то здесь раздавались пронзительные крики птиц или зверей. Татьяне казалось, что она слышит шепот леса, и этот шепот не был дружелюбным, он холодной ядовитой змеёй пытался забраться в самое её сердце. Сердце Татьяны сжалось от страха, к горлу подкатила тошнота, а ноги стали ватными и непослушными. Как только она остановилась, звуки стихли. Однако кажущаяся тишина теперь ещё больше пугала её. Превозмогая слабость, она двинулась дальше, и всё повторилось, но уже с большим размахом. Она вновь остановилась в растерянности. Лес затеял с ней какую-то зловещую игру, желая подчинить девушку своей воле, он хотел заставить её играть по его правилам. Татьяна поняла это, но ничего не могла противопоставить в ответ.

«И что же делать?.. Бежать?.. Закрывать глаза и бежать? Но, куда?! Он же везде, из него нельзя выбраться, это ловушка!» – уже теряла над собой контроль девушка.

Как только она об этом подумала, сразу уловила, как ооска-

лился лес, его наглая ухмылка не оставляла сомнений, что он читает её мысли. В этот момент Татьяну, будто кто-то толкнул и чтобы не дать лесу опомниться, она побежала, побежала наугад, не выбирая дороги, стараясь не слышать и не видеть, что творится вокруг неё. Лицо девушки нещадно хлестали ветви деревьев, царапины на руках от колючих кустарников кровоточили, но она не обращала на это внимания и бежала до тех пор, пока не выбилась из сил. Упав на землю, Татьяна какое-то время пролежала без движения, с трудом утихомиривая учащённое дыхание. Когда сердце немного успокоилось, она огляделась. Оказалось, что лес остался позади.

«Неужели отпустил? Или я сама смогла... Неважно, главное, что я в безопасности. А здесь светлей и луна видна. Какая огромная и какая яркая! А дальше что, куда идти, что делать?» – мешались мысли в её голове.

Луна оказалась единственным видимым ориентиром в противоположной от леса стороне, и она пошла прямо на неё. Вскоре лунный свет высветил вдалеке очертания высоких башен и стен. Подойдя ближе, она догадалась, что это какой-то средневековый город-крепость.

«Да-а, странностей всё больше и больше... уже и удивляться особо не приходится. Что же там за этими стенами? Сейчас ночь, наверно, город пустует. Лишь бы впустили, насколько я знаю из истории, входные ворота охраняет стра-

жа. Ладно, попробуем, если прогонят, пойду в другую сторону», – рассуждала девушка.

Но Татьяну впустили без лишних вопросов, всё равно, что свою. Когда за её спиной захлопнулись массивные ворота, пути назад уже не было. Девушка не спеша побрела по узким тёмным улочкам к самому центру города, не встретив на своём пути ни одного человека. Город будто вымер. Но всё изменилось, когда Татьяна повернула на городскую площадь, от неожиданности она даже остановилась.

Вся площадь буквально горела в смоляных факелах, здесь было так много народа, ей казалось, что весь город высыпал на какое-то ночное торжество. Люди негромко переговаривались между собой в ожидании какого-то важного события. Татьяна подошла ближе, смешиваясь с толпой, и стала пробираться к самому центру площади. Когда ей удалось рассмотреть, то, что находилось там, на всеобщем обозрении – её волосы встали дыбом. Это было лобное место в виде сколоченного из досок помоста, на котором находились какие-то люди, а чуть поодаль стоял высокий столб, обложенный поленицами дров.

«Это же эшафот... здесь кого-то хотят казнить», – мелькнула в её голове страшная догадка.

Татьяна стала пробираться в первые ряды, чтобы лучше всё разглядеть и вдруг услышала громогласный голос:

– Ведьма!

Тот час же люди вокруг девушки расступились, и она уви-

дела, как говоривший показывает на неё рукой.

– Ведьма! Держите её! Там её место, в огне! – снова выкрикнул человек в церковной рясе, уже указывая на столб.

Гул возмущения нарастал, все тыкали в неё пальцами, а язык девушки просто онемел.

Татьяна не понимала, что от неё хотят все эти люди. В следующую минуту её схватили стражники и потащили к эшафоту.

– Что вы делаете, отпустите меня! Да оставьте меня в покое, я ни в чём не виновата! Отпустите меня, изверги! Что я вам сделала?! Я вообще не знаю, как сюда попала! – упиралась изо всех сил Татьяна.

Пока её тащили, Татьяна успела разглядеть на столбе досочку с надписью, где к своему изумлению обнаружила своё имя. Стражники очень крепко привязали её к столбу и отошли в сторону. Всё это время она не прекращала звать к благоразумию и человечности, но её никто не слышал. Верёвки больно врезались в тело девушки, но боль уже не имела никакого значения, её хотели казнить, и вся эта церемония не являлась чьим-то фарсом, всё было по-настоящему. Татьяна похолодела, когда увидела обращённые к себе взгляды судей, среди них были те самые лица с картины Полянского. Внутри неё всё перевернулось, надежда затухала в её сердце, она отчётливо понимала, что намерения палачей уже ничем не изменить. Они ждали именно её. Да и в самой толпе девушка не видела сочувствующих взглядов, по-

что не видела. Татьяна плохо слышала, о чём говорил инквизитор, оглашая приговор, она думала о своей недолгой жизни и близкой смерти, которая совсем не вписывалась в её планы. Она уже не кричала и, наверное, смирилась...

Когда один из инквизиторов закончил читать приговор, палач с факелом направился к девушке, чтобы привести приговор в исполнение. В тот момент где-то внутри себя Татьяна услышала спокойный голос:

– Останови свои мысли, твой страх в них. Они влияют на тебя через твои мысли и заставляют верить в эту иллюзию.

– Через мои мысли? – переспросила Татьяна. – Разве всё это сон?

– Именно. Ты должна осознать себя и иллюзия рассеется.

После этих слов лица инквизиторов скривились в ухмылках, и один из них почему-то обращаясь в сторону Татьяны, произнёс:

– Ты думаешь нам помешать? Глупец! Не сейчас, так в другой раз. Наши корни слишком глубоко в этом мире, вам их ни за что не выкорчевать, даже и не пытайтесь!

– А мы и не будем. Они сами сгниют, когда ваше дерево стгорит в пространственном огне. Уже скоро! – твёрдо сказал невидимый незнакомец и, не обращая внимания на надменных судей, снова обратился к девушке:

– Не бойся, Звёздочка, они не тронут тебя, только не поддавайся им, ухватись за свою суть и держись её.

– Я не Звёздочка, я Татьяна, – растерянно произнесла она.

– Знаю. Очнись, тебе пора.

Татьяна открыла глаза и увидела склонившуюся над ней Светлану. Та приводила её в чувства традиционным способом – брызгала водой изо рта и при этом интенсивно махала полотенцем.

– Фу-ты, ну, слава Богу, очнулась... Танюшка, а мы все тут перепугались за тебя! Что случилось? Тебе плохо стало, да? Вон бледная вся, – привычно затараторила Светлана.

Татьяна вымученно улыбнулась и попыталась приподняться.

– Так, мужчины, берём больную и несём за мной, только бережно берём, – скомандовала Светлана.

Девушку тут же подхватили мужские руки и перенесли на ближайшее кресло. Вадим с Валерой остались рядом, на всякий случай, но не спешили беспокоить её вопросами. Они, как и Светлана были встревожены случившимся, это было видно по их лицам. В зале кроме друзей Татьяны находился тот самый охранник и ещё три или четыре человека, скорей всего, с банкета.

– Как я рада вас видеть, – совсем тихо произнесла Татьяна.

– А мы-то как тебе рады, Волошина! – рассмеялась обрадованная Светлана. – Тебе, правда, лучше? Может, врача вызвать?

– Не надо, мне лучше.

Вадим, чтобы как-то помочь Татьяне, принялся поглаживать её руку, а Валера еле слышно спросил:

– Таня, ты что-то увидела, да?

Татьяна сделала вид, что не расслышала и стала смахивать с лица оставшиеся капли воды. Никто не обратил внимания на этот странный вопрос.

– Танечка, а что это у вас за ссадины на руках, где вы так оцарапались? И на лице, какие-то полосы, откуда они? – вдруг спохватился Вадим.

– И точно ведь... а я в этой суматохе и не заметила даже, – поддакнула Светлана. – Может, ты сама оцарапала себя, Танюшка, когда в обмороке была, а?

– Я не знаю, – задумчиво сказала Татьяна, встретившись с растерянным взглядом Полянского. Он знал больше, чем остальные, поэтому молчал, мучаясь в догадках.

II

Через некоторое время после случившегося гости разъехались по домам, вслед за ними отправилась Татьяна в сопровождении Вадима, а Полянские, как и подобает хозяевам торжества – отправились последними. Дома Валера долго не мог уснуть, лег на кровать и снова вставал, бродя по затихшей квартире, ему не давала покоя тайна Татьяны. Он догадывался, что та столкнулась с чем-то необъяснимым, хотя и пыталась это скрывать, но у неё не совсем получалось, во всяком случае, от него. Полянский чувствовал какую-то болезненную привязанность к картине, чувствовал каждым своим нервом и всё, что с ней было связано, вызывало в нём повышенный интерес. Сейчас даже мысль о расставании с

ней казалась ему верхом глупости. С картиной он связывал какие-то свои тайные надежды, о которых не распространялся никому, даже самым близким людям. После очередного подъёма мужа Светлана уже не выдержала:

– Валерка, имей совесть, третий час ночи уже. Туда-сюда, туда-сюда – сколько можно?! Ты же маму с Игорьком разбудишь!

– Не ворчи, мать, воды попью и приду, – отмахнулся Полянский.

– Вот только попробуй где-нибудь забренчать – точно получишь!

– Я тихо, спи давай.

Но Валера отправился не на кухню, а в ванную, прихватив с собой телефон.

Набрав номер, он дождался ответа, и почти шёпотом спросил:

– Не разбудил, Танюша?

– Нет, я ещё не ложилась. У тебя тоже бессонница?

– Угу, – вздохнул Полянский. – Как ты?

– Спасибо, Валер, я в порядке. Ты что-то хотел?

– Да, хотел... Тань, ты же что-то видела там? Только честно скажи, я же чувствую, что видела...

Возникла пауза. В трубках слышалось лишь их прерывистое дыхание. Наконец Татьяна ответила:

– Ты прав... но это не телефонный разговор.

– Понял, записал! – обрадовался Валера. – Танюш, давай

встретимся завтра, ты только скажи где и я подъеду.

– Валера, я тебе завтра позвоню. Хорошо?

– Добро, буду ждать с нетерпением. Спокойной ночи, Татьяша.

– И тебе, Валера.

С заметным облегчением Полянский отправился на супружеское ложе, однако перевозбуждённый мыслями ум ещё какое-то время не давал ему заснуть.

В отличие от Полянского Татьяна и вовсе не ложилась, её переполняло столько разных мыслей и чувств, что сон никак не приходил. Она ощущала себя в каком-то раздвоенном состоянии, с одной стороны её пугала скорость, с которой вокруг неё разворачивались события, а с другой – ей очень хотелось разобраться с причинами происходящего. В таком положении неплохо бы кому-то выговориться или даже поплакаться, но бабушки рядом уже давно не было, а не очень близкому человеку такое не расскажешь, да и не всякий такое поймёт. Валера казался ей самой подходящей кандидатурой для откровенного разговора, но если честно, она толком не знала с чего начать этот самый разговор. Странности накручивались на её жизнь уже не первую неделю, а связать их во что-то реальное и осязаемое она пока не могла. Татьяна специально взяла небольшой тайм-аут, чтобы подумать и хоть как-то навести порядок на полочках своего внутреннего домика. Уже под утро, так и не найдя ответов на свои вопросы, она обратилась к тому, что было ближе ей сейчас:

«Милое сердечко, я совсем запуталась... я не понимаю, что со мной происходит... Эти сны, видения, внезапные страхи... Кто-то хочет сделать мне больно, хочет запугать меня... Но зачем? И кто же этот мой спаситель? Мне кажется, я уже видела его где-то, он знаком мне... Или нет?.. Я уже ничего не понимаю, ничего не понимаю, всё перемешалось, я так запуталась... я уже с трудом узнаю свою жизнь, где реальность, а где мой вымысел... я не знаю, не знаю... И где же искать подсказку? Может, она в моих видениях? Я ведь сама писала о знаках судьбы, они не раз помогали моим героям... Может, и мне они помогут?.. Ох, не всё так просто, одно дело писать, а другое понять самой... Подскажи, милое сердечко, ты ведь всё знаешь, помоги разобраться, кроме тебя и бабушки мне больше не к кому обратиться».

– Оно подскажет, – прозвучал ответ в её голове.

Татьяна вначале не поверила, подумала, что ослышалась и стала озираться по сторонам, как тогда на озере, но опять никого не увидела. Девушка чувствовала, что в комнате не одна, она уже не первую неделю чувствовала рядом с собой чьё-то присутствие, а сейчас это ощущение только усиливалось. Татьяна не смогла бы объяснить, на чём основывалась её уверенность, она просто чувствовала и всё. Несмотря на шевельнувшуюся в сердце тревогу, она решила идти до конца, ей уже до чёртиков надоело сжиматься от каждого шороха неизвестности и мучиться в своих сомнениях.

– Вы что-то сказали? – осторожно спросила она. – Я знаю,

что вы здесь, если вы меня слышите – дайте какой-нибудь знак... прошу вас.

Ответа не последовало.

– Мне надоели эти игры, хватит прятаться по углам! – уже дерзко сказала девушка. – Если вы не трус, то покажитесь!

– Душа – это цветок, девочка моя, прекрасный таинственный цветок и только от тебя самой зависит, чтобы он расцвёл во всей своей красе, – произнёс тот же самый голос.

– Что?.. Что вы сказали? Нет, этого не может быть, вы не могли этого знать, мы были тогда вдвоём, – взволнованно проговорила Татьяна.

– Она очень скучает по тебе, и надеется на скорую встречу.

– Но как... Как такое возможно?.. Так же не бывает, – почти прошептала девушка.

– Всё возможно, ты же сама знаешь, что это так, – ответил незнакомец.

– Неужели бабушка жива и мы можем с ней встретиться? Я правильно вас поняла? Скажите, я прошу вас! – ещё не веря до конца в только что услышанное, проговорила Татьяна.

Она до невозможности напрягла свой слух, чтобы не пропустить даже мельчайшей детали, малейшего изменения интонации в столь важном для себя ответе. И в этот момент она увидела его. Точнее, сначала – светящееся облако, которое стало обретать полупрозрачный контур очень похожий на человеческий. Она наблюдала его буквально несколько

секунд, а потом силуэт исчез.

– Она учила тебя верить себе, так не подводи её, верь. Ты уже на пороге тайны, тебе осталось сделать один шаг, всего один. Прощай, Звёздочка, – сказал он.

– Нет, подождите, не уходите! Мне нужно о многом вас расспросить, мне нужна помощь, я не смогу сама, я не знаю как! Я прошу вас... прошу... – почти умоляла его Татьяна.

Но все её слова проваливались в пустоту. Его уже не было рядом.

«Почему он ушёл? Я так ничего и не поняла... Опять одни загадки, недомолвки и никакого просвета... Хотя, нет... нет, есть просвет. Бабушка, родненькая, ты дала мне знак, значит, я не одна, значит, есть надежда, что всё изменится, что мне помогут... Только я что-то должна сделать сама, я чувствую, что должна... Я должна встретиться с Валерой, он точно что-то знает. Только, что я ему скажу? Про свои бредовые приключения, страхи? Или про призрака, который общается с бабушкой и знает наши с ней тайны? Ну уж нет, про это я точно умолчу, ещё примет за сумасшедшую даже со своей врождённой толерантностью... Самой смешно, это модное словечко уже оскомину всем набило. А может, всё-таки сказать, может, поймёт?.. Не знаю, на месте поглядим, всё на месте».

Они встретились во второй половине дня на набережной недалеко от Дворца культуры, где проходила выставка Полянского. После обмена приветствиями, Валера сразу же вы-

сказал нетерпение:

– Тань, не томи, рассказывай, я всё ночь как на иголках провёл, всё прокатывал, что с тобой могло произойти.

Татьяна вздохнула, не отводя от него взгляда:

– Валера, я расскажу, только дай слово, что не будешь смеяться, и что всё это останется между нами.

– Танюша, да я готов тебе десять честных слов дать, ты же меня знаешь, я адекватно отношусь к таким вещам и не проболтаюсь. Верь мне.

– Хорошо, Валера, поверю, мне и самой нужно выговориться...

В это время нижняя набережная реки была не очень оживлённой, им бы никто не помешал и Татьяна решилась:

– Валера, только прошу, не перебивай и все вопросы потом, а то мне трудно будет сосредоточиться.

– Всё, Тань, я наострил уши и нем как рыба.

Татьяна начала рассказ о своих странных похождениях или видениях, стараясь не упустить даже малейшей детали, но в её обстоятельный монолог иногда всё же врывались эмоциональные нотки. Слишком уж велико оказалось потрясение от пережитого прошлым вечером.

Когда она закончила, Полянский смешно сморщил лицо, молча прошёлся к реке, вернулся обратно и только после этого произнёс:

– Прав был этот странный господин, с картиной что-то не так, с ней что-то происходит после заката солнца... И вооб-

ще, мне кажется, я влез не в свои ворота... я запустил какие-то скрытые механизмы, а теперь всё происходит уже без моей воли, что-то нехорошее происходит... и я не знаю, что с этим делать... Хоть убей – не знаю!

– Значит, ты веришь мне, веришь всему, что я сказала? – с надеждой спросила Татьяна.

– Ну как не верить, конечно, верю, сам это чувствую... Слушай, Тань, а в твоей последней седьмой части книги – сколько будет глав?

– Думаю, семь, всё к этому идёт. А почему ты спросил?

– Я так и знал. Видишь ли, Таня, в твоей книге есть определённая закономерность, в каждой части по семь глав. Ты не знаешь, почему так получилось?

Татьяна на секунду задумалась и пожала плечами:

– Если честно... понятия не имею, так получилось и всё, я ничего специально не планировала. А что ты хочешь этим сказать?

– Знаешь, в своё время я сильно увлекался восточной философией, ну и теософию тоже почитывал... Ты, я помню, тоже?

– Мои успехи в этом очень даже скромны, – отшутилась Татьяна.

– Ну всё равно какое-то понятие имеешь. Там, если помнишь, есть такой циклический круг развития человека на планетных глобусах...

– Семь периодов по семь рас в каждом, если не ошиба-

юсь, – подсказала Татьяна.

– Да, верно. Помнишь, как из верхней точки круга при нисхождении заземлялась душа человека?

– Так, в общих чертах, – ответила Татьяна.

– Хорошо, это уже хорошо, – Полянский взял небольшую паузу, пытаясь подобрать более доходчивые и понятные ей слова:

– Тогда я упустил про бестелесного андрогина, нашего первого предка, про его разделение на мужское и женское начало при заглублинии в материю, если читала, то всплывёт... кстати, у тебя же в первой части что-то подобное было, ну, тот спор твоих героев насчёт религиозной байки про Адама и Еву.

– Да, был такой спор одного религиозного догматика с мудрым отшельником, первый утверждал, что в Библии всё нужно воспринимать буквально, а другой говорил об эзотерическом, тайном смысле писания.

– В точку, Танечка, всё верно! Первый Адам ведь тоже был двуполым андрогинном, а потом уже из его «ребра» появилась Ева, или – женское начало. Именно с этого момента и произошло их разделение, из одного появились двое... а потом появился «змей-искуситель» и совратил их вкусить с древа добра и зла. С его подачи эта милая парочка и начала процесс познания уже на Земле в «кожаных одеждах». Но, Бог отправил их на Землю не в наказание, как нам всегда втюхивали, а в командировку за бесценным опытом... Вот и

вся теология.

– Прямо смех и грех, вкусили-то оба, а всю вину за содеянное свалили на бедную женщину. Где же справедливость? – рассмеялась Татьяна.

– К тому же неразумную, – уточнил Валера. – В то время Адам с Евой вообще не понимали что такое грех. Откуда же ему взяться и за что их наказывать? Не понимаю, как мудрость может кого-то искушать, она даёт право выбора, а искушаются только невежественные души...

– Полностью с тобой согласна, Валерочка, можешь продолжать.

– Да, отвлеклись немного... так вот, к чему я веду, – в голосе Полянского чувствовалось волнение и в то же время желание как можно яснее выразить свою мысль, – сейчас, после миллионов лет дуальности мы находимся в самом низу круга, можно сказать, на самом дне материи, мы уже увязли в ней по самые уши, что глубже уже некуда, но... но в этом есть и свой плюс – мы уже люди, правда, ещё не вполне разумные.

– Не лесного же ты мнения о нас, – попробовала пошутить Татьяна.

– Танюша, я только констатирую факты. Но это ещё не всё, критическая точка погружения уже пройдена, и нам пора подниматься наверх, то бишь обратно к Богу возвращаться.

– Хоть обнадёжил, – хихикнула Татьяна и, ещё не совсем

понимая, куда клонит Полянский, спросила:

– Валера, а ты в моей книге какую-то аналогию с этим нашёл, да?

– Угу, нашёл. Твоя шестая глава четвёртой части надоумила... в ней же явный знак, подсказка о нашем будущем, может, даже очень близком. Вот, это же твои строки, я наизусть их выучил: «Стояла Невеста по пояс в воде в лучах первозданного света, созвучная чувствами звёздной семье, любовью небесной раздета». Тань, ты же душу имела в виду, так?

– Ну, да, душу... свободную душу, невесту небес, соединившую в себе огонь и воду, такая была задумка...

– Вот именно, Танюша! Это же символ равновесия, освобождения души, она раздета небесами, то есть – освобождена от дуальности и «кожаных одежд», а значит, «прощена» Богом. Это же новая точка отсчёта, путь домой к своей звёздной семье!

– Не буду спорить, Валера, наши мысли во многом схожи, и твою чудесную идею о девушке-душе в центре двух сплетённых треугольников я поняла и оценила... Вот только насчёт семеричной нумерации частей и глав не совсем понятно. Причём здесь она?

– Очень даже причём, Танюша! Я просто не дошёл до этой темы, а она может быть ключевой... В каждой части твоей рукописи я находил свой скрытый ритм, да, Тань, они все звучат по-разному, в каком-то своём диапазоне частот, что ли... Я не музыкант и во всех этих ваших гаммах, звуковых

рядках и обертонах мало что смыслю, но разницу перехода почувствовал, почувствовал по-своему, как художник через образы и цвет, с каждой частью моё восприятие менялось, менялось вместе с цветовой палитрой. Так вот, насчёт чисел, если ты помнишь из теософии – любая циферка несёт в себе особую вибрацию, в ней скрыта информация о звуке, цвете и даже о духовном видении, а комбинация чисел это уже целое таинство откровений. Вот такая задачка получается. Но я не смог полностью разгадать этот твой ребус, моих познаний здесь явно не хватает, здесь просматривается очень мудрёная комбинация шифра. И я почти уверен, это не случайный набор циферок, а ключ от какой-то важной темы. Не находишь?

– Валера, ты мне льстишь, я ничего такого не придумывала, а писала я, скорей, по наитию, так что...

– Вот именно по наитию! – перебил её Полянский. – В этом всё и дело, ты подключилась к очень мощному информационному каналу и считывала с него узловые моменты книги! Нет, конечно, что-то ты придумала сама, но основу тебе дали. Ты только, Танюша, не обижайся, я ведь так же творю вот на таких самых подсказках. Много ли мы знаем сами?

– Да я не обижаюсь, Валера, я всё понимаю, ты прав, наверно... подожди, конечно же, ты прав, я совсем забыла, я же сама её слышала, когда писала...

– Что слышала? – не понял Полянский.

– Мелодию... нет, её даже нельзя назвать просто мелодией... это какая-то неземная музыка, такая таинственная и очень красивая... я не могу передать эту красоту словами, у меня просто их нет... И тогда на выставке я словно проникла в твою картину вместе с этой музыкой, всё было так необычно, прямо как в сказке – ранняя южная ночь, чуть бледные звёзды и эта удивительная музыка, она словно лилась из многозвучного оркестра маленьких серебряных колокольчиков...

– Вот так всегда, всё лучшее достаётся другим, а глухим остаётся лишь завидовать, – изобразил сожаление Полянский.

– Не грусти, Валерочка, у тебя и своих талантов хватает, а музыку ещё услышишь, дорожка протоптана, – шутливо успокоила его Татьяна. – А если серьёзно... до меня только сейчас дошло, что с каждой новой частью она звучала на октаву выше... получается какая-то восходящая спираль звукового ряда с повышением тональности...

– Вот оно, то самое, теперь ты меня поняла! – воскликнул Полянский с несвойственным ему возбуждением. – Это повышение не случайно, я чувствую это... а ключ от этой загадки находится в шестой главе четвёртой части, я уверен, именно в ней. Ну, посуди сама, четвёрка – это нынешний цикл нашего развития, квадрат, я его отобразил полотном, а шесть – это символ новой человеческой расы, у тебя она отражена в особом ритме шестой главы, её сюжетом, а у меня

двумя переплетёнными между собой треугольниками в центре картины. Сама шестёрка – это вибрация ноты ля и синего цвета, или индиго. Я сразу почувствовал вибрацию этого цвета, нутром почувствовал!

– Но на картине же не тот цвет... Почему фон звезды жёлто-золотистый? – удивилась девушка.

– А жёлтый – это тайный цвет синего, это его флюидалный двойник, я просто их поменял местами.

– Всё, всё, поняла, я читала, эти цвета парные, если на синий глядеть расфокусированным зрением, то будет проявляться жёлтый и наоборот. Так ведь?

– Да, Танюша, всё верно.

– Слушай, Валера, мне показалось, что ты печатью Соломона хотел ещё и опечатать полотно. От кого, от влияния тех милых персонажей?

– Проницательная ты наша... Этот символ называют ещё знаком Вишну, это тайный знак древних ариев, в нём сокрыт огромный эзотерический смысл. Да, я хотел опечатать, хотел... но, видать, не очень-то вышло, судя по твоим злоключениям.

– Но пока же обошлось... Эх, вроде всё так просто, но я бы, Валер, сама точно не додумалась до всего этого, – со вздохом проговорила Татьяна. – М-да, всё гениальное просто...

– Да ладно, не прибедряйся, написать такую книгу уже дорогого стоит.

– А почему ты вчера с этого не начал, а всё вокруг да около? – без обиняков спросила Татьяна.

– Каюсь, Тань, грешен, хотел вначале прощупать тебя, хотел сравнить свои ощущения с твоими, да и Светка помешала... а сейчас я как открытая книга, только не знаю, как быть дальше... мозги уже закручивает от этой темы. Что скажешь, Танюша?

Татьяна прекрасно помнила, что кое-что утаила в своём рассказе, но решила пока об этом умолчать, ей хотелось всё хорошенько обдумать. Да и Полянского время поджимало, выставка осталась на попечении Светланы, а она уже точно – рвала и метала.

– Мне нужно подумать, – честно призналась девушка. – Валера, ты иди, Света уже заждалась. Ты не переживай, вместе что-нибудь придумаем. Созвонимся.

Полянский удивлённо поглядел на неё, но спорить не стал: – Тань, если так считаешь, то подумай... только не пропадай надолго. Добро?

– Валер, я тебе завтра позвоню, обещаю.

Когда он ушёл, Татьяна не поехала сразу в магазин, а решила прогуляться по набережной. Ей действительно нужно было многое переварить в своей голове и придумать, что делать дальше. Валера всё что мог уже сказал и сам находился в подвешенном состоянии. Теперь ей приходилось рассчитывать больше на себя.

«М-да, в жизни случайностей не бывает, это точно... а я

всё пыталась себя насчёт дружбы со Светой, всё причины искала, а теперь – вот он ответ, прямо на ладони лежит... не сидели бы мы с ней за одной партой и Валера бы в моей жизни не появился. Вот так, вот такие закономерности. Неужели все жизненные встречи планируются заранее? Но кем? Уф-ф, какая-то мешанина в голове... а надо всё разложить по полочкам», – успела подумать девушка, переключаясь на первостепенную для себя тему.

Погрузившись в себя, Татьяна брела вдоль реки, совершенно не обращая внимания на встречных прохожих. Она пыталась проанализировать полученную от Полянского информацию и сопоставить с тем, что случилось с ней за последние дни, но у неё почти ничего не получалось. В голове Татьяны крутились какие-то цифры, звуки, цвета и никак не могли собраться в осмысленную картину. Не найдя ничего лучшего, она стала вспоминать как писала книгу. С сюжетом книги тоже было не всё так гладко, она то писала запоем, выдавая за вечер «на гора» целую главу, то с трудом выдавливала за неделю несколько строчек. В такие дни её голова будто отключалась и игнорировала все её творческие потуги. Но проходило какое-то время и всё в её сознании прояснялось, словно глухая непроницаемая стена препятствий вдруг разваливалась в прах, и перед ней открывались уже готовые решения. Те незабываемые часы озарения всегда сопровождалась песней серебряных колокольчиков, той самой, о которой она рассказала Полянскому. Именно

эта музыка неизменно звучала внутри Татьяны и поддерживала огонь её вдохновения, но как только показанные ей образы ложились на страницы книги, чудесные звуки тут же стихали, стираясь из её памяти. Вот почему она и не смогла сразу вспомнить её. Татьяна уже была почти на гребне своих внезапных открытий, но вдруг что-то заставило её остановиться. Она подняла голову и прямо перед собой в десяти шагах увидела того самого высокого человека из парка. В его немигающем, устремлённом на неё взгляде девушка уловила недвусмысленную усмешку, от которой внутри неё сразу же похолодело. Татьяна изо всех сил пыталась сопротивляться гипнотической силе его тёмных глаз, старалась уверить себя, что этот человек нереален, что он плод её воображения, книжный фантом. Но с каждой секундой её разум мутнел, становился вязким и безвольным, он будто погружался в топкое болото безразличия. Она хотела закричать, но голос не слушался. Чувствуя, что долго не продержится, девушка попыталась сконцентрироваться на слабеньком огоньке, ещё теплившегося внутри её сознания и ей с трудом удалось ухватиться за эту последнюю спасительную соломинку. Несмотря на туман в голове и оцепеневшее чужое тело, она всё же продолжала сознавать. А дальше начали происходить невообразимые вещи – сначала с набережной исчезли люди, потом стали бледнеть контуры самой набережной и близлежащей улицы и вдруг всё, что её окружало, словно растворилось, стёрлось из видимости...

Татьяна оказалась посреди бескрайней и безжизненной пустыни, её неестественный ярко кирпичный цвет больно резал глаза своей кричащей ядовитостью. Девушку сразу же обдало обжигающе-горячим дыханием, от которого её сдавленное сердце учащённо забилося. Татьяна не видела солнца, его просто не было, а жар, казалось, исходил отовсюду – сверху и снизу, небо здесь мало чем отличалось от земли. Она очень плохо переносила жару и обычно в её пик старалась отсидеться где-нибудь в тени, но сейчас у неё даже не было выбора. Оглядевшись, но не найдя никакого укрытия, Татьяна попробовала идти, в надежде отыскать хоть что-то дающее тень, но сделав не больше сотни шагов, остановилась. Последние метры ей уже давался с невероятным трудом. Страшное пекло было просто невыносимым, Татьяна даже не знала с чем его сравнить, разве что с открытой мартеновской печью, которую она видела только по телевизору, но сумела прочувствовать исходивший из неё жар. Не в силах двигаться дальше, она присела на корточки. Ей ужасно захотелось пить. Немного отдохнув, она предприняла ещё одну попытку идти, но после нескольких шагов просто упала без сил. Татьяна реально ощущала, как её клетки сжимаются в липкую массу, ей казалось, что ещё немного и всё, пустыня выжмет из неё последнюю каплю воды и тогда смерть. Девушка не знала, сколько пролежала в таком положении, время уже перестало для неё существовать. Ей хотелось лишь одного – как можно быстрее освободиться от этой невыно-

симой муки.

– Тебе плохо, милая, тебе жарко и хочется пить? – всколыхнул её затухающее сознание незнакомый мужской голос.

В его интонации девушка не смогла уловить ни сочувствия, ни иронии, да и не до этого ей было сейчас. Внутри неё вспыхнул лучик надежды, и она с трудом оторвала голову от земли. Но рядом с ней никого не оказалось.

– Кто здесь? – еле слышно прозвучал её вопрос.

Однако её услышали.

– Можешь считать меня своим ангелом-хранителем. Я могу тебе помочь, я подскажу, где найти оазис, там есть тень и вода, много воды, это недалеко... но без меня ты не найдёшь его.

– Покажите его мне... пожалуйста, – умоляюще попросила Татьяна.

– Покажу, обязательно покажу, только сначала ты должна кое-что вспомнить, без этого никак нельзя.

– Что... что вспомнить?

– Понимаешь, девочка, эта пустыня не плод твоего воображения, а реальность, которую ты сама создала в своей книге. Припоминаешь?

– Да, да... у меня что-то было подобное, – ответила Татьяна, смутно вспоминая об этом сюжете.

– Вот видишь, то, что случилось здесь – это твоя вина, это ты создала пустыню, и она с каждым днём всё разрастается, она может скоро поглотить весь мир. Это будет страшным

концом всей жизни.

– И что же мне делать?.. Как я могу всё исправить? – со слезами на глазах прошептала девушка.

– Выход есть, ещё не поздно, – успокоил её голос незнакомца. – Ты должна вспомнить одну небольшую особенность, она могла проявляться, когда ты писала книгу... ну, это может быть какое-то повторяющееся сочетание слов, комбинация чисел, или мелодия... попробуй вспомнить, милая. Это очень важно, это поможет нам остановить беду.

– Я попытаюсь...

Татьяна почему-то сразу же ухватилась за музыку своего вдохновения, пытаясь воспроизвести её в памяти, но получилось не совсем так, близко, но всё же не так, что-то ускользало от неё...

– Танюша очнись, Таня! – вихрем ворвался в её мысленные потуги крик Полянского.

Когда она увидела перед собой встревоженное лицо Валеры, то уже не смогла сдержать себя, она уронила голову ему на плечо и заплакала, даже не заметив, что они оба стоят в воде.

– Всё, Танюша, всё, я с тобой, всё позади, ты в безопасности, – проговорил Полянский и, бережно взяв её на руки, понёс на берег.

Татьяна не сопротивлялась, доверчиво обхватив его руками за шею.

Уже на суше девушка вопросительно поглядела на Вале-

ру:

– Ты как здесь оказался?

– Тань, я у самых дверей выставки уже был и вдруг что-то в сердце так нехорошо ёкнуло, я сразу о тебе почему-то подумал и решил вернуться... прошёл дальше по набережной, гляжу, а ты стоишь чуть ли не по колено в воде и смотришь в сторону того берега, так отрешённо смотришь... Холодно же, Танюша, не лето ведь уже.

– Жарко, Валерочка, очень жарко...

III

Высокий смуглолицый человек в тёмном пальто, словно из ниоткуда появился возле внушительного средневекового замка, расположенного на южном побережье Британии и, как ни в чём не бывало, уверенным шагом поднялся вверх по ступеням. Дверь ему открыл слуга в одежде из тех же средневековых времён. Дальше его с поклоном встретил дворецкий и доложил, что гостя уже ждут. Мужчина проследовал через длинный зал, нарушив его тишину своей чеканной поступью, и остановился возле ещё одной двери по левую сторону зала. Тотчас же дверь распахнулась, пропуская его в освещённый свечами коридор. Миновав коридор, гость вошёл в лифт и поднялся на последний этаж замка. Перед нужными ему дверями его встретила молчаливая охрана, но препятствовать не стала. В большом меблированном кабинете, вернее всего, служившем для конфиденциальных встреч, его действительно ожидали. Кроме седовласого мужчины в

одежде средневекового вельможи, который, по всей видимости, и был хозяином замка, в кабинете присутствовали ещё четверо. Один из них был священнослужителем, судя по убранству мантии – не ниже епископа высшего ранга, двое других выглядели вполне современно в светских и очень дорогих костюмах. Им составляла компанию красивая рыжеволосая женщина в роскошном вечернем платье. При появлении нового гостя все взгляды устремились к нему, словно ожидая от него важных известий. После обоюдных приветствий хозяин замка указал мужчине на кресло и произнёс:

– Надеюсь, с хорошими новостями пожаловали, уважаемый Дьюол. Мы слушаем вас.

– Не хочу вас огорчать, господа, но свою работу я пока не выполнил, однако, кое-какие сдвиги уже есть. Я знаю, что является кодом для активации ключа, но его характеристики мне снять не удалось.

– И что же вам помешало? Она ведь уже была в ваших руках, – перебил его ироничный голос рыжеволосой женщины.

– Леди Мердина, вы же не хуже меня знаете, что у каждой миленькой девушки есть поклонник или тайный воздыхатель, который в неподходящий момент может сунуть нос туда, куда ему не следует совать.

– Вы хотите сказать, что вам помешали, вам?! Но это же смешно! Вы теряете квалификацию, Дьюол, – рассмеялась женщина.

– Ваш сарказм, леди Мердина, здесь не совсем уместен, –

ничуть не обидевшись, ответил Дьюол.

– Дети мои, не нужно ссориться, давайте-ка лучше разберёмся в ситуации, – развёл их по сторонам служитель церкви. – Дьюол, поясните нам, что же вам помешало выполнить это задание. И что вам удалось выяснить?

– Благодарю вас, кардинал Лоренти. Вы правы, перейду к делу. Так вот, мне действительно помешал её тайный вдохатель, тот самый художник, что подсмотрел сюжет своей картины в её книге. Оказывается, он влюблён в нашу девочку. И по моим наблюдениям между ними установились не только доверительные отношения, но и некий внутренний контакт, что говорит о реальной связи между ними. Как знать, может эта связь тянется к их совместному прошлому. А если предположить, что они оба носители нужной нам информации, то выводы сами напрашиваются.

– Не обязательно, что он тоже причастен к этой тайне, это только ваши предположения, Дьюол, – заметил один из мужчин в костюме. – На деле всё может оказаться иначе, возможно, что написанная им картина лишь плод его интуитивного воображения, художникам свойственно это чувство, прозрение способно и не такое творить. Нам нужны факты, только достоверные факты.

– Согласен с вами, сэр Харлидей. Однако и мои предположения нельзя сбрасывать со счетов, на этой картине изображены именно избранные и вы в том числе. Такое вряд ли выдумаешь.

– Вот вы, Дьюол, и займитесь доказательством своих предположений.

– Я уже занимаюсь.

– А как могло случиться, что мы проглядели эту сеньориту, таких с изюминкой мы обычно ведём с самого детства? – осведомился второй человек в костюме.

– Увы, дон Сальерес, проглядели, у неё была очень хорошая защита в лице её родственницы и её способности стали раскрываться не сразу, очень непросто было углядеть.

– Хотелось бы поближе познакомиться с этой загадочной особой, столько к ней повышенного внимания, она заинтриговала меня. Как, Дьюол, устройте встречу? – произнесла Мердина, «обласкав» собеседника насмешливым взглядом.

– Я обязательно представлю её вам, леди Мердина, как только подготовлю её и решу некоторые формальности, – ответил Дьюол.

– И всё же, Дьюол, что вы узнали насчёт кода активации? – спросил хозяин замка.

– Единственно, что я могу сказать, лорд Сердвук, этим кодом является некая музыкальная композиция, но она набрана в незнакомом мне ключе, я никогда не слышал что-либо подобного, такой набор ритма точно не принадлежит нашим галактическим сферам. Вот только наша девочка не смогла доподлинно воспроизвести эту мелодию, что-то блокировало её память.

– А может, кто-то? – предположил Сальерес.

– Вполне вероятно, дон Сальерес. И я даже догадываюсь, кто это мог быть. Он уже не раз вставал на нашем пути.

Вслушиваясь в последние слова Дьюола, кардинал Лоренти раздражённо забарабанил по столу своими длинными костлявыми пальцами, вспоминая недавнюю встречу с пришельцем в искусственно созданном сне девушки, устроенном по настоянию Харлидея. И когда тот закончил говорить, спросил:

– Дьюол, вы разобрались – кто он и с какой целью здесь появился?

– Да, ваше высокопреосвященство, я узнал, откуда он и как его зовут. Его настоящее имя Урсан. Этот неожиданный гость прибыл к нам издалека, по моим сведениям они называют себя родом – Дивьянов. Этот род довольно древний и обитает он где-то в тонких мирах туманности Андромеды. Большого пока узнать не удалось, раньше они практически не участвовали в земных миссиях... Не знаю, может быть, была какая-то договорённость с Собором посвящённых, но пока о цели его визита мне ничего не известно, могу только предполагать.

– Плохо, Дьюол, очень плохо! Нам не нужны ваши предположения! – не выдержал Харлидей. – У нас уже нет времени на домыслы, мы с каждым годом теряем свою власть и так будет продолжаться пока мы не найдём существенные контрдоводы повышающимся вибрациям! Дезинформация уже с трудом справляется со своей задачей, правда пробивается

наружу, и ей начинают верить, нам стало трудно скрываться под старыми масками, нас уже скоро станут узнавать и будут тыкать в нас пальцами! Вы представляете, что будет, если вибрационный фон планеты поднимется хотя бы ещё на пол октавы?! Я уверен, что никто из нас этого не хочет.

– Не стоит так драматизировать, сын мой, ситуация по-прежнему под нашим контролем, – произнёс святой отец. – Хотя признаю, наша информационная паутина несколько прохудилась, уже не тот эффект зомбирования, люди становятся разборчивыми... а как говорится – дырочками сетями рыбку не поймаете. Нам нужно не только штопать старые сети, но и плести новые, иначе вместо жирного улова придётся довольствоваться случайным планктоном.

После его слов глаза дона Сальереса блеснули нездоровыми огоньками:

– Ваше высокопреосвященство, при всём моём уважении к вам, вы, видимо, не совсем понимаете, что происходит, ситуация в мире стремительно меняется не в нашу пользу. У нас уже нет времени на реконструкцию старых технологий, это всё детские забавы в песочнице, нам нужны кардинальные меры, нам нужно разодрать этот мир противоречиями, заставить его содрогаться от собственных мыслей, чтобы толпы жили в постоянном страхе за своё будущее! Мы должны создать тотальный управляемый хаос, которого ещё не было здесь никогда, только он может остановить пространственный огонь!

– Я понимаю твоё нетерпение, сын мой, и уважаю твою заботу обо всех нас. Но, согласись, любая свежая идея должна всесторонне анализироваться и только после этого становиться нашим орудием, иначе мы можем все пострадать от собственной опрометчивости. Не забывайте, дети мои, что эта планета является нашим домом и другого мы пока ещё не нашли... так что советую думать над каждым своим шагом. Если вы не забыли, совсем скоро состоится совет у Повелителя, а он, как вы знаете, не жалуется запальчивых предложений, как бы нам не пришлось там быть мальчиками и девочками для битья.

– Я согласен с кардиналом Лоренти и предлагаю закончить с сегодняшним вопросом. Какие будут идеи? – перевёл в деловое русло разговор лорд Сердвук.

– Есть одна, – усмехнулась Мердина. – А давайте-ка изолируем нашу милую особу от её друзей, мы же знаем все их недостатки и привычки, а это хорошие рычаги воздействия. Её можно рассорить с друзьями, загнать в одиночество и внушить чувство вины, нашей девочке нужно создать невыносимую среду, тогда её можно брать тёпленькой. А с посланцем из сопредельной галактики нужно решать радикальными методами, он нам только будет мешать. Что скажете, Дьюол?

– Я уже позаботился об этом. Да, потайные кнопочки есть у каждого из них, и мы знаем, как на них нажимать. А с пришельцем всё обстоит гораздо сложнее, он очень сильный во-

ин, хотя и с тонкой душевной организацией, чтобы вывести его из игры придётся потрудиться. Моих сил будет достаточно, но, возможно, понадобятся и некоторые властные рычаги.

– Всё в вашем распоряжении, Дьюол, силы, средства, если нужно мы подключим свои возможности! Лишь бы дело двигалось, – с пафосом заявил Харлидей. – Но перед тем, как устранить пришельца нужно выяснить – связан ли он с резидентами Собора и какое у него было персональное задание.

– Спасибо, сэр, я понял и обязательно воспользуюсь вашим предложением, если возникнет необходимость.

– Да и ещё, Дьюол, не забудьте узнать – почему он контактировал с одним из посредников, это поможет нам лучше увидеть картину их замысла, – напомнил лорд Сердвук.

– Непременно, сэр, – кивнул головой Дьюол. – За тем и другим уже установлено неусыпное наблюдение, любую полученную информацию будем перепроверять и анализировать.

Беседа за закрытыми дверями продолжалась ещё некоторое время, пока её участники, наконец, не закрыли стоявший на повестке дня вопрос. Дьюол уже был готов покинуть кабинет хозяина замка, но тот вдруг остановил его:

– Уважаемый Дьюол, не примите за оскорбление мой личный вопрос.

– Я слушаю вас, лорд Сердвук.

– Как вам в нынешней России?

Губы Дьюола скривились в еле заметной усмешке:

– Я ведь по натуре волк, лорд Сердвук, а волкам в овечьей шкуре – сами знаете как... но я готов терпеть ради близкой добычи, я всегда чувствую её запах. А вы так её ненавидите?

– Мне не за что её любить, она так и не покорилась нам. Вы же знаете, сколько воинственных сапог топтало её земли, сколько раз мы пытались разорвать её сердце на части, заставляли отказаться от того, что она любит, и желали убить её душу, но она всегда поднималась с колен, всегда... Да, я ненавижу её, люто ненавижу всё, что с ней связано! Но и отдаю ей дань уважения, она заслужила это, она очень достойный противник.

– Вы стали сентиментальны, лорд, это на руку нашим врагам, – с брезгливой миной на лице произнесла Мердина. – Нам нельзя быть слабее их, именно сейчас нельзя! Ваши слова меня просто удивляют.

В этот момент все остальные с интересом наблюдали за развитием событий.

– Вы правы в одном, дорогая, нам действительно нельзя сейчас расслабляться. А своего противника нужно уважать, если он того заслуживает, и в этом нет ничего удивительного и зазорного, – спокойно отреагировал её оппонент.

Мердина демонстративно фыркнула, сверкнув зелёными глазами, но промолчала. Она была необычайно грациозна и обворожительна даже в своём негодовании, но её природная красота напоминала совершенство змеи.

А вот Сальерес не смолчал, в его словах слышались ироничные нотки:

– Лорд Сердвук, неужели вам не дают покоя предсказания о великой роли России? Вы так верите этим доморощенным провидцам?

– Знаете, что я вам скажу, мой друг... однажды ложь стала смыслом нашего существования в этом мире, одним из главных рычагов нашей власти, но одно дело, когда ложью обольщаются толпы, а другое – когда обманываешь себя самого... Сейчас тот самый случай. Нет ничего хуже жить самообманом, это непрактично и чревато последствиями для нашего дела. И вы все прекрасно это знаете. Нет, дон Сальерес, не только предсказания убеждают меня в этом, а сам ход истории. Иначе мы бы давно подчинили эту непокорную страну, как это сделали со многими другими.

Сальерес не задержался с ответом:

– Лорд Сердвук, сейчас уже не средневековье и наши васалы уже не расчищают нам путь к власти своими мечами, теперь у нас есть другие более действенные возможности вплоть до радикальных мер. И я уверен, что мы пойдём до конца, победить или проиграть – иного здесь не дано! А для победы у нас есть железная мотивация – наше выживание на планете. Да, я согласен, Россия крепкий орешек, но и на неё найдётся свой хомут, или, в крайнем случае – могильный крест.

– Да, да, всё так, – вроде бы согласился Сердвук, но тут

вернулся к своим размышлениям:

– А если однажды люди узнают всю правду, узнают о своих истинных возможностях и поверят этому? Вы думаете, их мотивация будет ниже нашей?

– Лорд Сердвук, не стоит сгущать краски, до сих же пор нам удавалось держать их в неведении... в нашем арсенале есть столько острых крючков, чтобы водить рыбку в мутной воде, – вмешался в разговор святой отец.

Но договорить он не успел, его остановил нетерпеливый голос Дьюола:

– Господа, извините, но я спешу, дела. Разрешите откланяться?

Получив молчаливое согласие присутствующих, он поклонился и быстро направился к двери.

– Погодите, Дьюол, я с вами, – бросила ему вдогонку Мердина, – до встречи, господа.

Когда они покинули пределы замка, Мердина не стала скрывать своего раздражения:

– Что-то мне не нравится настроение нашего старика, его философия пахнет поражением. А вы, Дьюол, как на это смотрите?

– У вас есть предложение, леди Мердина?

– Есть. Предлагаю его обсудить.

– Мне трудно отказать прекрасной Мердине.

После разговора с Мердиной Дьюол уединился в своём загородном особняке, находившемся на юго-западном побере-

жье Британии вблизи небольшого курортного городка. Наверное, ещё пару лет назад он без раздумий принял бы такое лестное предложение, войти в совет избранных, над которым стоял только сам Повелитель, когда-то было верхом его мечтаний. Но сейчас всё складывалось иначе. Да, он полностью был согласен с Мердиной насчёт сентиментальности и вольнодумства лорда Сердвука, в иные времена за такие слова можно было лишиться всего, в том числе и жизни в проявленных мирах. Такое не говорилось вслух никогда. А сейчас Мердина предлагала лишить старика его сана избранного и только. Ну, а богатство, титул и власть оставались за ним. Если честно, то Дьюолу было плевать на все эти аристократические замашки избранных, на всех сэров и донов, его уже откровенно тошнило от придуманных светских игр и укоренившихся традиций. Он чувствовал, что всему этому представлению приходит конец, ощущение пустоты не покидало его ни на минуту, приближалось что-то очень страшное, не для людей, для них. Его уже не раз посещало видение, в котором он стоял на скошенной пожухлой меже, окутанной серым туманом, и не знал куда идти, впервые за долгие тысячелетия своего существования он не видел своего пути. Их мир рушился и рушился безвозвратно. Но он никогда бы не сказал об этом вслух, потому, что был Дьюолом, железным несгибаемым Дьюолом. С ним считались все, даже высшая элита, частенько забывая, что он не их кровей. Потому, что Дьюол мог многое, он всегда выполнял самое слож-

ное и очень редко проигрывал. Но в последнее время огонь пространства усилился настолько, что даже самые сильные из всемогущего клана повелителя Ханмары давали слабину, хотя и не признавали этого. Тысячелетия назад, когда их клан колонизировал Землю, на ней уже существовала жизнь, люди плодились и размножались, как велел Бог, но их разумность пребывала ещё в зачаточном состоянии. Их приход на планету был согласован с Собором посвящённых на определённых условиях и по срокам пребывания (Собор являл собой межгалактическую конфедерацию свободных мирозданий, добровольно вставших на путь божественного совершенства). Подобную работу в плотных мирах братство Ханмары выполняло уже миллионы лет, беря на себя обязательства своеобразного драматурга проявленной жизни, братья клана становились для людей чем-то вроде учителей рассудка в противовес их основной духовной природе. Они организовывали масштабные представления с миллионами участников, если можно так выразиться – тасовали жизненную колоду судеб с действующими лицами и исполнителями, а потом раскладывали промежуточный пасьянс, повторяя всё снова и снова. Обычно в дуальных мирах такая практика имела место, разность потенциалов лишь способствовала скорейшему развитию. Но они работали уже с готовым человеческим материалом. В генах людей изначально были заложены неограниченные возможности, но без разноплановых условий существования их раскрытие находилось под вопросом.

Поначалу так и было. Они многому научили людей, передо-
вая им по крупицам свои знания, развивая науки, бросая их
в пекла войн и в объятия мирских страстей, они учили их
не доверять своему сердцу, а верить только холодному рас-
судку и жить ради практической выгоды. Ничего большего
они дать людям не могли. Конечно же, человеческие души
сопротивлялись, в горнилах битв им не хватало покоя и со-
страдания, а мирские страсти без любви отдавали холодом
равнодушия и цинизма, душам хотелось свободы, но пути
умственных склонностей сжимались всё сильнее и сильнее.
Истинные демиурги человечества внимательно следили за
этим процессом, время от времени подбрасывая людям ду-
ховные знаки в виде той или иной религии, философской
системы или каналов искусств, чтобы души окончательно не
потеряли связь с Богом. Вот так, между двух полюсов из ве-
ка в век разными по длине шагами – люди продвигались к
своей разумности. Когда срок договора подошёл к концу, по-
велитель Ханмара вместе со своими приближёнными решил
всё по-своему. На тайном совете избранных было решено
расторгнуть все договорённости с Собором посвящённых и
остаться здесь навсегда, а повелителя Ханмару провозгласи-
ли вечным правителем планеты. Дьюол и тогда не разделял
своевольтва избранных, прекрасно понимая, что власть са-
мозванцев на планете рано или поздно должна закончить-
ся по одной простой причине, что планетарными эпохами
управляли космические циклы, которые постоянно чередо-

вались. Тёмный век не мог длиться вечно, как того желал Ханмара. Но его это не остановило, избранные сразу же взялись за разработку глобальных силков для человечества, запустив в программу его развития ряд информационных вирусов. Надевая на лица отъявленных лжецов маски добродетели, они вещали на весь мир их голосами о преимуществах «сытых овец» в стойле всемогущего пастыря, о канонах любви к узаконенному греху, о долге перед выжившими из ума идеями, пытаясь вывернуть наизнанку всё то, что раньше считалось относительной правдой. На душевные прозрения людей очень искусно навешивались ярлыки отступников, выскочек или лжепророков, а то и вовсе подрезали им крылышки, объявляя любую свежую идею плодом болезненного воображения с соответствующим диагнозом, чтобы навсегда отбить всякое желание мечтать. Все истинные ценности затемнялись, разбавлялись, принижались и доводились до общего примитивного стандарта. Им не нужны были светлые гении, они мечтали вырастить податливый материал, не претендующий на высокие материи, невежественными массами всегда было легче управлять. Ну, а низшие инстинкты и нездоровые амбиции являлись теми самыми кнопочками управления людьми. Любимый девиз правителя Ханмары говорил сам за себя: «прав тот, кто правит». С каждым столетием силки зависимости становились всё более искусными и изошрёнными, они всё туже затягивались на человеческих душах, внушая людям – что так и должно быть,

что это и есть та самая единственно правильная жизнь. А для усиления системы контроля над человечеством учёными клана была разработана специальная программа по изменению генного кода людей, её задача сводилась к мутационному подавлению духовно-волевых центров, отвечавших за свободу выбора. Управлять личностями, у которых напроць отсутствовало собственное мнение, было гораздо проще. Несмотря на безграничную власть и кипучую деятельность, они всегда оставались в тени, за кулисами мира, а видимые роли за них исполняли преданные им вассалы, пойманные однажды на крючки собственных пороков. Лжеправители во многом преуспели, но лучики света всё-таки пробивались в этот мир к сердцам людей, и вместе с сомнениями рождали в них проблески надежды. И вот, наконец, настало время больших перемен, планета набирала более высокий вибрационный обертон и вместе с солнечной системой переходила под «юрисдикцию» очень влиятельного галактического кольца, владыкой которого был демиург центрального солнца этой звёздной системы. Клану повелителя Ханмары был поставлен ультиматум – покинуть Землю. Истинные создатели планеты и человечества возвращались на земную арену и не желали больше лицезреть лжеправителей. Корабли межгалактических сил уже бороздили надземные просторы, а их незримые лаборатории не прекращали свою работу даже на секунду, насыщая психосферу планеты мыслеобразами новой реальности. С каждым днём петля безысходно-

сти всё ту же затягивалась на господстве некогда всемогущего клана. Но сдаваться без боя они не собирались.

Воспоминания о далёком прошлом оставили на лице Дьюола лишь горькую усмешку, он не хотел возвращаться обратно в прошлое, но и не видел своего будущего, фундамент их власти трещал прямо на глазах, вместе с тем, что тысячелетиями являлось смыслом его существования. Нет, он не оправдывал лорда Сердвука, но и топить его не желал, потому, что в чём-то разделял его взгляды. И ещё он не хотел терять такого сильного союзника, который явно симпатизировал ему, ведь никто не знал, как разложатся карты судьбы в ближайшее время. Дьюол обещал Мердине подумать, хотя наперёд знал свой ответ. Просто ему сейчас не хотелось наживать себе ещё одного врага, а Мердина была очень злопамятна и опасна. Гипнотическая красота женщины уже давно волновала чувства Дьюола, но он никак не решался раскрыться перед ней, немного побаиваясь её язвительного нрава. К тому же он был не её круга, а близкие отношения с неровней не приветствовались в клане Ханмары. Мердина вряд ли смогла бы прочесть мысли Дьюола, его многоуровневая защита ещё не давала сбоев, но он так же понимал, что она очень скоро вернётся к сегодняшнему разговору и тогда никакие отговорки ему не помогут. А он очень хотел выполнить задуманное. Дьюол был гениальным ловчим, он всегда чувствовал запах своей добычи и уж если её загонял, то никогда не выпускал. Сейчас его «охотники» уже были

расставлены по местам, осталось только надёжно захлопнуть ловушку. Несмотря на предчувствие расплаты за прошлые деяния, Дьюол отступать не собирался, его личная мотивация сейчас зашкаливала, ведь удачный прыжок в неизвестность мог стать спасительным окном в его будущее.

В ожидании важной информации из России, Дьюол спустился по металлической лестнице к берегу океана и стал прохаживаться по пустынному песочному пляжу, время от времени бросая взгляд на бескрайнюю водную даль. Его успокаивал шум набегавших волн, в могучем ропоте океана он всегда находил близкого для себя собеседника...

Наконец он получил телепатический сигнал от своих «охотников». Глубоко вдохнув полной грудью, он что-то прошептал одними губами и через секунду уже растворился в пространстве, оставив вместо себя лишь оранжевую дымку.

IV

Татьяна уже сутки не выходила из квартиры, с тех пор как Полянский привёз её домой. Она совершенно не помнила, как оказалась в воде и вообще с трудом понимала, что с ней произошло. Эти жутковатые видения уже появлялись с упорным постоянством помимо её воли и только запутывали ход её мыслей. Странно, что Татьяну до сих пор преследовало чувство жажды, оно то исчезало, то неожиданно накатывало со всей остротой её недавних мучений. Бутылка с минералкой всю ночь простояла возле её кровати, да и сейчас

девушка частенько бегала к холодильнику и никак не могла напиться. Весь сегодняшний день она провела в поиске ответов на свои вопросы, перечитывала ключевые главы своей книги, просматривала «Тайную доктрину», пытаясь найти между ними и рассуждениями Полянского какую-то взаимосвязь. Но зацепка всё-таки была. Тогда на набережной Татьяну окрылило её открытие, в том волшебном звучании она увидела некий ключик к своим поискам. Тем более, что человек из её дневного кошмара тоже проявлял интерес к загадочной мелодии. Она вновь и вновь пыталась вспомнить музыку серебряных колокольчиков, но ритм почему-то сбивался, было очень похоже, но всё равно не то.

«Нет, нет, всё не так, что-то в ней не хватает... странно, ведь у меня идеальный музыкальный слух, бабушка сама говорила, я всегда с первого раза запоминаю любую мелодию... такое впечатление, что мне не дают её вспомнить. Но почему? В какие же игры я влезла и с кем? Даже страшно становится... Нет, всё-таки я должна её вспомнить, должна. А если нет?... Ну, тогда путь один – в мастерскую Валеры, он не откажет. Ещё раз попытаюсь проникнуть в его картину. Может, получится. Как же он на меня глядел вчера, так нежно... ммм... а раньше я и не замечала... Вот ведь дурочка глазастая, он уже давно влюблён в меня, а я ни сном, ни духом. И что же мне со всем этим делать? Нет, я не могу...» – чувства Татьяны сейчас бросались из крайности в крайность, что, естественно, отражалось на её мыслях.

Сейчас даже ласки Зары не спасала девушку от навязчивых дум. Погрузившись в свои размышления, она совершенно забыла про нетронутый обед, и так просидела до поздних сумерек, пока её не вытащила на поверхность мелодия дверного звонка. Татьяна даже вздрогнула от неожиданности. Открыв входную дверь, она увидела взволнованное лицо Полянского.

– Что случилось, Танюша? – с порога выпалил он.

– Ничего не случилось, – растерянно произнесла девушка.

– Ну ты же мне звонила минут сорок назад, я всё бросил и на всех парах к тебе... Раньше бы приехал, но в пробку эту долбаную залетел.

– Валера, я не звонила тебе.

– Как не звонила? Тань, да ты что, я твой голос в любом состоянии узнаю!

– Валера, ты не стой на пороге, проходи, сейчас разберёмся, – уже ничего не понимая проговорила Татьяна.

Полянский молча прошёл в гостиную и расположился на диване. Он несколько раз бывал здесь со Светланой и знал расположение комнат.

– Чай будешь? – спросила Татьяна.

– Угу, – кивнул Полянский, нервно похлопывая по ноге рукой.

Татьяна только успела накрыть передвижной столик и разлить чай, как снова раздался звонок.

– Кто это? – всполошился Полянский.

– Не знаю, я никого не жду.

Татьяна снова пошла открывать дверь. По решительному лицу своей подруги она поняла, что сейчас будет скандал. Светлана бесцеремонно отодвинула Татьяну и напрямик направила в гостиную.

– Ну вот и застукала вас, голубки! Вот где, значит, гнёздышко себе свили!

Полянский сидел с открытым ртом, а Татьяна, стоя за спиной своей подруги, уже предвидела нехорошую кульминацию этой встречи.

– Волошина, ты просто дрянь, наглая и бессовестная дрянь! – уже не сдерживала себя Светлана. – А я ей дура верила, лучшая подруга, она почти святая, она на такое неспособна! Ух, как я зла, я убить вас сейчас готова обоих!

– Да ты что, мать, какая муха тебя укусила? – попытался урезонить её Полянский.

– Какая я тебе мать?! Ты меня даже по имени уже перестал называть, теперь я знаю – почему! Теперь ты для неё свою нежность бережёшь, да?!

Светлана вихрем кружила по комнате, чувствуя себя обманутой женщиной, и не скупилась на оскорбления. Татьяне было очень неприятно выслушивать обидные слова в свой адрес, но зная вспыльчивый характер своей подруги, она молча выжидала, когда та немного остынет.

– Что ты молчишь, Волошина, что, нечем крыть, да?! – израсходовав потенциал первой волны негодования, уже не

так яро выкрикнула Светлана.

– Жду, когда ты успокоишься, – просто сказала Татьяна.

– И что ты скажешь в своё оправдание?!

– Знаешь, Света, то, что Валера здесь ещё не повод обвинять его в измене. Ты ошибаешься в своих подозрениях, Света, мы просто друзья и ничего другого между нами быть не может. Валера зашёл узнать как у меня дела и всё.

– Просто так взял и зашёл, да? Думаешь, я тебе поверю? Дудки! Я же видела, как подорвался этот сукин сын! Танюша бычка позвала, поманила, как же отказать – нужно утешить милую!

– Света, я не понимаю, о чём ты вообще говоришь... Мне кажется, я не давала тебе повода оскорблять меня.

– Ей кажется! А мне не кажется, я знаю! Мне Вадик позвонил насчёт вас – голубков!

– Вадик? А он каким боком здесь? – наконец произнёс Валера.

– Тем самым боком, Полянский! Как ты сорвался, он позвонил мне и всё рассказал, как наша тихоня его отшила! Да так ещё в красках рассказал, у пьяного же весь словесный понос на языке! Мол, она теперь Валерочку шибко любит и хочет быть его законной музой! Кстати, он и подсказал, где вас искать.

– Света, ты в своём уме?! – уже не выдержала Татьяна. – Я вообще с выставки с ним не разговаривала, я уже второй день не отвечаю на его звонки!

Полянский только молча хлопал глазами, уже не зная, куда повернёт ситуация.

– А-а, значит, я дура всё придумала! Ладно, хорошо, как говорят менты – устроим очную ставку.

Полянская набрала номер Вадима и погрузилась в нервное ожидание. Ответили не сразу. Вначале она, видимо, подумала, что ошиблась, но уже через несколько секунд её лицо вытянулось от удивления:

– Какая сестра, какая больница? Мне нужен Вадим Карсанов... Что?! Как это случилось?! Авария, был пьян? В реанимации, не приходит в себя? Да, да, я поняла... А какая больница? Нет, я не родственница. Да, я поняла, спасибо.

– Что случилось? – взволнованно спросил Валера.

– Вадик разбился, сейчас в реанимации, – удручённо проговорила Светлана. – Волошина, это на твоей совести, можно было с ним как-то поделикатнее, полегче...

– Света, ты опять не слышишь меня, я ему ничего не говорила, – во второй раз пыталась оправдаться Татьяна.

– Ну да, ну да... он сам всё придумал, сам надрался и сам выскочил на встречу. Полянский, ты мне дома не нужен, можешь у неё поселиться или в своей мастерской, дело твоё, а я на развод подаю. Всё, я ушла!

– Света, да ты что сдурела, что ли?! Какой развод?! – уже в след Светлане крикнул Валера.

– Я ушла! – повторила Светлана и демонстративно хлопнула дверью.

– Тань, ты что-нибудь понимаешь?

– Не знаю, Валера, я уже ничего не знаю, – со слезами на глазах произнесла Татьяна. – Валера, ты беги, догоняй Свету, её нельзя сейчас оставлять одну. Делай, что хочешь, но уговори её подумать, утро вечера – мудренее.

– Добро, Тань, я побежал, пока! – уже на ходу бросил Полянский.

– Удачи, Валера.

Татьяна снова осталась одна. Ей не в чем было себя винить, но от этого легче не становилось. Она чувствовала себя совершенно незащитной и очень одинокой. Татьяна бросилась на диван и горько заплакала. Ей так сейчас не хватало бабушки – её доброго друга и мудрого советчика. Родители девушки были тоже хорошими людьми, но так уж сложилось, что они не стали для неё близкими душами. Татьяна всегда чувствовала, что в родительской семье не всё ладно, она часто слышала взаимные упрёки и даже ссоры за закрытыми дверями их спальни, но при ней отец с матерью старались поддерживать видимость дружной порядочной семьи. Уже позже она узнала, что всё это время отец любил другую женщину, находя всевозможные уловки, чтобы тайно встречаться с ней. А из семьи он не уходил только из-за неё, не хотел травмировать её детскую психику. Теперь родители жили раздельно, но отец, как и мать, был в курсе её дел. Вот только по душам у них никак не получалось поговорить, обычно при встречах они ограничивались формальными фразами и

пожеланиями. После выплаканных слёз Татьяне стало легче. Да и Зара, чувствуя состояние хозяйки, не отходила от неё ни на минуту, пытаясь помочь своей кошачьей лаской.

Девушка успокоилась и снова смогла здраво рассуждать:

«Жалко Вадима, очень жалко... надо бы узнать как у него дела. Помоги ему, Господи, помоги. Нет, что-то здесь не так... всё это подстроено кем-то... я же не сошла сума, с Вадимом я точно не говорила, а Светка утверждает обратное. Нет, он не тот человек, чтобы так сорваться, видимо, его очень сильно задела за больное. Но кто и зачем? Опять одни вопросы... А-а, ещё же был звонок Валере, мы так и не поговорили с ним, он сказал, что я ему позвонила и попросила приехать. Хм, и голос он мой узнал, надо же... странная история. Не по мою ли душу весь этот маскарад? Валера был прав, что-то мы с ним нехорошее всколыхнули, тёмное, и теперь это преследует нас. Нет, таких случайностей не бывает, похоже, всё дело в моей книге и Валериной картине. Только что это мне даёт? Одни предположения и ничего конкретного... С чего же всё началось, что меня заставило писать книгу? Мои необычные сны, видения, мои тайные мысли и надежды? Да, да, конечно... а ещё я хотела показать изнанку нашей жизни... я сама так часто заблуждалась в ней, так часто обманывалась многими вещами, в которых трудно усомниться... Как же мы все привыкли гонять «пустой воздух»? Неужели лишь потому, что хотим себя чувствовать живыми и значимыми в этой жизни? Как же глупо обманывать се-

бя, как же глупо считать правильным лишь то, что обросло каким-то вещественным весом, что вписывается в общепринятые нормы, а всё остальное, что не соответствует этому – считать чушью. Что же я хотела найти для себя в ней? Может, оправдание своему существованию, а может, саму себя? Но если так, то я не нашла ни того ни другого. Во всяком случае – пока. Вот Светка говорит – выйди замуж, нарожай детей, тогда на эти глупости времени не хватит... Я и сама об этом думала... да, будет больше приятных забот, радостных минут... Но даже если это представить, хоть на минутку представить – как же без любви? Разве так должно быть? Что же изменилось во мне, пока я писала её? Не так уж и много... да, конечно, кое-что узнала, переосмыслила, поняла... Но узнала ли я лучше себя, стала ли мудрее? Не знаю... Но, что-то всё-таки изменилось... вроде тревог меньше не стало, но что-то стало другим, необъяснимо другим. Странно, но иногда мне кажется, что некоторые мои сны намного ярче и реальнее всей моей жизни. Так что же во мне есть своё, настоящее, что безошибочно сможет отсеять правду ото лжи? И что есть я сама?.. Господи, когда же закончатся эти потёмки, когда?»

Не в силах ответить на свои вопросы, она вновь зашла в тупик, ситуацию ещё больше усугубляло нелепое недоразумение с друзьями. Татьяна старалась держать себя в руках, но навязчивые мыслишки то и дело просачивались в её сознание, отражаясь тревогой на сердце.

Она отыскала номер телефона больницы, в которую увезли Вадима, и попыталась узнать о его состоянии. Толком она ничего не узнала, информацию давали только родственникам, но, похоже, что его дела были не очень хороши. Татьяна долго не могла заснуть, а когда у неё всё же получилось задремать, она угодила в очередной кошмар сновидения. Внезапно прервав свой сон, она вскочила с кровати и несколько минут не могла успокоить бешеный стук сердца. Сполоснув лицо холодной водой, она полночи бродила по квартире, глядела через тёмные стёкла окон на уснувший город и думала о своём. И только ближе к утру Татьяна решилась всё-таки прилечь на кровать. Проснулась она уже с первыми лучиками солнца, игриво заглядывавшими в посветлевшее окно. В глазах девушки блестели слёзы, но это были слёзы радости от встречи с близким ей человеком. Этот удивительный фрагмент сна длился всего лишь мгновение, и бабушка не успела ей ничего сказать, но Татьяне вполне хватило её доброй ободряющей улыбки. Теперь она уже не чувствовала себя одинокой, её сердце согревал свет бабушкиных глаз. Остаток утра она провела в хорошем настроении за домашними хлопотами, между делом обдумывая план своих действий. Благо, что был выходной. К одиннадцати часам Татьяна уже знала, чем займётся дальше в своих поисках, и решила действовать незамедлительно. Сначала она позвонила Полянскому. Но тот не ответил. Татьяна не стала настаивать, заподозрив, что виной тому послужил вчерашний инцидент.

Однако, минут через пять её мобильник ожил популярной композицией группы «Грегориан».

– Привет, Танюша. Ты звонила? – раздался голос Полянского.

– Здравствуй, Валера. Я думала, ты обиделся.

– Танюша, да ты что?! Ты прекрати даже думать об этом! Какие могут быть на тебя обиды. Я просто занят был, завтра же последний день выставки и я сейчас на разрыв.

– Валера, как ваши дела? – осторожно спросила Татьяна.

– Ты имеешь в виду дела семейные? – усмехнулся в трубку Полянский. – Да никак пока, ночь провёл в мастерской, у меня там полный джентльменский набор, так, на всякий случай. Тань, ты же сама знаешь, не в первый раз от Светкиного гнева прячусь.

– Знаю. Хорошо, что есть где, – пошутила Татьяна и поспешила успокоить его:

– Валера, всё у вас наладится, дай Свете немного времени, она перегорит и одумается, а потом уже разберётесь в спокойной обстановке.

– Твоими бы устами, Танюша... Ну, тогда обещай, что третейским судьёй будешь.

– Обещаю беспристрастное участие. Валера, как дела у Вадима, ты звонил в больницу или его родственникам?

– Да паршиво всё у него, так и не приходил в себя, говорят, случай очень тяжёлый. Надежды есть, конечно, но сама понимаешь – тяжёлая травма головы и повреждение позво-

ночника... Дай то Бог ему выкарабкаться.

– Господи, за что ему всё это, – вздохнула Татьяна. – Валера, но я точно с ним не говорила, могу поклясться, мы вообще с ним не виделись и даже не созванивались. Это чья-то злая шутка.

– Тань, а ты мне тоже не звонила?

– Да не звонила я! Ты, что мне не веришь?!

– Верю, Тань, верю, потому, что знаю тебя. Но, хоть убей – ничего не понимаю... Это же кому-то нужно было так извратиться, чтобы перессорить всех нас. Тань, тебе не кажется, что нас пасут какие-то психи?

– Нет, Валера, это не психи, эти знают, что делают.

– Ты про кого это?

– Так, пока только предположения, нужно проверить. Валера, ты не мог бы дать ключ от твоей мастерской, мне хотелось бы ещё раз взглянуть на твою картину.

– Да без проблем. А ты не боишься одна, может, дождёшься меня?

– Нет, мне одной легче будет сосредоточиться. А потом вместе обсудим.

– Ну, как знаешь. Запасные ключи есть у соседки, можешь взять у неё, её квартира рядом, зовут её Жанна Викентьевна, я позвоню ей. На сигнализацию я не ставил. Или, если хочешь на выставку заскакивай, я там до вечера буду.

– Спасибо, Валера, я лучше к твоей Жанне.

– Угу, уже звоню. Запомни номер кода – сорок два. Тань,

только ты не пугайся там, сама понимаешь – творческий беспорядок. И ещё, Тань... ты, пожалуйста, не смотри мои незавершенные работы, я не очень люблю их показывать, на них простыни наброшены...

– Хорошо, Валерочка, в обморок постараюсь не упасть, подглядывать не буду, – хихикнула в трубку Татьяна.

– Добро, Танюша, до связи, – попрощался Полянский.

Татьяна отключила мобильник и стала собираться. До мастерской Полянского ей было удобнее добираться, чем с заездом на выставку, хотя она рисковала не застать соседку на месте. Несколько лет назад Валера купил эту трёхкомнатную квартиру всего в квартале от своего дома и переоборудовал её в мастерскую. По дороге вроде ничего необычного с ней не произошло, таксист окольными путями быстро домчал её до мастерской. Единственное, ей показалось, что она видела одну и ту же машину в своём дворе и уже потом, когда высаживалась на месте. Но, не придав этому особого значения, она набрала на двери подъезда номер кода квартиры Жанны Викентьевны. На её счастье женщина была дома, добросовестно дожидаясь милую девушку Татьяну, как её отрекомендовал сам Полянский. Соседка Валеры оказалась очень словоохотливой женщиной лет шестидесяти или около того, она быстро наладила контакт с Татьяной, успев за несколько минут рассказать девушке, как она зорко блюдёт за сохранностью гениальных Валерочкиных полотен и про всё остальное.

– Проходите, Танечка, почувствуйте себя как дома, – проворковала Жанна Викентьевна, пропуская Татьяну в мастерскую. – Я сейчас тут немножко приберу и не буду вам мешать. Я иногда помогаю Валерочке, за его мастерской присматриваю, за чистотой слежу, когда обедом накормлю, если он не очень занят, он полностью доверяет мне. Но к его картинам не прикасаюсь, упаси Боже, Валерочка не любит этого.

Жанна Викентьевна уже всю орудовала веником, а между делом продолжала развивать свою тему:

– Вы знаете, Танечка, такому одарённому человеку как Валерочка нельзя растрачивать себя на житейские мелочи, на всякую ерунду, ему нужно быть глубоко в себе, чтобы творить, чтобы создавать свои прекрасные картины и радовать ими людей. Вот я и стараюсь по мере сил оградить его от бытовых проблем, он же целыми днями здесь, бывает, допоздна задерживается, а Светлана совсем его не бережёт, хоть бы раз убралась, хоть бы раз поинтересовалась – не голоден ли он. Не моё это дело, конечно, но так нельзя, таких людей как Валерочка нужно беречь, такие люди как Валерочка – наша национальная гордость. Танечка, а вы подруга Светланы?

– Да, Жанна Викентьевна, ещё со школы, – ответила Татьяна, обходя зал мастерской.

Из трёх комнат «сталинки» после перепланировки получилась довольно таки просторное помещение с высокими потолками и достаточным количеством естественного освещения. Татьяна уже бывала здесь, но всякий раз ощущала в

этом зале что-то вроде благоговейного трепета. Сама атмосфера располагала к этому, ведь здесь зарождался дух творческих замыслов, где хозяйничали мольберты с незаконченными полотнами, художественные ящички, пеналы, палитры и кисти, где витали ни с чем несравнимые запахи лаков, грунтов и красок.

– Танечка, тогда у меня будет к вам большая просьба – вы просто обязаны поговорить со Светланой и передать ей мою обеспокоенность. Валерочка всю прошлую ночь провёл здесь, спал на этой неудобной кушетке, возможно, даже без белья, как какой-то бездомный собачонок. Куда же это годно?! Неужели у него нет своего дома? Очень обидно за него. Вы, Танечка, обязательно должны повлиять на Светлану.

– Это не совсем моё дело, но я попробую, – пообещала женщине Татьяна, прекрасно понимая, что разговаривать со Светой всё равно придётся. – Жанна Викентьевна, а вы давно знаете Валеру?

– А с того самого дня, когда он купил эту квартиру. С тех пор я пристально слежу за успехами Валерочки и очень горжусь за него, он очень, очень талантливый художник и прекрасной души человек.

– Да, Жанна Викентьевна, я полностью с вами согласна, он такой, – вполне искренне сказала Татьяна.

Минут через пятнадцать неравнодушная соседка выговорила и удалилась к себе. Проводив женщину, Татьяна направилась в самый конец зала, где за высокой ширмой на-

ходила картина Полянского, но дойти не успела, зазвонил дверной звонок. Татьяна вернулась и отворила двери.

– Вы? А где дядя Валера? – раздался подростковый голосок одного из учеников Полянского.

Татьяна совсем забыла, что Валера в свободное время занимается живописью с ребяташками, не за деньги, а так, для души.

– Тебя, кажется, Димой зовут? – вспомнила Татьяна.

– Да. А вас тётя Таня?

– Молодец, не забыл. Только, пожалуйста, не называй меня тётей, рано мне ещё тётей быть, лучше Татьяной или просто – Таней. Хорошо, Дим?

– Ладно.

– Ты проходи, Дима. К сожалению, дяди Валеры нет, он на выставке и боюсь, что будет только вечером. А ты по какому вопросу?

– Да я этюд принёс показать, вчера заходил к нему домой, а тётя Света сказала, что он здесь больше не живёт... Они что поссорились?

– Ну, это она погорячилась, у взрослых такое бывает, помирятся.

– Знаю, мои родоки тоже разбегались, и сейчас ссорятся...

– Всякое, Дима, в жизни бывает, и у меня с родителями тоже было... ты не суди их. А когда вырастешь и женишься – будь мудрее.

– Не-е, я жениться не буду, посмотрелся уже, лучше од-

ному.

– А ты не зарекайся, – блеснули смешливые искорки в глазах Татьяны, – вот встретишь однажды ту свою единственную девушку, твою самую – самую близкую половинку и полюбишь её до безумия и она тебя тоже... Что тогда делать будешь?

– Ну-у... я не знаю... там видно будет, – немного растерялся парень.

– Ах, даже так! – рассмеялась Татьяна, игриво взъерошив волосы паренька. – Ишь ты, видно будет ему! Гляди, не прогадай своё счастье.

– А вы, тё... Таня, женаты? – полюбопытствовал Дима, даже не озаботившись о своей взлохмаченной голове.

– Вообще-то, Дима, женщины выходят замуж, а мужчины женятся. А я пока не замужем.

– Почему? Вы же такая красивая...

– Здесь дело не в красоте, Дима, а как раз в том самом единственном... я его ещё не встретила.

– А-а... А если я в вас влюблюсь, ну, когда вырасту? – осмелел парень.

– Дим, я уже старенькая буду для тебя.

– Да ну... вы никогда старенькой не будете, вы же такая...

– Спасибо, мой кавалер, мне приятно слышать такие комплименты, – польстила парнишке Татьяна.

Чувствовалось, что Татьяна взаправду нравится подростку, да и темы они затрагивали очень интересные, поэтому

он не спешил уходить. С сегодняшнего дня поклонников у неё явно прибавилось. Они ещё немного поболтали о всяких разных взрослых вещах, и Дима нехотя засобирался домой. Закрыв за пареньком дверь, Татьяна невольно улыбнулась и повторила попытку добраться до картины. В отличие от незаконченных работ на неё была наброшена плотная светло-коричневая ткань, вернее всего, когда-то служившая портьерой. Стрелки на настенных часах ритмично отбивали всё новые и новые секунды, но девушка не спешила открывать картину, что-то удерживало её, вероятно, слишком близки были воспоминания того злополучного вечера. Мысли вновь путались в голове Татьяны, никак не желая ей подчиняться, а ей нужна была ясная голова. Сейчас она уже сознательно хотела проникнуть в зазеркалье картины и вынести оттуда всё самое ценное, всё, что ей будет позволено вынести и в первую очередь навсегда запомнить ту путеводную мелодию. Татьяна даже топнула ногой, разозлившись на себя за безволие и это подействовало. Её несговорчивый ум даже оторопел от такого властного обращения с ним и опасно затаился в молчании, пытаясь угадать, что же произойдёт дальше.

«Так-то лучше будет, – с усмешкой отметила про себя девушка, – появишься, когда скажу, пока ты мне не нужен, отдыхай, мой навязчивый друг».

Освободив от портьеры картину, Татьяна отошла на несколько шагов назад. В данный момент ум только мешал девушке, ей нужен был другой «инструмент», чтобы проник-

нуть за грань видимого. Она глубоко вздохнула и попыталась освободиться от всякой внутренней активности, от всех своих чувств и мыслей. Вначале её взгляд концентрировался на девушке в центре картины, но по мере углубления концентрации стал более расфокусированным и объёмным. Вместе со зрительными изменениями, Татьяна прочувствовала, как погружается в оглушительную тишину, её сознание стало расширяться, охватив вначале всю мастерскую, а потом вырвалось за её пределы, поглощая внутри себя все видимые формы, которые вибрировали и растворялись прямо у неё на глазах, или вернее – уже внутри неё. В прошлый раз картина буквально втянула в себя сознание Татьяны, но сейчас всё было иначе, теперь картина сама стала частью её всеобъемлющего сознания. Девушка с трудом представляла, что происходит, у неё совершенно не было желания сопротивляться этой непостижимой силе, очень мягкой и в то же время не оставлявшей ей выбора. С каждым мгновением она уносила девушку в самые глубины своего лучезарного мира, и ей казалось, что в этом необъятном океане золотистого света властвовала одна тишина. Но вдруг всё изменилось, и тишина разлилась поющим пространством любви... Татьяна уже не сомневалась, что это чудо и было самой жизнью, её девственным лоном, её изначальной колыбелью.

V

Посредник сдержал своё слово, всего одна небольшая, но очень важная подсказка из прошлого Урсана позволила тому

практически полностью размотать клубочек своей слежавшейся памяти, а немногие ещё оставшиеся белые пятна в его многотысячелетней биографии с нетерпением ожидали своей очереди, чтобы проявить свои скрытые тайны. Урсан оплатил Посреднику той же монетой, всецело поддержав реализацию его хитроумного плана. Они затеяли очень опасную игру с нынешними хозяевами планеты или, вернее – с самозванцами, захватившими власть. И главная интрига была в том, что они действовали на свой страх и риск без согласования с Собором посвящённых, фактически без его могущественного прикрытия. Не так давно коалицией межгалактических сил были взяты под контроль все подступы к земной орбите и теперь без её ведома никто не смог бы проникнуть на планету извне, впрочем, как и покинуть её. Пока они не принимали непосредственного участия в изоляции приближённых Ханмары, давая им возможность добровольного выбора, но те изыскивали любые возможности, чтобы потянуть время и не спешили с ответом. Однако межгалактические силы не сидели сложа руки, работа велась только по нарастающей, они интенсивно готовили условия для перехода планеты в новую звёздную семью и уже апробировали щадящие режимы «квантовой скороварки». На самой планете было немало таких же «засланных казачков» как Урсан, и они изрядно путали планы клана Ханмары, вынуждая избранных разрываться в поиске контрмер. Возможно, Урсан и не согласился бы участвовать в этой небезопасной аванюре,

если она бы противоречила его персональному заданию, но его тайная миссия во многом пересекалась с задумкой Посредника. Некоторые моменты этого плана они уже дорабатывали вместе. Урсан теперь уже с улыбкой вспоминал свои недавние мытарства и даже муки плена, в котором он провёл столько времени. Да, он вспомнил и эту страничку своей жизни, хотя тогда ему было не до смеха.

При его телепортации на Землю произошёл какой-то сбой, видимо, не все скрытые ловушки сопредельной галактики были полностью изучены и учтены. Он действительно угодил в квантовую воронку, которая буквально засосала его в рукав отрицательной мерности или что-то подобное тому, эти координаты даже близко не соответствовали месту назначения. Но самое необъяснимое и неприятное оказалось внутри рукава, куда он попал уже как пленник. Вначале Урсан не слишком переживал, он не раз бывал в самых серьёзных переделках на разных вибрационных уровнях не только своей галактики. Вот и сейчас он автоматически стал анализировать обстановку, чтобы отыскать варианты для своего спасения, но не тут то было. Кажущаяся пустота внутреннего пространства рукава оказалась обманчивой, вдруг его нутро ожило совершенно другим фоном, окружив Урсана какими-то искривлёнными не поддающимися описанию формами. И только после нескольких попыток найти решение, он, наконец-то, понял, что сознание пространства просто копирует его мысли и словно отражает их через призму

тысяч кривых зеркал. Само пространство рукава и являлось этим самым «кривым зеркалом». О чём бы Урсан не подумал, всё искривлялось, искажалось и обрастало нелепыми формами, которые до неузнаваемости изменяли облик внутреннего пространства. Но как только он останавливал свои мысли, рукав тут же становился безжизненно пустым без малейшего намёка на спасительный выход. Это был какой-то заколдованный круг, Урсан не мог не мыслить, ему нужны были ясные пути своего спасения. В конце концов, после долгих и безуспешных попыток добиться успеха знакомыми средствами Урсан решил действовать от противного, вместо реальных своих мыслей он стал плодить откровенную дезинформацию, а по-простому – пороть чушь. Вскоре поток дезинформации приобрёл такие масштабы, что превратился в грандиозное «наводнение», породившее информационный хаос. Он и сам угодил под созданный им же пресс, но боролся до последнего, не утратив связи с маячком своего сознания. Урсан ещё тогда понял, что мысли проходившие трансформацию искажения служили своеобразным питанием для ненасытного чрева рукава, но когда качество переработанной энергии ухудшилось из-за её непомерного количества, сознание рукава стало захлёбываться. В один из таких моментов «переедания» он и был выброшен на волю как вредный продукт переработки. Хотя память Урсана пострадала при экстренной эвакуации, его внутренний навигатор сработал автоматически, доставив эксперта-наблюдателя точно в

координаты места назначения. Позже он узнал, что за время его пленения – на Земле уже миновало четверть земного столетия. С помощью Посредника он довольно быстро научился уплотнять свою энергию в человеческую форму и теперь мог свободно бродить среди людей не вызывая никаких подозрений. Конечно, состав его нового тела в корне отличался от белково – нуклеинового, но внешне это выглядело практически не заметно.

Сегодня они договорились встретиться в условленном месте, однако Посредник запаздывал, обычно такого он себе не позволял. Урсан попытался выйти с ним на телепатический контакт, но обратный сигнал был очень слабым и прерывистым, будто прорывался из самых земных недр. Заподозрив неладное, Урсан мысленно проследил, откуда шёл сигнал и недолго думая, переместился в окрестности его возможного источника. Внутренний локатор эксперта был напряжён до предела, проверяя сектор за сектором незнакомую лесную местность с незначительными перепадами возвышенностей. Осторожно продвигаясь по лесу, он через некоторое время вышел на то, что искал. Это был портал в один из астральных миров, он увидел его по характерному цветовому преломлению пространства в месте входа в портал. В самом лесу угроза не ощущалась, здесь не было его надсмотрщиков, а вот внутри портала опасность так и пульсировала. Без сомнения его там ждали.

«Ловушка? Похоже... И скорей всего, Посредника там

нет. Но для очистки совести нужно проверить, сигнал же идёт. Интересно, кто же этот хитроумный оборотень?» – думал он.

Но лезть на рожон Урсан не стал, а решил послать своего ментального двойника, который мог принимать любую тонкую форму или вовсе быть бесформенным и невидимым. Во втором качестве он и хотел его использовать. Когда двойник проскользнул в портал, Урсан на всякий случай усилил свою энергозащиту, чтобы «случайные гости» не застали его врасплох. От Посредника он был наслышан, что из себя представляют нижние астральные слои и, в самом деле, они оказались не очень приветливыми. Даже цветовой фон явно не страдал миролюбием, вибрируя в агрессивно красных и тяжёлых тёмно-серых тонах, да и существа, населявшие этот мирок, были под стать всему остальному. Они не видели незваного гостя, но всё же чувствовали его, верней всего, световой потенциал двойника вызывал у них болезненные ощущения. Здесь обитали астральные сущности бывших грешников, всех тех, кто когда-то в проявленном мире травил свои души ядом низших страстей и цинично презирал всякое раскаяние. При появлении двойника их размытые бесформенные тела буквально ошетинились от злобы, но приближаться к источнику своих страданий всё же не решались. Они боялись всего того, что было сильнее их, боялись и ненавидели. Даже находясь в лесу Урсан чувствовал – насколько была удушлива атмосфера их нынешнего

существования буквально пропитанная ненавистью ко всему живому и невыносимой тоской безысходности. Однажды став рабами собственного греха, они век за веком платили дань покорности своему хозяину и господину, а он иссушал души своих вассалов памятью их отвратительного падения. Но жалости к этим толпам бывших насильников, убийц и растлителей душ, он почему-то не испытывал. Они сделали свой выбор и не раз, теперь же их бездушные оболочки ждали своего часа, чтобы пополнить ряды слепых исполнителей воли Ханмары и его приближённых. Миновав низшие астральные слои, двойник остановился у ещё одних врат. Урсан уже знал, что ловушка находилась как раз за этими вратами, соединявшими нижний и средний мир. Он мог на расстоянии просканировать все расставленные на него энергокапканы и определить уровни их защиты. Что собственно и сделал, но решения принять не успел, почувствовав угрозу за своей спиной. Урсан моментально вернул своего двойника и приготовился к нападению, ощетинившись «пурпуром» своей ауры. Его атаковали сразу с трёх сторон смертоносными «огненными» лучами. Но он был опытным воином и молниеносно среагировал на агрессию своих противников, запустив в немислимое вращательное движение свой защитный контур. Лучи атакующих были буквально смыты потоками стремительной энергии так и не причинив вреда Урсану. А вот его психические импульсы достигли своей цели, незаметно проникнув в самые чувствительные энергозоны

нападавших, действуя на самом глубинном ядерном уровне. Это секретное оружие не убивало, а только искажало информацию о первоначальных намерениях. Пока его визави приходили в себя, вспоминая о цели своего появления, Урсан уже был далеко. Оказавшись на безопасном расстоянии, он вновь получил телепатический сигнал от Посредника и сразу обозначил новые координаты встречи. Они встретились в лесополосе недалеко от города.

– Извини, Урсан, за опоздание, пришлось попетлять от преследователей. Обложили со всех сторон эти «длиннорукие», сдаётся мне, что мы успели кой-кому наступить на больную мозоль. Сам то как? Вижу и тебе досталось забот.

– Ты прав, Посредник, мне пришлось немного понервничать по поводу твоего исчезновения, даже довелось небольшой экскурс в один милый мирок совершить.

– Тот самый?

– Ну да. И ещё повоевать немного.

– Тебе же не привыкать, – улыбнулся Посредник. – Я всегда знал, мой друг, что на тебя можно положиться. А за заботу спасибо.

Казалось, что они с полуслова понимают друг друга.

– И всё-таки, как они смогли просчитать модулятор твоего сигнала, ведь им удалось скопировать его частоту? Ты же говорил, что защита надёжная, – произнёс Урсан.

– Значит, друг мой, где-то я просчитался. Мы слишком тесно с ними работаем, и хорошо друг друга знаем, вероятно,

они смогли подобрать дешифратор.

– Тогда можем воспользоваться моими каналами связи, к ним они уж точно не подберутся. Не возражаешь?

– Принимается, – без церемоний согласился Посредник. – Только давай технические подробности обсудим завтра, мне срочно нужно отлучиться по делам.

– Завтра, так завтра. Лишь бы снова на их удочку не попасться.

– Не переживай, место здесь тихое, соглядатаев наших нет пока... Урсан, ты ведь уже понял, как найти наши таинственные врата, не так ли?

– Конечно, у нас же есть хорошая подсказка.

– Вот-вот, и я о том же. Только добраться до неё слишком легко, ведь она у всех на виду была... Эх, раньше, раньше нужно было принимать меры.

– Считаешь, что её нужно спрятать понадежнее? – спросил Урсан.

– Ты верно уловил ход моих мыслей, друг мой. Займёшься?

– Хорошо, сделаю.

– Теперь у нас есть ключик и путь к вратам, осталось покрепче их подпереть до назначенного срока, – вполне серьёзно сказал Посредник.

– Да, но это уже чисто техническое решение, завтра обмозгуем.

В этот момент Урсан насторожился и после некоторой па-

узы произнёс:

– У нашей Звёздочки могут быть проблемы.

– Помощь нужна?

– Нет, сам управлюсь.

– Тогда не смею тебя задерживать, друг мой, удачи тебе, – сказал Посредник, провожая взглядом растворяющегося в пространстве Урсана.

По некогда оставленным следам

Глотая боль, она брела по кругу –

По некогда оставленным следам

Своей души...

I

Татьяна сидела на кушетке уже целый час и никак не могла вернуться к своим обычным мыслям, всё, что она пережила в новом для себя состоянии, совершенно не поддавалось умственному анализу и какой-либо оценке, это удивительнейшее состояние нельзя было выразить словами и сравнить в ощущениях с чем-либо знакомым. Девушка совсем не жалела, что не смогла услышать ту мелодию и вынести что-то новое из картины, то, что она получила взамен – окупало всё сторицей. Её трепещущее сердечко готово было расплавиться от нахлынувшей на неё любви, а душа, почувствовав немислимую свободу, уже не могла гнездиться в тесном и неудобном теле. Татьяне очень хотелось до самых

мельчайших подробностей запомнить это желанное состояние, чтобы снова вернуть его, но с каждой минутой оно становилось всё более иллюзорным и недостижимым, оставляя лишь сладкие воспоминания. Наконец Татьяна встала с дивана и прошла по мастерской. Внутри неё созрело решение немедленно идти к Свете и сделать всё возможное, чтобы она поверила ей и Валере. Она почти бегом выскочила на улицу, забыв отдать ключ соседке. Уже у самого дома Полянских Татьяна остановилась, заметив машину Светланы. Та, не замечая её, выгружала из багажника пакеты с покупками. Татьяна уже собиралась окликнуть подругу, но в этот момент увидела то, что заставило её просто оторопеть. В мужчине она сразу узнала Валеру, а его спутница, как две капли воды была похожа на неё. Эта влюблённая парочка беззаботно прогуливалась возле самого подъезда Полянских. Не найдя ничего лучшего, Татьяна спряталась за ближайшее дерево и с учащённым сердцем стала наблюдать за развитием событий. Ошибки быть не могло, она не могла обознаться, там был Полянский или человек, как две капли воды похожий на него, а вот насчёт девушки у неё даже не нашлось предположений, она просто не верила собственным глазам. С полными пакетами в руках Светлана уже направлялась к подъезду, но вдруг бросила взгляд на проходившую мимо неё парочку. Не нужно было быть великим провидцем, чтобы понять дальнейший ход событий. Вместе с истошным криком оба пакета полетели прямо в её обидчиков, и началось такое!

Татьяна не стала дожидаться, чем всё закончится, лишь краем глаза успела углядеть, как спешно ретируются мужчина и женщина под неистовым напором Светланы. Уже за чертой двора она остановилась и пожалела, что не сфотографировала эти счастливые физиономии самозванцев на мобильник.

Чтобы проверить свои подозрения, Татьяна набрала номер Валеры.

На этот раз он ответил почти сразу:

– Да, Танюша.

– Валера, ты, где сейчас?

– Я на выставке, освобожусь через часик-полтора не раньше. А ты ещё в мастерской?

– Нет, Валер, я рядом с твоим домом. Тут сейчас такое произошло!

– Что ещё? – насторожился Полянский.

Татьяна вкратце рассказала о случившемся.

– Чёрт, всё к одному! – последовала первая реакция Полянского. – Ладно, я уже ничему не удивляюсь... Тань, ты знаешь, где кафе «Соната»? Ну, рядом с мастерской...

– А, да, я проходила его.

– Давай так, я через полчаса подьеду туда, и всё обговорим. Добро?

– Хорошо, Валера, я буду ждать.

Не спеша Татьяна дошла до кафе и заняла свободный столик. В помещении было не очень многолюдно, вероятно, основной народ собирался чуть позже. Чтобы не казаться «бе-

лой вороной» девушка заказала чашечку кофе и погрузилась в свои мысли.

– Я присяду? – вывел её из задумчивости уверенный женский голос.

Татьяна ещё не успела ответить, а рыжеволосая незнакомка в модном осеннем пальто уже расположилась напротив неё.

– Вообще-то, я жду человека, – попыталась возмутиться Татьяна.

– Твой художник задержится, так что я успею выпить свой бокал мартини, – с усмешкой ответила женщина, поразив Татьяну глубиной своих тёмно-зелёных глаз. В них ощущалась загадка и невероятная притягательная сила.

– Откуда вы знаете? Вы были на выставке?

– Нет, не была, но знаю. Так вот, значит, ты какая. Что ж, ничего, вполне, недурна собой, женственна, да ещё и с благородной начинкой...

– Мы разве с вами знакомы? – опешила девушка.

– Ты со мной нет, а я о тебе кое-что знаю. Мы могли бы стать с тобой подругами, настоящими подругами... Разве тебе не надоело водиться с той взбалмошной дурой с нутром базарной торговки, а? Ты ведь других кровей, милая, как и я... Неужели так и не вспомнила?

– О чём вы говорите, я не понимаю вас? Кто вы такая и зачем вы меня пытаете, зачем оскорбляете моих друзей?

Изящные пальцы незнакомки охватили бокал с мартини,

она сделала небольшой глоток и, глядя Татьяне в глаза, произнесла:

– Ты сама себя оскорбляешь присутствием таких вот особ, уж лучше быть одной, чем в обществе говорящих червячков. Червячки рождаются, копошатся в своих навозных кучках и умирают, словно их и не было... а у нас, милая, всё иначе, мы рождены для вечности.

– Разве можно так говорить, разве уместны такие сравнения?! Перестаньте, прошу вас! – уже смело протестовала Татьяна.

– Прав тот, кто правит, запомни это. Что ж, мой бокал уже пуст и мне пора. Но мы ещё увидимся, милая, обязательно увидимся.

Рыжеволосая женщина встала и, не оглядываясь, грациозной походкой направилась к выходу.

Буквально через минуту как она ушла, в кафе вихрем влетел Полянский и стал обшаривать глазами столики. Увидев Татьяну, он подошёл к столику и устало плюхнулся на стул.

– Прости, Танюша, задержался немного. Да опять в пробку влетел, там, на перекрёстке авария была, добро, что очередь быстро рассосалась, – пояснил он.

– Валера, а ты возле кафе не видел рыжеволосую женщину в бежевом пальто? – совсем о другом спросила Татьяна.

– Рыжеволосая? Хм, нет, не видел. А кто она?

– Сама не знаю... возможно, из той же самой «оперы»... Только что здесь сидела, вон её бокал ещё стоит. Странно,

она знала, что я жду именно тебя, и что ты задержишься...

– Откуда? – удивился Полянский. – Я никому не говорил, что еду к тебе и тем более не планировал попасть в пробку.

– И я никому не говорила... это и странно. И ещё она сказала, что знает что-то обо мне. Знаешь, Валер, мне показалось, что это действительно так.

– Да уж, кому рассказать – не поверит, тут без бутылки точно не разберёшься. Не знаю как ты, Тань, а я закажу себе граммов сто пятьдесят беленькой. Что-то меня сегодня колотит не на шутку. Машину я возле мастерской бросил, так что сам Бог велел. Поддержишь?

– Пожалуй, выпью бокал вина.

– Добро. А из закуски что-нибудь?

– Не надо, заказывай себе что хочешь.

Когда официант принёс заказ, Полянский залпом выпил две рюмки и разоткровенничался:

– Я же после твоего звонка своей благоверной позвонил, ну, чтобы удостовериться... Тань, ты не подумай, что я тебе не верю, но мне нужно было... ну, как тебе объяснить... Нужно и всё!

– Валера, я всё прекрасно понимаю, на твоём месте я бы тоже сомневалась. И что Светлана?

– Да уж лучше бы не звонил! – эмоционально отреагировал Полянский. – Тань, я даже не дослушал, не мог уже, отключил мобильник и сразу к тебе. Блин, как в комиксах для взрослых! За что нам всё это, а, Танюша? Кто всё это с нами

вытворяет?!

– Пока не знаю, Валера... но мы разберёмся, обязательно разберёмся.

– Когда?! – не выдержал Полянский, хлопнув ладонью по деревянной столешнице.

За соседними столиками на них уже стали обращать внимание.

– Успокойся, Валера, думаю, уже скоро. Они от нас явно чего-то хотят, а если это так, то сами себя проявят, да и уже проявляют. Ты не пей больше, пойдём лучше домой.

– Тоже вариант, пойдём, проветрим мозги.

Они вышли на улицу, окунувшись в вечернюю прохладу, и медленно побрели по проспекту в сторону мастерской Полянского. У проезда в свой дворик Валера поймал Татьяну не такси, а сам направился в свою творческую берлогу, как обычно её называл. Поднявшись на свой этаж, он остановился у дверей мастерской, пытаясь нащупать в кармане нужные ключи. Вытащив две связки – свою и ту, что отдала Татьяна, он вернул один комплект в карман и уже намеревался открыть дверь, но она оказалась открытой.

«Неужели Танюшка не закрыла? Вот растяпа», – мелькнула в его голове первая мысль.

Полянский вошёл в темноту прихожей и протянул руку к выключателю. В следующую секунду резкая боль обожгла его грудь, и он как подкошенный рухнул на пол...

По приезду Татьяна обещала перезвонить Полянскому, но

получилось не сразу, пока переоделась, умылась, накормила Зару – прошло минут тридцать. После всех переделанных дел Татьяна набрала номер его мобильного, но Валера не отвечал. Она повторила попытку и ждала до последнего, пока не услышала его слабый и какой-то выжатый голос:

– Кто?

– Валера, это я, Таня. Что с тобой?

– Тань, ты?..

– Да, Валера. Что случилось?

– Тань... на меня, кажется, напали... так хреново...

– Валера, я приеду! Ты где сейчас?

– Вроде дома... сейчас встану... угу, прихожая моя.

– Всё, Валера, я уже еду! – быстро проговорила Татьяна и бросилась одеваться.

Она бегом пронеслась по четырём этажам вниз и выскочила из подъезда. Знакомых с машинами во дворе не оказалось, и девушка побежала к проспекту, где не сразу, но всё же поймала попутку. Всю дорогу до мастерской Полянско-го Татьяна торопила водителя, чем, естественно, вызывала его недовольство, но девушку это мало заботило. Буквально взлетев на нужный этаж, Татьяна уже хотела позвонить, но увидела полоску света, пробивавшуюся через неприкрытую дверь. Она вошла внутрь. В коридоре никого не было.

– Валера, ты где? – негромко спросила она.

Ответа не последовало. На полу небрежно валялось пальто Полянского. Девушка осторожно миновала коридор и во-

шла в тёмный зал мастерской. Не в силах унять учащённое сердцебиение, она напрягла зрение, одновременно вслушиваясь в окружающую тишину. Прошла секунда, другая, и вдруг из дальнего угла зала послышалось какое-то шевеление и хриплый стон.

– Валера, это ты? – произнесла Татьяна, готовясь к самому худшему.

– Я, Тань... включи свет.

Татьяна облегчённо вздохнула и стала искать выключатель. По пути она наткнулась на один из мольбертов и какой-то столик, но всё-таки нашла его. Когда по залу разлился желанный свет, она увидела страдальческое лицо Валеры. Он полулежал на узкой кушетке и держался за грудь.

Татьяна подошла к нему и присела рядом:

– Как ты, Валерочка? Что произошло?

– Да я мало, что помню... прямо как у того героя... упал, потерял сознание, очнулся... – вымученно улыбнулся Полянский, – только перед тем как упасть... эта страшная боль в груди... до сих пор будто ножом кто-то режет.

– Дай погляжу, – попросила она.

Расстегнув его рубашку, Татьяна ахнула.

– Что там? – всполошился Полянский, пытаясь что-то рассмотреть на своей груди.

– Валера, это же ожог, у тебя вся кожа обуглилась... но одежда же цела... Как такое возможно?

– Чёрт, плохо вижу. Тань, принеси зеркало, там на столи-

ке.

Она выполнила его просьбу и не удержалась от комментария:

– Ожог какой-то странный, похож на какую-то фигурку, что-то вроде полукруга... да, скорей всего.

– Твою мать! – выругался Полянский. – Кто же этот чёртов ваятель? И болит ведь зараза как.

– Давай врача вызову, – предложила Татьяна.

– Да ну этих эскулапов, толку от них! Смазать надо чем-то...

– А аптечка есть?

– На кухне поищи... э-э... в холодильнике, там вроде облепиховое масло было.

Татьяна вернулась через пару минут с флакончиком масла и ватой.

– Ну что, пациент, вы готовы к экзекуции? – попыталась подбодрить его девушка.

– Мажь, Танюша, только аккуратнее, прошу тебя...

С сочувствием поглядев на Валеру, она смочила ватку оранжевым маслом. Но перед тем как обработать рану зачем-то провела над ней рукой и чуть задержала её в горизонтальном положении. Татьяна не поверила своим глазам, её рука осветилась фиолетовым сиянием, а из пальцев и центра ладони стали выливаться лучики точно такого же цвета, образовав на месте ожога небольшое световое озерцо. С каждой секундой зловещая фигурка бледнела, и даже по лицу

Полянского было видно, что ему становится легче.

– Тань, что ты сделала? Боль почти прошла.

– Тихо, Валера, полежи спокойно, – сказала она, ещё не понимая, откуда взялся источник её силы.

Через минуту – другую от страшного ожога остались лишь одни воспоминания в виде еле заметного розоватого контура.

Татьяна молча поднесла зеркало к глазам Полянского, ожидая его реакции.

– Ну ты даёшь, Танюшка! – захолопал глазами Валера. – Ты... ты же просто кудесница... у тебя же волшебные руки... Дай-ка я их расцелую!

– Обойдётся. Руки как руки, – немного смутилась она, – я и сама не знаю, как у меня получилось.

– Нет, Танюша, даже не спорь, это же дар, божий дар!

Ещё несколько минут Полянский донимал её вопросами, а Татьяна только отнекивалась, не желая обсуждать эту тему. Наконец Валера от неё отстал, и как ни в чём не бывало, отправился на кухню, объявив, что его чудесное спасение нужно непременно отметить. Когда он ушёл, девушка обошла мастерскую и к своему удивлению не обнаружила «Масок». Вначале она подумала, что Полянский куда-то переставил картину, но потом до неё дошло, что он просто не мог этого сделать.

– Валера, а где «Маски»? – спросила она, подойдя на кухню.

– «Маски»? А разве их там нет? – удивился он.

– Пойди и сам погляди. Когда я уходила картина была на месте.

Полянский тут же обследовал мастерскую и непонимающе пожал плечами:

– Странно, действительно нет... ничего не понимаю.

Но потом его озарила мысль:

– А-а... всё, всё, теперь я всё понял... Я же им просто помешал, они же за «Масками» приходили, точно за «Масками».

– Надо в полицию заявить! – решительно заявила Татьяна.

– К чёрту! Может, это и к лучшему... Чувствую, все наши беды из-за неё. Так, Танюша?

– Валер, ты хозяин, тебе и решать.

– А я уже решил.

– Решил, так решил, настаивать не буду. Вижу тебе уже лучше, я, пожалуй, пойду, поздно уже, – произнесла Татьяна.

– Тань, не уходи, посиди со мной немного... столько всего навалилось, голова кругом идёт... не уходи, прошу тебя... Танюша, больному ведь уход нужен, сиделка. Неужели бросишь бедолагу? – чуть ли не молил Полянский, и в подтверждение своих слов демонстративно улёгся на кушетку.

– Хитрюга ты, а не бедолага! – приснула от смеха Татьяна и уже серьёзно спросила:

– Валера, тебе страшно, да?

– Ну, да, есть немного... стыдно, конечно, но не могу с

этим ничего поделатъ, – сконфуженно ответил мужчина.

– В этом нет ничего зазорного, Валерочка, – подбодрила его девушка, – мне тоже было страшно, очень страшно за себя... но больше я за тебя боялась, мне казалось, что с тобой что-то ужасное случилось...

– Спасибо, Танюша, ты настоящий друг... Знаешь, на душе так паршиво, как в хлеву... а поговорить не с кем. Останешься?

– Хорошо, Валера, я посижу с тобой, – согласилась Татьяна, присаживаясь рядом с ним.

– Добро, Танюша! – обрадовался Полянский, приподнимаясь с кушетки. – Ты только не думай, что я поплакаться хочу тебе в жилетку...

– А я не против стать твоей жилеткой, пользуйся, пока добрая, – пошутила девушка.

– Принимается. А если серьёзно, Тань, мне как-то не по себе сейчас, не хочется мне одному... мне бы выговориться, чтобы выслушал кто-то, а ты умеешь слушать, я знаю. Только о «Масках» не хочу и о нападении тоже... может, завтра, но не сейчас.

Девушка согласно кивнула:

– Я и сама не хочу об этом, давай просто поговорим, о чём сам захочешь.

– Спасибо, Тань, спасибо тебе за всё, – поблагодарил девушку Полянский и вздохнул:

– Вы сильнее нас...

– Кто это – вы?

– Да женщины, конечно. Вон моя Светка столько на себе тащит, бизнес, дом, наш пацан – всё на ней, да ещё мне успевает помогать. Двужильные вы, что ли?

– Ты ещё про наш внешний вид забыл. Сколько нужно усилий, чтобы выглядеть на все сто и вам милым нравиться, – вставила реплику Татьяна.

– Вот-вот... я всё над Светкой прикалываюсь насчёт её каждодневного ритуала у зеркала, чего там только нет – ужимки, мимика, какие-то странные телодвижения, жесты... и не пять же минут так кривляется. Как не устаёт?

– Не кривляется, а колдует! – рассмеялась Татьяна. – Улавливай разницу, Валерочка. Это же таинство художественного перевоплощения, только нам дано знать, как скрыть видимые недостатки и выделить свои интимные особенности. Красота требует не только жертв, но и творческого подхода. И не смейся над нашими маленькими слабостями. Думаешь, у вас их меньше?

– Ну, например? – оживился Полянский.

– Я согласна, на такие вещи вы тратите меньше времени, но вы любите тешить себя мыслями о собственной значимости, о какой-то своей особой исключительности, а это уже, согласись, пахивает детским самолюбованием. Разве не так?

Татьяна увидела, как отступает стресс Полянского, как заблестели его глаза, и решила ещё поддать жару:

– Неужели вы считаете себя главными в этой жизни, а, Валерочка? А как же насчёт нашей силы?

– Э-э, девонька, неправда ваша, не надо передёргивать мои слова, я бы не стал ставить знак равенства между этими понятиями, – принял смешливую позу Полянский. – Ну, добро, признаю, вы созидательны, выносливы, умеете рационально распределять свои силы, вы терпеливы и с житейской хваткой дружите, но насчёт первого номера в прогрессе я бы не спешил, не спешил ...

– А разве то, что ты перечислил – не является житейской мудростью? – продолжала подначивать его девушка, желая отвлечь от ненужных мыслей. – И ещё ты забыл о нашей стрессоустойчивости, как бы тяжело не было, нам достаточно вырветесь или наорать на кого –нибудь и всё – эмоции в норме... а вы всё в себе носите.

– Ага, наорать на мужа, например, как Светка моя делает! Сбросит на меня весь дневной хлам и ходит довольная, а я сам не свой... Это вы можете, – обиженно поддакнул Полянский.

Татьяна звонко рассмеялась:

– А как ты хотел, Валера, в этом весь секрет нашей красоты и долголетия, в нас лишнее не застаивается, все эмоции наружу!

– Ну да, ещё скажи – инстинкт самосохранения... хотя, может, в этом и есть что-то... Кстати, Танюша, ты сейчас затронула очень интересную тему, я совсем недавно размыш-

лял над этим... ну, в частности об отношениях полов. Интересная тема и очень неоднозначная. Если хочешь – могу раскрыть, что узнал и осмыслил.

– Раз уж согласилась на роль сиделки, то воля больного для меня закон, просвещайте, пациент, – заявила Татьяна, пытаясь сохранить серьёзную мину лица.

На кухне остались два забытых бокала с вином, которые Полянский успел поставить на поднос, чтобы отметить своё чудесное выздоровление. Но сейчас Валеру занимало совсем другое. Эзотерическая философия была его давней страстью, здесь он чувствовал себя – как рыба в воде, и мог запоем излагать почерпнутую информацию вместе со своими умозаключениями. Вот только с благодарными слушателями не везло, в семье их попросту не было, да и в ближайшем окружении не так, чтобы очень. А вот в Татьяне он частенько находил чуткого собеседника и был ей безмерно благодарен за это.

– Тань, ты поудобней садись, спина, поди, уже устала. Забирайся прямо с ногами, – сказал Полянский, освобождая для неё место на кушетке.

Татьяна не стала возражать, сбросила сапожки и удобно расположилась у стены. Её радовало, что Валера отвлётся от своих проблем, и не хотела разочаровывать его.

– Всё, я готова, излагай.

– Так вот... я изрядно покопался с этой темой и пришёл к некоторым выводам. Тань, ты не знаешь – почему женщины

больше доверяют своей интуиции, своим чувствам, а мужчины пользуются аналитическим умом?

– Так сразу и не соображу, – пожалала плечиками Татьяна. – Хотя... в этом, наверно, и таится секрет нашей непредсказуемости и загадочности. Ладно, Валера, не томи.

– Да уж, вы точно непредсказуемые... и всё потому, что с логикой редко дружите.

– Валерочка, не обижай наши чувства, у нас своя логика. Как без неё совсем-то?

– Да не обижаю я, не обижаю... Всему есть своё объяснение.

Татьяна с любопытством взглянула в глаза Полянскому, явно поощряя его на дальнейший рассказ. Мужчина правильно понял её интерес и продолжил:

– Тань, я немного в дебри залезу, но быстро проскочу... тут всё дело в генах, вернее – в наборе хромосом, женский набор парных икс хромосом более стабильный, а мужская пара разнородная – икс и игрек, игрек не очень стабильная хромосома и склонна к повышенной мутации, к тому же менее ёмкая в генной информации. Из-за этого женские гены и лучше адаптированы к земным условиям. Не знаю, может, в этом был какой-то особый смысл, но факты на лицо... Ну, сама посуди – нестабильность и меньшая генная ёмкость порождают информационный голод, тот в свою очередь толкает мужиков к поиску чего-то нового, к тому, что скрыто от них... получается, что мы подсознательно выполняем роль

этакого «аналитического щупа», ну, а вы уже апробируете и закрепляете в своей памяти опыт таких поисков. К тому же – выбираете из него самое жизнеспособное...

Увидев улыбку на лице Татьяны, Полянский расценил это по-своему:

– Тань, я серьёзно... больше скажу, именно вы являетесь хранителями этого самого опыта. Ну, а в повседневной жизни вы черпаете информацию из своего подсознания и пользуетесь ею. Ты считаешь это чужью?

– Нет, нет, Валера, я так не считаю, – заверила его девушка. – Я просто польщена твоими открытиями. Ты продолжай, я слушаю тебя.

– Тань, для подтверждения своих догадок я даже провёл вычисления девятилетних жизненных циклов своих знакомых и родственников, я рассчитал их жизненные коды и так ненавязчиво поспрашивал о некоторых периодах жизни, естественно, сравнивал со своими. Я уже давно понял, что все события в этих циклах напрямую зависят не только от влияния светил, но и от порядкового числа в цикле. Помнишь, Тань, на набережной я говорил о значении циферок, что в каждой из них скрыта важная информация?

– Да, помню, ты мне тогда доходчиво всё объяснил, – ответила девушка.

– Так вот, я заметил, что мужские циклы более выражены, они, если можно так выразиться – походят на судьбоносные качания маятника. С началом нового цикла импульс как

бы набирает обороты, потом, где-то в середине стабилизируется и дальше движется уже больше по инерции, а в конце исчерпывает себя. Со следующего цикла – всё по новой. А вот женская синусоида выглядит гораздо стабильнее без ярко выраженных гребней и впадин. И я не исключение, мои девятилетние циклы просто запрограммированы на взлёты и падения...

Вслушиваясь в довольно странные рассуждения Полянского, Татьяна не считала их бредом, как могло бы показаться кому-то другому, её сердце не отвергало их, а пыталось понять. Переключившись на что-то своё, Татьяна буквально на минутку выпала вниманием из рассказа Валеры а, вернувшись обратно в тему, вынуждена была заново улавливать ход его мыслей.

Тем временем Валера продолжал:

– Иногда мне кажется, что мы и вы – это совершенно два разных мира, совершенно разные планеты, даже несмотря на то, что мы и вы успели притереться между собой... Да, мы стали ближе, мы обменивались своими лучшими качествами, черпали из друг друга что-то недостающее, но различия остались... Вам и по сей день нужна стабильность, семейный очаг, а мы всегда в поисках чего-то нового... да, нам жизненно нужны перемены и личная свобода, мы не можем без этого, так уж мы запрограммированы.

– Значит, Валера, ты считаешь, что женщины ограничивают ваше жизненное пространство, так?

– А разве нет? – насмешливо взглянул на девушку Полянский. – Вы же собственницы! Свили семейное гнёздышко и считаете, что мужик до старости должен куковать в нём, причём – неотлучно.

– Лично я себя собственницей не считаю... я согласна, у каждого должно быть своё личное пространство, но и ответственность никто не отменял, – высказала своё мнение Татьяна.

– Ничего, вот выйдешь замуж, обростёшь детьми, совсем другая психология появится, мы это уже проходили, – махнул рукой мужчина.

– Где-то я уже это слышала... Вы со Светочкой в унисон поёте, да? – рассмеялась девушка. – А если полусерьёзно... Валер, ты за весь-то род мужской не суди, мужчины ведь тоже разные бывают... Вдруг не поймут?

– А я за всех и не впрягаюсь, исключений тоже хватает, я же об общем типаже говорю...

– Ну а как же быть с любовью? – не дала ему опомниться Татьяна. – Её, Валерочка, ты тоже считаешь программой?

Слова девушки вызвали некоторое замешательство в голове Полянского, но вскоре он нашёлся:

– Насчёт истинной любви не знаю, это уже другие горизонты, но сексуальное влечение – в том числе... хочешь, не хочешь, а нижние чакры всё равно о себе напомнят. Тань, деторождение запрограммировано в наших генах!

– Ладно, с этим понятно... А кто же всё-таки главный –

мы или вы?

– Хм... вопрос, конечно, интересный, даже не знаю... Мы сеем, вы в основном растите и собираете, у каждого своя жизненная задача. Тань, если честно, то у меня нет ответа на этот вопрос.

– А моя женская логика молчать не желает, она упрямо заявляет, что растить и собирать урожай гораздо хлопотнее. Не находишь, Валерочка? – лукаво поглядела на него Татьяна.

– Тань, ты предлагаешь мне добровольно признать вашу незаменимость? Хорошо, я признаю, только с небольшим уточнением... Сможем ли мы по отдельности что-то здесь стоить?

Татьяна загадочно улыbnулась и произнесла:

– Тогда встречный вопрос – в чём же смысл нашей совместной жизни?

– Тань, ну ты даёшь! Над этим вопросом уже не одно тысячелетие бьются самые лучшие умы, а ты на меня всё решила свалить...

– Нет, Валерочка, я не хочу загружать тебя такой тяжестью, а просто хочу напомнить о том, что ты говорил мне на набережной...

– Ух, запутала ты меня совсем... Ну, да, да, помню, говорил... всё ради опыта, дуального опыта, чтобы отфильтровать ненужное, впитать полезное и однажды превзойти всё, что приняли и отвергли. В единстве нет противоречий и нет

соперничества... Теоретически это так, а практически – всё гораздо сложнее.

– А что есть это единство? Любовь? Да, наверно, любовь, – негромко сказала Татьяна, словно разговаривая сама с собой, – только другая, которую мы пока ещё не знаем...

– Ты права, Танюша, права... Все эти мои умствования и гроша ломанного не стоят... Одно – словоблудие! Только она одна живая и настоящая, только она...

Полянский нежно накрыл своей горячей рукой руку девушки и заглянул в её глаза:

– Танюша... я давно хотел тебе сказать, но никак не решился...

– Не надо, Валера, я знаю... просто обними меня.

II

Рыжеволосая женщина вышла из кафе и прогулочным шагом направилась в сторону ближайшего сквера. Однако далеко уйти она не успела, внезапное появление Дьюола спутало её планы.

– Ба-а, леди Мердина, какая встреча! Я даже не рассчитывал вас здесь увидеть. Вы здесь по делам или на отдыхе? – разыграл сценку неожиданной встречи мужчина.

– Хватит паясничать, Дьюол, вы прекрасно осведомлены, что я здесь, – усмехнулась Мердина. – Хоть ваши «наушники» и искусны в своём ремесле, но и я тоже не слепая.

– Хорошо, знал, – не стал переигрывать мужчина. – Но почему вы решили нарушить наши договорённости?

– Какие договорённости, Дьюол? Мы с вами ни о чём не договаривались, – притворно удивилась Мердина.

– Как же, леди Мердина, я же заручился поддержкой у пятерых избранных, и теперь это моё дело, это моя забота, здесь я планирую и провожу все мероприятия и никто другой.

– А вы уверены, Дьюол, что не ввели в заблуждение избранных, вы можете поклясться, что не работаете на себя? – в насмешливых глазах женщины уже чувствовалась скрытая угроза.

– Леди Мердина, я никогда не давал повода сомневаться в своей преданности нашему делу... Откуда взялась эта подозрительность? Просветите меня или снимите свои обвинения.

– Нет, Дьюол, это не подозрительность, а факты. Вы думали, что сможете скрыть от меня свои помыслы? Нет, Дьюол, вы слишком самоуверенны, вы не учли один маленький нюанс, что все мыслеформы без исключения имеют характерные чувственные «ароматы», пускай и слабовыраженные, но эти флюиды ещё долго витают вокруг своего хозяина. Спрятав от всех свои мысли, вы не смогли полностью замести их следы от меня. Или вы забыли, что я до сих пор являюсь жрицей земных страстей, их наречённой владычицей? Я очень хорошо разбираюсь в любых чувствах, Дьюол, меня невозможно обмануть ни вам, ни кому-то другому.

– И что же вы знаете, леди Мердина? – до последнего не

сдавался Дьюол.

– Достаточно, чтобы обвинить вас в крамольных мыслях, собственной игре и в предательстве. Разве вы ещё не поняли, Дьюол, что последний наш разговор был обычной приманкой, и я уже тогда знала ваш ответ. Так что не советую больше хитрить со мной, можете пожалеть.

Судя по решительному взгляду Мердины, у Дьюола даже не возникало сомнений насчёт того, что она исполнит своё обещание. Она явно не блефовала.

– Да, недооценил я вас, леди Мердина, недооценил, вы не только красивы, но и очень умны... Так что же вы хотите за своё молчание и покровительство?

Лицо Мердины озарилось улыбкой победительницы:

– А вы мне нравитесь, Дьюол, вы умеете признавать собственные промахи, я всегда ценила вас за ум и смекалку и сейчас не ошиблась. Для начала давайте оставим всю эту церемонность для замка старика Сердвука и перейдём на – «ты». Не возражаешь, мой Дьюол?

– Что ж, любое предложение прекрасной Мердины теперь для меня закон. Я согласен.

– Согласен на всё? – с пытливой усмешкой переспросила женщина.

– Всё, что прикажет моя госпожа, я у её ног, – принял новую игру Дьюол.

– А ты хитрец, Дьюол! – рассмеялась Мердина. – Ну, коль уж так, я желаю услышать то, что ты так ловко утаил от из-

бренных. От твоей правдивости сейчас зависит наша совместная работа, а возможно, и что-то большее. Ты, наверно, понял, что меня интересует всё, что как-то связано с вратами и нашей милой особой, с чего всё началось, как и где ты получил эти сведения и тому подобное.

– Мердина, я поделюсь с тобой информацией после того, как получу от тебя гарантии своей безопасности, – уже серьёзно заявил он. – Ты прекрасно знаешь, что я не из робкого десятка и если на меня будет объявлена охота, то терять мне уже будет нечего, я буду защищаться вместе со своими людьми, они преданы мне и исполнят все мои приказы. А это война, Мердина. Нужна ли она тебе?

– Разве моего слова тебе недостаточно? Да, я бываю вздорной и даже стервозной, но преданных себе людей в обиду не даю, ты же знаешь это, Дьюол.

– Ну, хорошо, – с некоторой паузой ответил он, – я расскажу всё, что знаю, но мой рассказ займёт какое-то время...

– Я готова пожертвовать своим драгоценным временем, – перебила его женщина, взяв под руку. – Пройдёмся, мой Дьюол?

– Не возражаю.

Они неторопливо направились по пешеходной дорожке, совершенно не отличаясь от обычных прохожих.

– Если ты не против, я начну издалека.

Мердина согласно кивнула.

– У поздних гиперборейцев, или так называемых детей

Борея и Меру была одна очень любопытная легенда, она появилась уже в самом конце золотого века и до сегодняшнего времени сохранилась лишь в наскальных рисунках северного Предуралья и Кольского полуострова, да и то в отдельных фрагментах... увы, время нещадно к рукотворным творениям. Я совершенно случайно наткнулся на единственный сохранившийся источник этой легенды в одной труднодоступной карстовой пещере. Тексты были оставлены на каменных скрижалях, и я частично сумел их прочесть, к сожалению, некоторые слова затёрты и плохо читаются. Так вот, эта рукопись как раз касается нынешнего времени, в ней говорится о тайне Двуликих Врат, до конца золотого века доступ к ним был разрешён гиперборейцам, а потом они были опечатаны секретными информационными замками. Насколько я понял, гиперборейцы посещали скрытую за вратами обитель, чтобы впитать в себя силу равновесия света и тени, видимо, там внутри существовала, да и сейчас существует сакральный центр этой силы. В легенде упоминается о Лунной Деве, хранительнице ключа от запечатанных врат, якобы эта Дева должна появиться в конце Кали-юги, чтобы открыть их...

За рассказом Дьюола они незаметно вышли на центральную дорожку почти безлюдного сквера, уже освещённую одинокими фонарями.

– И ты полагаешь, что это наша таинственная особа? – спросила женщина, поёжившись от дыхания осенней про-

хлады.

– Возможно, это простое совпадение, но она действительно родилась под знаком Девы и как раз в фазу полной Луны. Я проверял, всё так и есть.

– Но, в таком случае Девой может быть и мужчина, – предположила Мердина, теснее прижимаясь к Дьюолу.

– Не исключено. Но пока других вариантов я не вижу, да и возня вокруг неё не случайна, слишком уж многое сходится на ней.

– Допустим. Что дальше?

– А дальше в легенде говорится о том, что этот ключ имеет интересную особенность, в нём содержатся два вибрационных шифра разной тональности, один согласно текстам служит пропуском в мир Сва через стезю полночных чувств, где замирает время, увидев тень в объятиях света, а другой способен выпустить огонь дракона на волю...

– Мир Сва... Это понятие связано с изначальной мудростью, если не ошибаюсь? – спросила Мердина.

– Верно. Его даже можно назвать обителью небес.

– А стезя полночных чувств? Ты не думал, что скрыто за этим понятием?

– Думал, как не думал... Полночь – это же своеобразный чертог между днём и ночью, возможно, эта стезя – символ единства света и тьмы, видимого и незримого, что-то вроде соития полярных энергий... Но это так, наброски, глупо судить однозначно.

– Согласна, такая однобокость может быть в обман себе, надо рассмотреть и другие варианты. Но в самой идее что-то есть, её можно принять за базовую, – сказала женщина и перешла к другому вопросу:

– Теперь насчёт огня... Им можно управлять?

– Об этом аспекте ключа я нашёл информацию лишь в конце текстов и то обрывками... но, похоже, что заклинателем огня является не только Дева, а ещё кто-то... в самом начале легенды есть упоминание о тени Лунной Девы, её роль очевидна из дальнейшего текста, – проговорил Дьюол.

– М-да, занятно, – задумчиво произнесла Мердина. – Дьюол, ты можешь воспроизвести этот текст дословно?

– Могу, эти отрывки вполне читаемы: «В назначенный час придёт Лунная Дева хранительница ключа от Двуликих Врат. Ключ от этих врат спит внутри Лунной Девы, и пробудить его может только её тень, следующая впереди неё, тень знает слово, чтобы не ранить чувства Матери».

– Мать, я так понимаю – планета?

– Вероятно, но не факт.

– Значит, её тень и есть активатор ключа, – заключила Мердина. – Но кто она, Дьюол, есть идеи?

– К сожалению, пока нет, но работаю над этим.

– Тогда продолжай, я само внимание, – разрешила Мердина.

– В текстах ещё фигурирует тот самый час – икс, попробую на память: «Когда чаша ночи ополовинит себя и весы

замрут в равновесии, тогда золотой луч пронзит лоно Матери и двое обручённых тайной пути станут одним у четырёх перекрёстков дорог и тот один выберет путь десяти».

– И что ты обо всём этом думаешь? Только без лишних фантазий, – пронзила его взглядом Мердина.

– Совсем без фантазий не получится, этот вариант ещё сырой и требует доработки, – предупредил мужчина.

– Ладно, говори, как есть, – усмехнулась она.

– Я думаю, что этот час – икс есть начало полной трансмутации планеты. Тексты лишь подтверждают неизбежное, когда откроется информационный накопитель – планета будет вырвана из трёхмерности, такой исход был спланирован заранее, и теперь осталось гадать, когда это произойдёт... Скорей всего, равновесие означает весеннее равноденствие, но опять же не ясен год, двое обручённых тайной – это, возможно, два диалектических начала ставшие одним целым... Мердина, если всё так, то это же смерть человеческой дуальности, возможность свободного выбора. Ну а путь десяти... хм, это пока лишь мои грубые намётки.

– Договаривай, если уж начал, – произнесла Мердина, видя, как замялся её собеседник.

– Хорошо, версия такова – если смотреть схематично, то четыре перекрёстка – это не что иное, как квадрат, если пронумеровать и сложить все его стороны, то получается число десять, потенциально оно содержит в себе весь однозначный числовой ряд, а с его помощью уже можно набрать любую

комбинацию чисел. Вполне вероятно, что тексты намекают на порталную развилку пространственно-временных измерений, на врата в размерные сферы. И если это так, то нам с тобой Мердина нужно успеть попасть туда заранее, иначе они выпустят огонь и ловушка захлопнется.

– Выводы интересные, даже очень... но, ты прав, сыроваты они. Так, что же мы имеем: обрывки легенды, наша девочка, и твои предположения, где пока больше домыслов... не густо, не густо. Дьюол, а ты уверен, что в этом наше спасение?

– А разве лучше прозябать на мёртвой планете, предложенной нам Собором? По крайней мере, у нас есть шанс вырваться на свободу, а если повезёт, то, может, присмотрим и новую обитель.

– Твой замысел очень рискованный, однако не лишён смысла. Но сначала нам нужно разобраться во всех тонкостях этой легенды, чувствую, подводных камней в ней хватает.

– Согласен, опасность есть. Да, прежде чем лезть в пасть дракона нужно всё хорошенько проверить и обдумать. Я уже занимаюсь этим.

– Дьюол, ты проделал неплохую работу, но этого мало, мы лишь в начале пути. Теперь нам нужно всерьёз заняться нашей девочкой и всем, что с ней связано, нужно собрать воедино все фрагменты этой мозаики и увидеть картину в целом. Так что будем вместе разгадывать этот замысловатый

ребус.

– С легендой можем приступить хоть сейчас, все тексты прошли специальный анализ, мы даже взяли несколько фрагментов скальных пород с надписями, чтобы выявить их подлинность, теперь я могу смело утверждать, что вся рукопись соответствует оригиналу того времени. Ты можешь лично в этом убедиться и ознакомиться с фотографиями, тексты уже переведены на современный язык.

– Непременно, но чуть позже. И ещё, Дьюол, нам не стоит посвящать кого-то в нашу маленькую тайну, пускай она пока побудет между нами. Ты не возражаешь?

– Ни в коей мере, Мердина, мы же теперь союзники. Или ты не уверена?

– Моё решение окончательно. Но мы можем стать ещё ближе, мой Дьюол, если ты заслужишь моё доверие, – томно произнесла женщина, проведя тонкой рукой по его щеке.

– О таком я даже и не мечтал... нет, лгу, мечтал, но не надеялся, – несколько растерянно проговорил он.

– Мой милый Дьюол, твоя мечта очень скоро может сбыться, если не разочаруешь, конечно. Что ты намерен делать дальше?

– Об активаторе ключа я уже говорил, в ближайшие дни мы постараемся вытащить из девочки эту тайну, а потом займёмся самим ключом. Кроме того мои «охотники» подслушали последний разговор посредника с пришельцем, из которого я сделал вывод, что подсказка о Двудликих Вратах на-

ходится в той самой картине нашего художника. Я уже распорядился, чтобы её доставили ко мне.

– Хорошо, Дьюол. Я выпрошу у Ханмары кураторство по этому делу, и сама буду докладывать избранным. Какое-то время мы сможем их водить за нос, пока у них есть в разработке более перспективные варианты, но если они не оправдают себя, о нас вспомнят и спросят сполна. Мне бы очень не хотелось до этого доводить.

– Я активизирую свои усилия, Мердина, обещаю.

– Да уж постарайся. Я же не зря сделала ставку именно на тебя, зная твою хватку. Так что – дерзай! И держи меня в курсе всего нового, меня интересуют даже незначительные мелочи, я в твоём распоряжении в любое время дня и ночи.

– Конечно, Мердина.

III

Они так и просидели до самого утра, тесно прижавшись друг к другу, чувствуя между собой какую-то необъяснимую близость. Но чувства девушки были, скорее – дружескими, сестринскими, чего нельзя было сказать о Полянском.

Уже ближе к пяти часам Татьяна чуть ли не силой уложила подуставшего Валеру в постель, пообещав навестить его вечером, и отправилась к себе.

Татьяна проспала около двух часов и занялась своими обычными утренними делами, хотя мыслями уже находилась в больнице с Вадимом. Это решение возникло у неё неожиданно и с каждой минутой только усиливалось. Позвонив на

работу Ирине, чтобы та подстраховала её до обеда, Татьяна заказала такси и через пять минут уже стояла в готовности у подъезда.

Пройдя по коридорам и этажам больницы до отделения реанимации, она нажала на дверной звонок. Ей открыла дежурная сестра.

– Что вы хотите? – прозвучал её законный вопрос. – Здесь посторонним вход запрещён.

Пристально поглядев в её глаза, Татьяна спросила:

– Здравствуйте. Вадим Карсанов здесь лежит?

– Да, здесь. А вы его родственница?

– Нет, но мне нужно к нему.

– Да вы что, девушка, это же реанимация, сюда даже родственников не пускают!

– Вы не поняли, мне нужно к нему, – настойчиво повторила Татьяна.

Сестра хотела ещё что-то возразить, но не смогла. Взгляд Татьяны всё глубже и глубже проникал в сознание женщины, пока та не пропустила её внутрь. Она молча сопроводила Татьяну до палаты, где лежал Карсанов, и так же молча ушла по своим делам. В палате находилось несколько специальных кроватей, на которых лежали спящие люди, и девушка даже не сразу узнала Вадима. Его голова была перевязана, а тело основательно упаковано в гипсовый корсет. Кроме капельницы к его груди и рукам были подключены какие-то датчики с проводами, тянувшимися к сложному электрон-

ному прибору. Прихватив стульчик сестры, Татьяна присела возле кровати Вадима.

Она впервые вот так глядела на человека, душа которого была далеко отсюда.

Татьяна хотела понять, где она сейчас, девушка чувствовала в себе силы помочь ей, но пока не знала, как это сделать. Не найдя ничего лучшего, она взяла руку Вадима и попыталась ощутить слабенький маячок его сознания, чтобы слившись с ним отыскать ускользящий след его жизни.

– Помоги мне, Вадим, пожалуйста, помоги, – прошептала она, уже чувствуя, как последние часы его жизни вспышками проявляются внутри неё...

Она стояла посреди безлюдной улицы незнакомого города уже погрузившегося в вечерние сумерки. Ей казалось, что звуки навсегда покинули этот город вместе с людьми, а окна домов сроднились с безжизненной темнотой. Здесь не было ни грязи, ни мусора, а только какое-то запустение и тоска, безысходная тоска.

Озираясь, Татьяна побрела дальше по улице пытаясь осмыслить происходящее:

«Мне кажется – это часть его прошлого, его боль и одиночество... он часто плутал в нём и никак не мог найти выхода. Днём было проще, заботы хоть как-то отвлекали, он забывался на время, а с наступлением ночи всё менялось, сны терзали его душу невыносимым одиночеством».

Татьяна припомнила, как в ту самую ночь их дружеского

пикника он буквально умолял её, чтобы она не отталкивала его, не оставляла его одного. Ему просто хотелось немного тепла и понимания, а она так и не поняла.

«Кто же залез к нему в душу, кто так унизил её и растоптал? И он не выдержал... не выдержал и сломался. Сильный мужчина с такой ранимой и несчастной душой».

Пройдя два или три квартала, она разглядела впереди небольшой мостик, под которым протекала речушка, разделявшая город на две части. Татьяна подняла к небу глаза, но кроме бледной одинокой луны ничего не увидела. Здесь даже не было звёзд. Луна висела над самым мостиком и освещала его вместе с небольшой полоской реки. Татьяна отметила про себя, что за её спиной, откуда она пришла, всё ещё были сумерки, а за мостом уже сгустилась непроглядная тьма. Подойдя ближе, Татьяна увидела Вадима. Он стоял посередине моста и глядел в сторону другой половины города.

– Вадим! – позвала она. – Ты меня слышишь? Вадим!

Но ответа не последовало, казалось, что он уже был в другом мире, где не слышны человеческие голоса. Татьяна сделала несколько шагов по мосту и только сейчас увидела, что происходит на той стороне. Тьма словно ожила, ошетибилась сотнями, а может, тысячами теней, тянущих руки к Вадиму. Они тоже звали его.

«Мир теней», – мелькнуло в сознании девушки.

Вадим шагнул в их сторону, но Татьяна вновь окликнула его. Он остановился. Тогда из тёмного копошащегося покро-

ва выделился огромный тёмный силуэт, в его приглушённом голосе слышались нотки победителя:

– Нельзя войти дважды в одну и ту же воду, как нельзя вернуть того кого уже нет, эту битву ты проиграла ещё там. Теперь он наш. Оставь его и возвращайся.

– Согласна, в воду нельзя. Но ведь даже у воды есть память, тем более у человека, ей по силам вспомнить прошлое и тогда его можно переосмыслить.

– Ха-ха, какая бессмысленная риторика! Ты сама-то веришь в то, что говоришь?!

– Хорошо, оставим этот ненужный спор и проверим всё на деле. Там стоишь ты, а здесь – я, и канат натянут... Кто перетянет, тот и выигрывает.

– Не обольщайся, он даже не видит тебя! – прокатился глухим эхом его ответ.

– А мы сейчас проверим, – произнесла Татьяна, вплотную приблизившись к Вадиму.

Она не стала ничего ему говорить, а просто обвила руками его шею и нежно поцеловала. Взгляд Вадима стал проясняться, наполняться осмысленностью, словно он просыпался от глубокого гипнотического сна. Он вцепился в руку Татьяны как за последнюю спасительную соломинку, и девушка повела его за собой, повела как маленького ребёнка всё дальше и дальше от этого безжизненного города. А им вдогонку ещё долго неслись вопли проклятий...

Вадим открыл глаза и улыбнулся Татьяне:

– Танечка... я всё помню, всё... спасибо тебе, родная...

– Всё хорошо, Вадик, ты жив и скоро поправишься, я тебе обещаю. Только не делай так больше никогда, ты не один, у тебя есть друзья, – ободряюще поглядела ему в глаза девушка.

– И ты...

Татьяна улыбнулась и взяла в свои ладони его ослабевшую руку, делясь с ним своей волшебной силой. Через минуту лицо Вадима окрасилось лёгким румянцем.

В этот момент в палату вихрем влетела сестра и сразу вспомнила о своих обязанностях:

– Очнулся, слава Богу! Девушка, а как вы здесь оказались? А ну-ка марш отсюда, пока врач не увидел!

– Всё, ухожу. Выздоровливай, Вадим.

– Танечка... ты придёшь?

– Конечно, приду.

– Вы ещё здесь?! – уже не на шутку осерчала сестра, вызывавшая по экстренной связи врача.

– Уже ушла, – проронила Татьяна, направляясь к выходу.

Оставшуюся часть дня Татьяна провела в магазине. Если честно, то работать ей совершенно не хотелось, её мысли витали далеко отсюда и строили разные планы. Несмотря на недавние злоключения с её друзьями, Татьяна не теряла оптимизма всё поправить и выяснить причины произошедших неприятностей. Отчасти с двумя случаями ей удалось разобраться благодаря нежданно открывшимся способностям, но

оставалась ещё Света, и кроме всего она подозревала, что ситуация ещё далека от разрешения и стоит ожидать нового витка неожиданностей. Так всё и вышло. В самом конце рабочего дня, когда она уже собиралась закрываться, перед прилавком появился тот самый человек в тёмном пальто.

Внимательно осмотрев книжные полки, он обратился к Татьяне:

– Милая, что бы ты посоветовала почитать человеку, решившему проститься с прошлым и думающему начать новую жизнь?

Татьяна выдержала его немигающий взгляд и ответила:

– Это очень ответственный шаг, такому человеку следует быть искренним с самим собой, чтобы не дай Бог не обмануться своим будущим. Я бы вам предложила «Преступление и наказание» Достоевского, очень поучительная книга.

– И чем же этот роман может помочь мне? – усмехнулся незнакомец.

– Вы знаете, герой этой книги Раскольников тоже хотел изменить свою жизнь, ему никак не давала покоя мысль о своей исключительности, и чтобы проверить себя он переступил через муки своей совести и стал банальным преступником... Но совершить преступление – это одно... Как с этим жить дальше? Опять страдания, нравственные терзания до нервного истощения, упрёки за собственную слабость и обычность, но только не раскаяние, а в результате – одиночество, каторга и безысходность...

Мужчина не дал ей договорить до конца:

– Что же здесь поучительного? Как был «тварью дрожащей», так и остался. Имеющий право не мучается угрызениями совести, он свободен от подобных условностей, он выше их и всех «тварей дрожащих».

– И кто же даёт такое право? – с нескрываемой иронией поинтересовалась Татьяна.

– Девочка, такое право не даётся, оно завоёвывается силой! Сила даёт власть, а власть напитывает ещё большей силой, так было всегда и будет. В этом смысл избранности.

И тут Татьяну как прорвало:

– Какая глупость! Ваша избранность – это обычная маниакальность, болезнь с диагнозом – «синдром мании величия», а ещё – комплекс неполноценности. Таким избранным вечно чего-то не хватает в себе самом, той же искренности, душевности... Вам не кажется, что само чувство избранности загоняет в тупик самообмана? Ведь таким людям день за днём приходится доказывать и доказывать свою исключительность. Но это же не свобода, а сущее рабство! А вы знаете, что только любовь Сонечки Мармеладовой смогла спасти больную душу Раскольникову? Вот именно тогда он и начал новую жизнь...

В этот момент Татьяна увидела, как за спиной мужчины жестикулировала Ирина, предупреждая, что уходит. Татьяна помахала ей рукой. В помещении других посетителей уже не осталось, Ирина успела вывесить на дверь табличку о закры-

тии магазина.

– Интересная у нас с тобой беседа получается, но мы говорим на разных языках, – вывел девушку из секундного отсутствия незнакомец. – А ты, девочка, сильно изменилась после нашей последней встречи.

– Спасибо за науку. Я к вам уже стала привыкать.

Высокий мужчина пристально поглядел на неё:

– А что бы ты почувствовала, если бы лишилась всех близких тебе людей?

– Вы не посмеете! – вырвалось из Татьяны.

– Посмею, я не из тех, кого мучает совесть. А ты, вообще-то – молодец, борешься, не дала себя загнать в угол... но ведь и я пока не усложнял игру. Когда ты встанешь перед реальным выбором, то всё будет иначе. Подумай об этом, девочка, хорошенько подумай.

– Что вы от меня хотите? – не стала спорить она.

– Это уже другой разговор, – удовлетворённо кивнул он. – Для начала закончи свою книгу, она нам понадобится, срок тебе – три дня. И вспомни, о чём я тебя просил. А чтобы ты не сомневалась, я подстрахуюсь. Да, и посматривай электронную почту, там может быть нужное сообщение. Я не прощаюсь, скоро увидимся.

Когда мужчина покинул магазин, Татьяна задумалась, её очень встревожило его предупреждение о подстраховке:

«Что он имел в виду? Ведь он не просто так сказал».

Не мешкая, она обзвонила мать, отца, самых близких род-

ственников, все ей ответили. Потом очередь дошла до Полянского, он тоже ответил, но не сразу.

– Валера, привет. Ты где?

– А, Танюша, привет! Да я в магазин заскочил, тут рядом, в холодильнике шаром покати, минут через пятнадцать буду в мастерской.

– Валера, прошу тебя, больше никуда не заходи, иди сразу домой. Я скоро приеду и всё объясню, и не открывай никому, только мне. Хорошо?

– Да что случилось-то, Тань?

– Не по телефону, я скоро буду.

Татьяна быстро сдала под охрану магазин и побежала ловить такси. Теперь у неё почти не осталось сомнений, что объектом своей подстраховки незнакомец выбрал Полянского и шантажировать Татьяну собирался именно им. После исчезновения картины этим странным людям зачем-то понадобилась её книга, а в придачу и они сами. Девушка не знала пока, как остановить незнакомца, но сидеть сложа руки – тоже не могла. Доехала она без происшествий и пульей взлетела на знакомый этаж. Дверь оказалась приоткрытой, судя по доносящимся изнутри звукам – в квартире явно что-то происходило.

Не раздумывая, Татьяна вошла внутрь.

– Валера, это ты? Ты здесь? – на ходу проговорила она, осторожно передвигаясь по коридору.

Но ответа не последовало. Уже у дверей в зал мастерской

её ослепила яркая вспышка. Несколько секунд в её глазах стояла темнота, но потом всё прошло. Прищуривая глаза, Татьяна осмотрелась. В зале царил свежий беспорядок, возле стен громоздились ящики с картинами, видимо, Валера весь день занимался эвакуацией выставки. Но самого хозяина не было, он, словно испарился. Татьяна пыталась понять – откуда взялся источник вспышки, но ничего похожего, кроме ламп подсветки не обнаружила. Набрав номер телефона Полянского, она с удивлением услышала знакомую мелодию, раздававшуюся где-то со стороны кухни. Бросившись со всех ног на зов мобильного, Татьяна обнаружила его на кухонном столе вместе с пакетом продуктов.

«Он только что был здесь, даже продукты убрать не успел. Что же произошло, что? Он что-то услышал в мастерской и пошёл туда... А телефон? Может, в этот момент ему позвонили или он сам набирал кого-то? Неужели незнакомец сдержал своё обещание», – пронеслись мысли в её голове.

Она ещё раз обошла всю квартиру, сама не понимая – зачем и решила на всякий случай подождать. Но прошло около часа, а Полянский так и не появился. Тогда она заглянула к соседке Жанне Викентьевне, но и та ничего вразумительного сказать не смогла. Сомнений больше не оставалось, Валеру похитили перед самым её носом. Вот только непонятно – как? Ждать уже не имело смысла. С надеждой, что утро вечера мудренее, она захлопнула входную дверь и стала спускаться вниз...

Урсан дождался, когда она сядет в машину и переместил-ся поближе ко двору её дома. Как он и предполагал, Татьяна вышла немного раньше, чтобы пройтись по свежему возду-ху. В тёмной подворотне он принял человеческий облик и стал прогуливаться поблизости от её дома. Вскоре Татьяна появилась. Урсан сделал вид, что набирает номер сотового телефона, который носил с собой на всякий случай, но нико-гда им не пользовался. Поравнявшись с незнакомым мужчи-ной, она скользнула по нему взглядом и направилась дальше вдоль детского городка, где разместились тёпленькая компа-ния шумных молодых людей. Появление хорошенькой де-вушки не осталось без внимания, в её сторону полетели пош-ловатые комплименты вместе с недвусмысленными намёка-ми. Она спокойно пропустила всё мимо ушей, но это не оста-новило разгорячённых спиртным парней. Два самых резвых гонца быстро нагнали девушку. Вмешиваться Урсан не стал, догадываясь, что и без его помощи она уже могла постоять за себя. Так всё и вышло, не прошло минуты, как парни безро-потно отправились обратно, совершенно забыв о цели своей пробежки.

Урсан проводил девушку взглядом до подъезда, с удовле-творением отметив про себя:

«Прогресс есть, световая память просыпается, и её пси-хические возможности уже проявляют себя... вот только с «охотниками» Дьюола ей ещё рановато тягаться. Ничего, в ближайšie два дня ей ничего не угрожает, а дальше видно

будет».

Урсану удалось подслушать их разговор в магазине, и пока он за неё не переживал. Теперь его заботило другое – где они прячут художника. За эти три дня он должен был, во что бы то ни стало, разыскать и проверить все тайные схроны Дьюола. Его удивило то, что они пошли на определённый риск телепортировав Полянского из его квартиры. Для неподготовленного человека такой эксперимент с трансформацией тела мог иметь необратимые последствия на клеточном уровне. Посредник был в курсе произошедшего, и считал, что художника будут держать где-то неподалёку, возможно, даже в окрестностях области. Насчёт одного такого места он высказался вполне определённо. Речь шла об одной дворянской усадьбе постройки начала девятнадцатого века, она находилась примерно в двухстах километрах от города в малозаселённой лесной местности. При советской власти там размещался исторический музей, а потом из-за финансовых проблем он куда-то съехал, и усадьба, по сути, осталась бесхозной, хотя и на балансе министерства культуры. За два десятилетия она заметно обветшала и пришла в запустение. Чуть больше двух лет назад усадьба была выставлена на торги на право столетней аренды, естественно, с гарантией реставрации и сохранения исторического облика. Победителем торгов оказалась «тёмная лошадка», обскакавшая всех известных игроков, которых набралось с десятков. Посредника тогда заинтересовала эта сделка, он провёл собствен-

ное расследование, докопавшись до известных ему лиц, напрямую связанных с одной влиятельной фигурой клана Ханмары. Такая любовь к историческим ценностям заинтриговала Посредника, и он стал собирать информацию о прошлом усадьбы и её хозяевах. Когда-то территория усадьбы была очень обширной с надворными строениями, конюшнями, собственным прудом, а господский трёхэтажный дом напоминал царский дворец в миниатюре. О первом хозяине графе Учмасове упоминаний было не так много, противоречивые источники приписывали ему связь с разными тайными обществами, вроде масонов и иллюминатов, просачивалась информация о его увлечениях мистикой и алхимией. Он слыл угрюмой и таинственной личностью, не жалующей многолюдных сборищ и пышных балов. Даже намекали на то, что он не тот за кого себя выдаёт. Очень противоречивые сведения были насчёт подземных галерей усадьбы, якобы уходивших вниз на десятки метров и имевших длину рукавов до нескольких сотен километров, эти непроверенные слухи то муссировались, то опровергались. В те времена так же ходили слухи, что граф проводит там какие-то научные опыты над животными, а более смелые даже брались утверждать, что и над людьми тоже. По другой версии его эксперименты были связаны с чёрной магией и бесовским колдовством. Урсана почему-то сразу же заинтересовала личность графа Учмасова, в этом персонаже скрывалась какая-то тайна. Станным ещё оказалось то, что с конца девятнадцато-

го века о подземных галереях вообще не упоминалось ни в одном источнике, будто их и не было никогда. Во всяком случае, так утверждал Посредник, исходя из имеющейся у него информации. По его сведениям основные реставрационные работы в усадьбе были уже завершены, но до сих пор она оставалась недоступной для посторонних глаз. Всю эту информацию Урсан получил от Посредника телепатически и хотел начать свои поиски именно с усадьбы. Координаты перемещения он знал, но вначале решил навестить одного своего недавнего знакомого, который мог оказать неоценимое содействие.

IV

Татьяна попала в какой-то цейтнот, с одной стороны, условия ей были поставлены и выбор невелик, а с другой – она не понимала, как в такой короткий срок можно выполнить эти условия. И что вообще тот человек надеялся увидеть в последних главах её книги, когда она сама толком не знала о чём писать. В последние дни произошло столько событий, что книга ушла на второй план и свежие мысли пока не радовали её. С музыкой своего вдохновения у неё тоже пока не складывалось, то она её слышала, то нет. А Валеру нужно было как-то спасать, иначе ему грозила беда, незнакомец не шутил, она это видела по его безжалостным глазам. Татьяна даже не помышляла о какой-то хитрости в этом деле, она просто не знала, как подступиться к навязанному ей заданию. О своих внезапно появившихся способностях она то-

же старалась не думать, чтобы не забивать голову лишним. Не найдя ничего лучшего, Татьяна села за старенькое пианино, на котором с бабушкой разучивала свои первые музыкальные этюды. Она уже недели две не тревожила потёртые клавиши бабушкиной реликвии, всё как-то руки не доходили в последнее время, хотя желание появлялось. Татьяна откинула крышку пианино, проверила ногой правую педаль, отозвавшуюся капризным скрипом, и пробежалась по клавишам, проверяя настройку. С этим всё оказалось в порядке, не так давно она вызывала мастера-настройщика, и тот гарантировал ей качество работы. Татьяна на слух попыталась подобрать мелодию, постоянно ускользающую от неё словно весенний ручеёк. У неё долго не получалось, то отдельные звуки не попадали в нужные интервалы, то регистры были не совсем те, она уже хотела закончить это мучение, но вдруг перед её глазами возник образ бабушки Насти, прямо как в том сне. Татьяна видела её так же отчётливо, как своё отражение в зеркале. Анастасия Егоровна просто глядела на Татьяну, пока внутри девушки не зазвучала та удивительная музыка. Татьяна стала быстро записывать её на нотах, хотя была уверена, что уже не забудет её никогда. Образ бабушки растворился, а мелодия осталась на нотах и в памяти Татьяны. Ключ к последним главам был найден, осталось подвести сюжет к закономерному итогу и поставить точку. Сейчас Татьяна не хотела думать ни о чём другом кроме книги, прекрасно понимая, какую цену может заплатить

за свою нерасторопность. Чтобы не отвлекать себя, она заранее утрясла дела со своей постоянной работой, на несколько дней её должна была подменить сестра Ирины. Вадима она тоже успела навестить, его уже перевели из реанимации в одиночную палату, динамика его выздоровления не просто удивляла врачей, а ставила в тупик. О том, что произойдёт с ней самой, Татьяна даже гадать не хотела, надеясь только на русский авось.

Она трудилась уже вторые сутки, прерываясь лишь для короткого сна и лёгкого перекуса. Когда работа была в самом разгаре, раздался звонок в двери. Пришлось отложить дела в сторону, по настойчивости нежданного гостя она сразу догадалась, кто им мог быть. Интуиция её не подвела.

– Полянский у тебя? – не здороваясь, бросила Светлана и напрямик направилась проверять квартиру.

– Не ищи, его у меня нет, – сказала Татьяна, следуя за ней.

– И правда, нет. А где он? Я уже второй день до него дозвониться не могу... звоню, звоню, а он не отвечает... Сейчас только из мастерской, телефон на кухне, а его нет.

Лицо Светланы покрылось нездоровым румянцем, а в покрасневших глазах блестели слёзы. Татьяне поняла, что её подруга провела бессонную ночь. Ей стало жалко Светлану.

– Света, я не знаю, где Валера, честно не знаю. А ты к соседке заходила?

– Заходила... эта полоумная Жана о каком-то нападении на Валерку лепетала, о краже... Я толком так ничего и не

поняла. А ты в курсе?

– Да, на него, действительно, напали в мастерской и украли «Маски», но со здоровьем у него всё нормально было...

– Дурдом какой-то, все всё знают кроме меня! – нервно выкрикнула Светлана, а потом вдруг обмякла и всхлипнула, вытирая ладонью нос и щёки:

– Танька, я уже всё ему готова простить, всё, ложь, измену, лишь бы живой был... Я не могу без него, Танька, не могу и всё... ни спать, ни есть не могу, всё из рук валится... Я так люблю его, так люблю! Танька, если с ним что-то случится, я не переживу этого...

Татьяна по-матерински обняла подругу, пытаясь хоть как-то успокоить:

– Светочка, хорошая моя, перестань говорить глупости, он жив и скоро вернётся к вам, вот увидишь, вернётся и всё у вас наладится.

Казалось, что Светлана только этого и ждала, она доверчиво прижалась к Татьяне и разрыдалась у неё на плече. После минутной паузы она уже со всхлипами надежды произнесла:

– Танюш, ты, правда, так думаешь?

– Я чувствую, что всё будет хорошо, иначе и не может быть.

– Танюш, он где-то прячется, да? Это как-то с картиной связано, и он не хочет нас подставлять?

– Света, я не уверена, но возможно, – туманно ответила

Татьяна.

– Лишь бы вернулся, – вздохнула Полянская. – Танюшка, я на колени перед ним упаду, буду на коленях прощение у него вымаливать, пока не простит!.. Я уже проклиная себя за эту идиотскую ревность, он мне тогда пытался объяснить, что нет его там, что он на выставке, а я дура, дура несчастная взяла и выматерила его. А потом сама проверила, знакомых на выставке спросила... Танюш, он ведь чисто физически не мог с тобой гулять возле дома. А кто же тогда это был?

– Конечно, он не мог, Света... я ведь тоже была там и всё видела, я хотела с тобой встретиться и всё объяснить, а потом тебя увидела и их... Я сразу же Валере позвонила, он, в самом деле, был на выставке. А кто эти двое – я не знаю, может, те же, кто на него напал.

– Тьфу-ты, Вадик как в воду глядел, чёрт бы побрал эту картину! Танюшка, а если его те оборотни похитили? Тогда надо же в полицию заявить пока не поздно... Всё, я звоню!

– Света, давай немного подождём, совсем немного, мне кажется, он скоро даст о себе знать, – остановила её Татьяна.

– Ты что-то знаешь, Волошина?! Я по твоим глазам вижу, что знаешь! Хватит со мной в прятки играть, хватит жалеть, говори, говори всё, что знаешь!

– Света, если бы я знала, – вздохнула Татьяна. – У меня только одни догадки и ничего конкретного... Света, поверь мне, то, что я знаю сейчас – не поможет нам в поисках Валеры. Дай мне пару дней, и я узнаю больше, я тебе обещаю,

только ты мне не мешай, пожалуйста, ты ничем не можешь мне помочь, поверь мне, Света, просто поверь и всё.

– Как же тошно мне и больно... я уже не знаю, кому верить, а кому нет... Ты знаешь, мне стыдно в этом признаться... я же всегда завидовала тебе...

– Завидовала? Чему? – удивилась Татьяна.

– Ты только не перебивай, выслушай меня... мне надо высказаться, у меня уже так наболело, уже не вмоготу терпеть, как нарыв какой-то. Я же люблю тебя, Танюшка, но эта моя стервозность... да, завидовала, завидовала твоей внешности, твоим талантам, ты и пишешь и на пианино классно играешь, мужики от тебя без ума... хм, даже Валерка мой на тебя запал... не спорь, я же по-бабски чувствую, давно уже чувствую... Вот и хотела тебя на шею Вадику повесить, думала, хоть на замужнюю мой пялиться не будет. Это Бог меня за мои грехи наказывает, за всё надо платить, за всё...

Татьяна остро ощущала, что происходит внутри подруги, будто не у Светланы, а у неё прорывался этот нарыв. Её душа как губка впитывала чужую боль, и ей самой становилось больно. Татьяна сделала над собой небольшое усилие и попыталась расплавить в сердце это щемящее чувство. У неё получилось, на сердце сразу потеплело.

– Танюшка, ты простишь меня? Ну, прости меня – дуру, прости, – со слезами умоляла её Светлана.

Татьяна снова обняла подругу.

– Светочка, я не сержусь на тебя, совершенно не сержусь...

но если тебе нужно моё прощение, то я прощаю тебя. А лучше ты сама постарайся простить себя и тебе будет легче, поверь мне... поплачь, хорошая моя, поплачь...

Светлана уже не могла сдерживать слёз и просто разрыдалась. Ушла она поздним вечером, успокоенная, с надеждой.

Чтобы закончить книгу у Татьяны оставалось совсем немного времени. Желая немного отвлечься от разговора со Светланой, она вновь села за пианино. Пробежавшись по клавишам, Татьяна почему-то захотела перебрать старые нотные тетради, чтобы подыскать близкое себе произведение, и наткнулась на бабушкину сонату. Анастасия Егоровна сама её написала, когда Татьяна была ещё совсем подростком и дала сонате странное название – «Песнь Лунной Девы». Татьяна не раз допытывалась у бабушки насчёт этого названия, но та всегда с улыбкой отшучивалась. И только спустя несколько лет незадолго до своей смерти, она открылась ей, что посвятила сонату своей любимой внученьке, своей прекрасной Лунной Деве. Бабушка пояснила Татьяне, что она родилась в полнолуние, когда лунный диск был необычайно ярким и таинственным, а о своём рождении под знаком Девы девушка и сама знала. Татьяна всегда считала, что мало соответствует своему знаку, рационализм, прагматизм и расчётливость – это уж точно было не про неё, и проблем с творческими способностями она явно не испытывала, ну, а насчёт трудолюбия и рассудительности – доля правды была. Но, как говорится: звёзд не выбирают, это они выбирают

людей и ведут их по жизни. Чудесную сонату бабушки она могла сыграть на память без нот, даже с закрытыми глазами, потому, что знала её как своё лицо и чувствовала её как собственное сердце. Пока она играла, на её глазах блестели слёзы от небывалого вдохновения и любви к бабушке Насте.

К вечеру следующего дня Татьяна закончила последнюю главу и уже без сил откинулась на спинку кресла. В концовке книги всё сложилось не так, как она хотела день назад, но её это вполне устраивало, правда, она не только дописала концовку книги, но и внесла некоторые изменения в предыдущие части. В кульминации книги отдельным её героям предстояло сделать несвойственный им выбор, но в жизни постоянно что-то случается впервые, она по себе это знала. Несмотря на усталость и некоторую тревожность, Татьяна была довольна собой, что могла – она сделала, но теперь её ждала развязка уже другого сюжета, не книжного, а реального и очень непредсказуемого, где за свои ошибки, возможно, придётся платить собственной жизнью. Немного отдохнув, она выпила крепкого чая и проверила электронную почту. Среди прочей переписки её заинтересовало лишь одно письмо. Его содержание было следующим:

«Девочка, если ты уже закончила (а я знаю, что ты закончила), то сделай так: перебрось книгу на флешку, а основной файл удали (из корзины тоже) и не вздумай делать копии, мои люди проверят. Флешку и ноты с нашей мелодией возьмишь с собой...»

Дальше шла подробная инструкция – когда она должна выехать, на чём и куда.

«Ну вот и всё, дождалась, неизвестность скоро закончится... не маньяки же они, в конце-то концов, возьмут что им нужно и отпустят нас. Если, конечно, на нас нет других планов... мне уже самой интересно, что они от нас хотят. Жалко только книгу отдавать, столько трудов потрачено... Ладно, переживём, лишь бы Валере помогло», – про себя думала она.

Чуть позже Татьяна решила немного отойти от инструкции в письме. Она сделала почти всё, что велел тот человек, но копию файла всё же отправила на электронку Полянского в мастерскую. Потом удалила все оставленные следы на компьютере и отправилась собираться в дорогу. Естественно, в письме не было ни слова насчёт срока её «командировки», пришлось довериться своей интуиции и взять только самые необходимые вещи. Средства гигиены, косметика, сменное бельё и ещё несколько нужных вещей уместились в небольшую дорожную сумку, которая осталась в гостинной дожидаться завтрашнего утра. Цветы и свою любимицу Зару она определила на время к соседке, всех своих близких обзвонила ещё вчера, но ничего конкретного им не говорила, просто мысленно попрощалась и всё. Да и что она могла им сказать, если сама не знала, что её ждёт впереди. Несмотря на почти две бессонные ночи, спать ей не очень хотелось, наверно, сказывалось нервное перевозбуждение. Но всё-таки

после часовой маеты в постели – сон сморил её. Ей снилась лунная дорожка, протянувшаяся от одного берега озера до другого, по которой она легко скользила на ту сторону. Но где-то на самой середине озера дорожка вдруг оборвалась, и Татьяна сорвалась вниз в пучину тёмных вод. Она так и не успела увидеть, что же случилось дальше, её разбудил будильник. Всё ещё находясь под впечатлением странного сна, она поставила чайник и направилась в ванную. Такси она заказала ещё с вечера, так что на сборы у неё оставалось минут сорок. Когда Татьяна спустилась вниз, машина уже ждала её. Раннее утро встретило девушку первым лёгким морозцем. Но она была готова к сюрпризам поздней осени, утеплённая куртка, джинсы и сапожки, как нельзя лучше отвечали этому времени года. На железнодорожном вокзале она села на указанную электричку и помчалась навстречу своей судьбе. Через два часа Татьяна сошла на небольшом полустанке и по натопанной тропинке направилась в сторону дачного посёлка, но, не доходя до него метров семьсот, свернула на другую почти заросшую тропинку, уходящую в смешанный лесок. Она не успела сильно углубиться в чащу, увидев перед собой полуразвалившееся строение. Встреча была назначена внутри этого заброшенного здания.

«Интересно, что здесь раньше было? Да-а, подходящее место для обмена, прямо как в детективном романе... сейчас подвезут связанного Валеру, и я передам им флешку с нотами... или его отпустят позже, где-нибудь возле станции.

А если серьёзно, то мне что-то не по себе, ощущение какого-то подвоха присутствует... а идти всё равно придётся... ладно – будь, что будет», – размышляла она, стоя у зиявшего темнотой дверного проёма.

Татьяна зашла внутрь, осторожно ступая по битому кирпичу, по ходу гадая, где состоится встреча. Второй этаж она решила оставить напоследок и начала осмотр с первого, вернее, с того, что от него осталось. В помещениях большинство кирпичных перегородок вообще отсутствовало, об их бытности напоминали только выщербленные вершки оснований, а о дверях и прочих деревянных изделиях даже говорить не приходилось, видимо, предприимчивые дачники не один год совершали сюда опустошительные набеги. Татьяна старалась ступать мягко, но у неё не всегда получалось, она то и дело наступала ногами на строительный мусор, невольно замирая от скрипа собственных шагов. Обойдя все помещения и не найдя ничего полезного для себя, она уже собиралась подняться наверх, как вдруг из дальней комнаты с правой стороны коридора ей послышался странный звук. Замерев, она насторожилась, проверяя свой слух, но ей ответила тишина. И всё же она пошла туда. Это помещение пострадало меньше всего, и было затемнено досками, забитыми на оконных проёмах с внешней стороны. Татьяна огляделась, но, не обнаружив ничего подозрительного, направилась обратно и в этот момент почувствовала, что не одна. Их размытые очертания появились неожиданно, из ниоткуда, девушки

ку сразу же взяли в кольцо и почти обездвжили. Татьяна ощутила страшное давление на своё тело, словно попала в стальной капкан, она боролась, но мышцы отказывались подчиняться. Лишь маячок сознания ещё продолжал сопротивляться, из последних сил она попыталась выстроить защиту из непроницаемой стены, и на какие-то мгновения это сработало. Но её противники оказались невероятно быстрыми и искусными в таких делах, её защита была вскоре разрушена. Последнее, что помнила и ощущала Татьяна, это сотни тончайших щупальцев пеленавших её мозг и яркую оранжевую вспышку...

Открыв глаза, она увидела огромную люстру на высоком потолке, окружённую замысловатым узором лепнины. Какое-то время Татьяна не могла понять, где находится, её голова раскалывалась на мелкие части, которые никак не могли собраться в единое целое. Тело же практически не ощущалось. Она попыталась пошевелить онемевшими пальцами руки, но её усилия обернулись судорогой, перешедшей в резкую боль, а потом кровь обожгла её жилы, и словно прорвав незримую плотину, побежала от плеча к кисти. В этот момент до её сознания долетел обрывок разговора на незнакомом ей языке, но странным было то, что она всё понимала:

– Как всё прошло, Сигурд?

– Мы всё сделали, как вы просили, Хозяин. Всё, что было при ней у нас, без вас информацию не проверяли.

– Правильно, сам проверю. А наш пришелец не объявлял-

ся?

– Нет, Хозяин, мы просканировали всю округу, его точно не было.

– Это и непонятно, не похоже это на него. Он явно что-то задумал. Охрану усилили?

– Хозяин, могу уверить вас, что мимо охраны и мышь не проскочит.

– Не перехвали себя, Сигурд, этот пришелец очень искусный разведчик, он в любую щель может пролезть незамеченным, так что, готовность должна быть сверх полной. Ты меня понял?!

– Да, Хозяин, мы будем готовы к встрече.

– Хорошо. А как чувствует себя наша гостья?

– Насколько я вижу, уже возвращается к жизни.

Хозяин подошёл к кожаному дивану, на котором лежала Татьяна, и склонился над девушкой.

– Неважно выглядишь, но это ничего, это мелочи, главное, что жива, – произнёс он, протянув руку к её голове. – Потерпи, сейчас станет легче.

Татьяне действительно стало легче, боль в голове почти прошла, а тело стало быстро восстанавливать свою подвижность. Через минуту-другую девушка смогла самостоятельно сесть на диван и была готова к разговору.

– Зачем весь этот цирк? Я всё и так бы отдала... Вы нарушили свои же условия, – укоризненно сказала она.

– Девочка, договариваются либо с партнёрами, либо с кре-

дителями, а ты не то и не другое. Запомни раз и навсегда – я всегда делаю и беру то, что мне нужно и как мне хочется.

– Я сделала всё, как вы хотели, и хочу знать, где мой друг! Я хочу видеть его!

– Увидишь, обещаю. Но сначала поглядим, что ты нам принесла. Если всё сделала, как я просил, то побудешь моей гостьей какое-то время, пока я не решу, что делать с тобой и твоим художником, а если схитрила в чём-то... то не обессудь, придётся тебе сменить дворянские апартаменты на одиночную камеру.

– Если у вас всё будет – зачем мы вам?

– Здесь я решаю, и хватит глупых вопросов!

– М-да, выбор не богатый... Что ж, будем ждать вердикта. И ещё ваша пленница хотела спросить, как ей к вам обращаться: граф, князь, а может – сэр? – не скрывая иронии, произнесла Татьяна.

– Знаешь, девочка, у русских есть одна мудрая поговорка, что «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним». Не забывай об этом. А меня можешь называть просто – Дьюолом, я не обижусь.

На том они и расстались, Дьюол отправился просматривать украденную из сумки Татьяны информацию, а она в сопровождении Сигурда поднялась на второй этаж в гостевые апартаменты.

Пока они проходили по коридорам, Татьяна с интересом рассматривала необычное оформление стен и потолков, ко-

торые, вероятней всего, были выполнены из современных материалов под гипсовую лепнину. Она не нашла в очень органичном ансамбле настенных творений ни одного повторяющегося узора или художественной миниатюры, сделав вывод, что Дьюол не являлся любителем однообразия и стандартных решений. И со вкусом у него тоже всё было в порядке. Сигурд проводил Татьяну до дверей и удалился. Теперь её охраной занимались другие, она их не видела, но чувствовала, что они рядом. Обойдя свои временные, но довольно роскошные апартаменты, состоявшие из гостиной, спальни и ванной комнаты, Татьяна отметила, что облик комнат действительно напоминал старинные интерьеры, во всяком случае, она не видела, чтобы стены современных квартир обтягивались бархатом или другими тканями. Свою сумку она нашла в гостиной, естественно, в ней не оказалось двух самых важных вещей и ещё сотового телефона, который согласно инструкции Дьюола находился в сумке в выключенном состоянии. Татьяна не спешила здесь хозяйничать, догадываясь, что после решения Дьюола всё могло кардинально измениться. Ей оставалось только ждать. Гадая, где бы мог находиться Валера, она подошла к высокому окну. Как оказалось, все окна её комнат размещались на фасадной части дома и выходили на центральный двор, давая возможность неплохого обзора. В глаза Татьяне сразу же бросилась очень красивая старинная беседка, находившаяся напротив центрального входа в дом в метрах пятнадцати от него. Бесед-

ка была проходная, прямо от крыльца дома сквозь неё пробежала пешеходная дорожка, вымощенная природным камнем. По обе стороны беседки на десятки метров простирался уже облетевший фруктовый сад. За садом проглядывалось несколько надворных строений, а поодаль извивался змейкой неширокий пруд, берега которого соединял пешеходный мостик. Весь видимый периметр территории огораживал довольно высокий металлический забор, а за ним виднелись фигурки лесных массивов вперемешку с лысыми холмами. Эти места показались Татьяне очень романтичными и если бы не обстоятельства, приведшие её сюда, вполне располагающими для отдыха. На секунду она представила, как гуляет по цветущему весеннему саду, проходит по арочному мостику на ту сторону пруда, и как теплыми вечерами в беседке любуется природным пейзажем, слушая тишину. Её мечты прервали звуки быстрых шагов в коридоре. Через секунду – другую дверь распахнулась, и в комнату влетел Дьюол. По его глазам было видно, что внутри него вскипает паровой котёл.

– Ты шутки со мной шутить вздумала, да?! – взревел он.

– Какие шутки? – не поняла Татьяна.

– Где твоя книга?!

– Как где? На флешке...

– Нет там ничего! Ты хоть понимаешь, что сейчас сделала со своим другом, понимаешь?! – всё сильнее распаялся Дьюол. – Не будь душой, говори мне правду, иначе пожале-

ешь, что родилась!

– Я и так говорю правду, книга была на флешке, я два раза проверяла! – уже повысила голос Татьяна.

– И где же тогда она?! Сама взяла и испарилась?! – наступал на девушку мужчина.

Татьяна сделала шаг назад и недоуменно пожала плечами:

– Ну не знаю я, не знаю, книга была на флешке...

Дьюол грубо схватил её за руку и потащил за собой.

– Ай! Больно же! Куда вы меня тянете! Оставьте меня! – пыталась сопротивляться девушка, еле поспевая за ним.

Пройдя по коридору, они повернули в небольшую комнату, которая оказалась лифтом, и мужчина силой затолкнул Татьяну вовнутрь.

– Я сама не понимаю, как это могло быть, – всё ещё пыталась оправдаться Татьяна, когда двери закрылись и лифт тронулся вниз.

– Замолчи! – грозно приказал он.

Спорить Татьяна не стала, только упрямо сжала губы. Оставшуюся часть пути они провели в полном молчании. Судя по тому, сколько они спускались, девушка сделала вывод, что подземная часть дома уходит на глубину не одного десятка метров. Когда лифт остановился, они пересели в какой-то странный аппарат, стоявший на монорельсе, и Дьюол на огромной скорости понёс их вдаль тускло освещённого тоннеля. Конечной остановкой оказалась научная лаборатория, Татьяна почему-то даже не сомневалась в этом. Здесь

находились всевозможные электронные приборы, огромные мониторы, экраны, какие-то сферические и эллипсоидные камеры, чем-то похожие на применяемые в медицинской лучевой диагностике, которые были подключены в единую систему управления. В помещении работал персонал в специальных комбинезонах, человек пятнадцать или около того. Дьюол отдал несколько команд и повернулся к девушке:

– Я обещал тебе встречу с другом, сейчас ты его увидишь. Но беда в том, что эта встреча ни тебе, ни ему не доставит удовольствия. Заинтриговал?

– Я не понимаю вас, Дьюол... Зачем вы меня пугаете? – негромко сказала Татьяна, чувствуя нависающую над ними угрозу.

– Глянь-ка туда.

Татьяна повернулась в ту сторону, куда показывал Дьюол и обомлела. В одной из герметичных капсул со смотровым прозрачным экраном находился Полянский, он лежал в обездвиженном состоянии в фигурной нише, повторяющей контуры его тела, к которой были подключены какие-то датчики.

– Что вы хотите с ним сделать?! – воскликнула Татьяна, вцепившись в мужчину рукой.

Дьюол высвободился, схватил Татьяну своими железными руками за плечи и сильно встряхнул.

– Ты ведь этого хотела?! Теперь смотри, смотри внимательно, и не вздумай отворачиваться! – крикнул ей под ухо

Дьюол, разворачивая девушку к капсуле.

Он вновь отдал команду, и капсула моментально заиграла световыми вспышками. Всё, что происходило внутри капсулы, было спроецировано на одном из ближних мониторов и дублировалось в чёткой трёхмерной голограмме, проявившейся чуть в стороне от монитора.

– Смотри! – резанул слух девушки его голос. – А я тебе буду рассказывать, что произойдёт дальше. Сейчас квантовый излучатель обесточит электромагнитное поле твоего художника, и он лишится защиты, молекулы клеток потеряют полярную заряженность и внутриклеточные связи быстро разрушатся, а потом под воздействием гравитации обездвиженные клетки начнут слипаться в бесформенную массу. Ты знаешь, сколько он сможет протянуть, пока не превратится в кусок обыкновенного пластилина, знаешь?!

Татьяна видела, какие невыносимые муки испытывает Валера и его боль всё сильнее передавалась ей, каждой своей клеточкой она чувствовала, что происходит внутри него. Она вошла в какой-то ступор, её трясло и в то же время её разумом владело оцепенение.

– Тебе не жалко его?! А ведь он любит тебя, любит! – надвое рассекал её сердце голос Дьюола.

Татьяна уже была на грани потери сознания, лаборатория вместе с людьми расплывалась перед её глазами, а в ушах стоял металлический звон. И всё-таки она нашла в себе силы прошептать:

– Всё, хватит... я скажу...

Её тут же подхватили чьи-то руки и перенесли на кушетку. Она не имела понятия, что происходит вокруг неё, минут пять её не трогали, а потом подошёл Дьюол.

– Очухалась? Ну и что ты хотела сказать?

– Что с Валерой? – были первыми её слова.

– Ничего, жить будет, мы и не таких мертвецов на ноги поднимали. Ты лучше поведай мне о своей маленькой тайне.

– Я сделала одну копию... она на электронке в мастерской.

– Схитрила, значит, ну-ну... Хорошо, мы проверим. А тебе придётся пройти один небольшой тест на правдивость, это не больно, скорей – неприятно, но терпимо.

– Делайте, что хотите, только Валеру не трогайте, – негромко произнесла Татьяна.

Её поместили в похожую капсулу, а что было дальше она уже не помнила.

Очнулась она от страшного холода, безнаказанно забиравшего во все члены её разбитого тела. В комнате было сыро и очень темно, даже малюсенький лучик света не проникал сюда. От холода невыносимо хотелось в туалет. Татьяна с трудом поднялась с жёстких нар, не в силах унять дрожь, и попыталась одеревенелой рукой нащупать в потайном кармане куртки зажигалку. Вообще-то она никогда не курила, но на всякий случай её взяла, и как выяснилось, не прогадала. С третьего раза девушке всё же удалось крутануть колёсико зажигалки, когда язычок пламени осветил часть по-

мещения, она осмотрелась. Кроме деревянных нар и дверей в небольшом помещении ничего не было. Обойдя все углы, Татьяна обнаружила ещё пластмассовое ведро с крышкой.

«И это все удобства?» – мелькнула в её голове мысль.

Делать было нечего, пришлось воспользоваться тем, что есть. Ей стало легче, но дрожь не проходила. Тогда она попробовала согреться физическими упражнениями, но каждое движение давалось с трудом. Спустя некоторое время девушке всё же удалось разогнать застывшую кровь, и она решила осмотреться получше. Хоть глаза и попривыкли к темноте, но она по-прежнему помогала себе зажигалкой. Несмотря на безнадёжную ситуацию, Татьяна благодарила Бога за то, что не сняла в доме куртку, словно чувствовала, что та ей пригодится. Без куртки она бы точно околела от холода. Да и содержимое её кармашков тоже представляло некоторую ценность. Одиночная камера оказалась не больше трёх метров в длину и ещё меньше в ширину, стены были выложены из каменных блоков так плотно, что она с трудом смогла разглядеть между ними стыки. Пол и потолок ничем не отличались от стен, а массивная металлическая дверь не имела даже ручки, не говоря уже о смотровом окошке. Здесь не было ни ниш, ни выступов, лишь у самого потолка виднелась небольшая отдушина, скорее всего, для подачи воздуха.

«Замуровали демоны», – почему-то вспомнила Татьяна фразу из популярного фильма и задумалась:

«Похоже, что Дьюол сдержал слово... я где-то в подземе-

лье, жутковатое место, да ещё этот холод, брр... м-да, на жалость этого господина можно не рассчитывать... Есть ли у него вообще слабые места? Вряд ли. Как же отсюда выбраться?»

Для успокоения совести Татьяна потолкала дверь, но та даже не шелохнулась. Чтобы не поддаваться холоду она стала расхаживать по камере, по ходу обдумывая своё положение. Панического страха у неё не было, это радовало девушку, но и варианты её освобождения пока тоже не проглядывались. Оставалось терпеть и ждать. Вдруг она остановилась, ей слышался какой-то стон или вой, только она не поняла – откуда он исходил. Вначале Татьяна подумала, что это вой ветра из отдушины и подошла поближе, чтобы удостовериться в своём предположении. Но она ошиблась, это был не ветер. Оставался единственный вариант – дверь. Татьяна вплотную приблизилась к ней и напрягла слух, через несколько секунд стон повторился. Теперь она точно знала, что его источник находится за дверью. Стон то затихал, то возобновлялся, потом к нему стал примешиваться ещё какой-то звук, похожий на царапанье ножом по металлу. Татьяна стала вслушиваться и гадать, что это могло быть. Но на ум ничего конкретного не приходило, кроме живого существа. Тогда она закрыла глаза и попыталась представить того, кто стоял буквально в метре от неё. Прошло несколько секунд, и темнота внутри её головы стала рассеиваться, а вместо неё стали проявляться и пульсировать разноцветные световые фигурки. Потом они

слились в одно целое, образуя, что-то вроде светового окошка и Татьяна увидела его. От неожиданности она отпрянула назад, по её телу побежали предательские мурашки, но уже не от холода, от страха. Это жуткое существо не было похоже ни на человека, ни на животного, но судя по гениталиям, было мужского пола. Он находился у самой двери и глядел прямо на неё в упор своими пронзительно жёлтыми глазами, будто видел сквозь двери. Девушка с трудом преодолела появившуюся слабость, успокаивая себя тем, что он не сможет проникнуть к ней и постаралась рассмотреть его получше. Он был огромного роста с вытянутой как у ящера головой и глубоко посаженными щёлками глаз, располагавшимися ближе к ушным раковинам, если таковыми можно назвать небольшие складки вокруг сферических углублений. Его серо-землистая кожа совершенно не имела волосяного покрова, но была покрыта довольно крупной и твёрдой чешуёй, а из-за широкой спины этого двуногого существа виднелось что-то вроде недоразвитых перепончатых крыльев. Исходящий из коридора металлический звук оказался ничем иным, как скрежетом острых когтей о дверь.

«Дьявол воплоти», – невольно подумала про себя Татьяна. – Жуть какая...

И в это мгновение раздался страшный пронзительный рёв, от которого у девушки заложило уши, даже несмотря на глухую металлическую дверь. Но неожиданно рёв стих, и она услышала знакомый голос:

– Успокойся, брат, ступай к себе.

К удивлению Татьяны двуногое чудовище подчинилось, видение тот час же исчезло, и вновь воцарилась мёртвая тишина...

Она не знала, сколько прошло времени, день сейчас или ночь, всё слилось в нескончаемую пытку холодом и темнотой, даже недолгие минуты беспокойной дремоты ничего не меняли. Чтобы хоть немного поспать, ей приходилось интенсивно до испарины разминаться, однако собранного тепла едва хватало на несколько минут. Татьяна постоянно ощущала рядом своего безмолвного, но навязчивого сокамерника. Голод почти не мучил её, за всё это время она не осилила даже половину шоколадки, не случайно завалявшейся в её кармане. Больше хотелось пить, Татьяне приходилось прикладывать к влажной стене платок и выжимать собранную влагу себе в рот. Не совсем гигиенично, но выбирать не приходилось. Всё это время в голове Татьяны крутилось одно из её стихотворений:

Капли плачут на окне –
Молча грусть свою вещая...
Но зачем их слёзы мне?
С ними осень провожая,
Вытру мысленно стекло
Да снежинки нарисую...
Первый снег и так бело...

Где бы кисть найти такую,
Чтоб коснувшись полотна —
Помогла от дум избавить?
Как же смешаны тона...
Или острой бритвой править —
То, что на сердце легло?
Ведь от боли хоть не душно,
А в слезах отнюдь не зло —
Соль к теплу неравнодушна...
Ну, а если жизнь скучна,
Ей обычных трёпок мало?
Выпью скорби — допьяна,
Чтобы радость ближе стала!

Татьяна написала его ровно год назад после расставания со своим молодым человеком. Девушке казалось, что она любила его, но однажды уличив его в наглой лжи, все её радужные иллюзии вмиг рассеялись, она ясно поняла, что он не её герой. Как ни странно, это стихотворение помогало ей выстоять, и ещё ей помогал пример её любимого поэта, из его биографии она помнила, что Лермонтов не раз ночевал в горах один, среди врагов, завернувшись в черкесскую бурку. Несмотря на чудовищные условия и неопределённость, она ни разу не поддалась панике, а наоборот, собирала в кулак всю свою волю и терпела с надеждой на лучшее. Прошло ещё какое-то время заточения Татьяны, и вдруг она поняла, что

холод отступил, перестал мучить её. Тело девушки уже само без её усилий взялось поддерживать комфортную температуру, и даже её руки-ледышки впервые наполнились теплом. Татьяна не знала, как объяснить этот феномен, да и все остальные тоже, всё, что происходило с ней за последнее время походило на какую-то сказку или небыль, но ей уже не хотелось отказываться от того, что она имела. Теперь у неё было много свободного времени, она старалась посвятить его осмыслению своих новых способностей и, если можно так выразиться – шлифовке их граней. Узкие стены уже не давили на неё, она научилась видеть сквозь них, вот только пока не могла через них пройти. Но в своих мечтах она уже делала это, и ещё много такого, что ещё вчера казалось просто невозможным. Лишения плена и вынужденное одиночество открыли внутри неё ещё одну волшебную дверцу, за которой оказалось много бесценных даров. Ещё совсем недавно она была как все обычные люди, жила своими повседневными заботами, тревогами, мимолётными радостями и не так часто вспоминала о душе, о том чего хочет она. А сейчас стало иначе, Татьяна находилась как бы внутри себя и воспринимала всё, в том числе и свою прошлую жизнь – глазами души. Девушке было спокойно и уютно внутри себя, все её прошлые проблемы казались теперь такими смешными, надуманными, о них даже не хотелось вспоминать, они совершенно не трогали её сердце. С Валерой, конечно, всё складывалось иначе, но даже в этом вопросе она оставалась со-

лидарна с покоем души и верила ей. Татьяну словно просеяли через незримое сито и вновь собрали уже на той стороне, оставив где-то там в другой жизни все её тревоги и сомнения. Она стала другой, безусловно, другой. Татьяна чувствовала в себе силы, чтобы бороться и не просто бороться, а побеждать.

Когда, наконец, лязгнул засов массивной двери, и та со скрипом отворилась, девушка была готова ко всему. В лицо Татьяне ударил яркий луч фонарика, она невольно зажмурилась, а открыв глаза, увидела перед собой ту самую рыжеволосую женщину.

– Я же говорила, что мы ещё встретимся, милая, – с усмешкой произнесла она. – Фу, какое неприглядное место! Нет, не для тебя оно, не для тебя. Ты уж прости Дьюола, он немного погорячился, если бы я знала, такого бы не произошло. Ты свободна, можешь выходить. Полагаю, мы с тобой лучше найдём общий язык, мы ведь женщины. Так, милая?

– Сколько я здесь пробыла? – не отвечая, спросила Татьяна.

– Всего-то ничего, неделю, или чуть больше...

– И куда мы сейчас?

– Домой, милая, там уже всё готово. Сначала приведёшь себя в порядок, потом поужинаем в узком кругу, а дальше видно будет. Да, я ещё не представилась, меня зовут – Мердина. А тебя, если ты не возражаешь, я буду называть Таней, мне нравится это нежное русское имя.

– Пожалуйста, как хотите, – не стала возражать Татьяна.

– Ну и славно, надеюсь, мы подружимся. Всё, всё, пошли быстрее из этой кротовой норы!

V

Татьяна испытывала непередаваемое блаженство, нежась под «шапкой» пены в горячей ванне, похожей на большую белоснежную ракушку. Все эти дни её телу так не хватало обыкновенной воды. Она совершенно не тешила себя иллюзиями насчёт благих намерений Мердины и Дьюола, но если появилась возможность немного передохнуть, почему бы ей не воспользоваться. Расслабившись от удовольствия, она чуть было не заснула, но тут сработал внутренний будильник. Ей не хотелось опаздывать на званый ужин, обещавший интересные открытия или, по крайней мере, некоторые ответы на её вопросы. Татьяна подсушила феном волосы и заглянула в гардероб. В нём оказалась одежда на все вкусы, как раз её размера, видимо, и здесь не обошлось без участия Мердины. Она настойчиво рекомендовала девушке не стесняться в своём выборе, чтобы выглядеть подобающе, как настоящей леди. Татьяна решила последовать её совету, выбрав очень элегантное вечернее платье. Немного косметики и она уже была готова предстать перед живыми персонажами её книги.

Спустившись в сопровождении слуги на первый этаж, она вошла в обеденный зал, освещённый интимным светом светильников и восковых свечей. В зале её уже ожидали трое – Мердина, Дьюол и Полянский. Мужчины были в строгих

смокингах, а Мердина в открытом вечернем платье, подчеркнуто облегавшем соблазнительные формы её тела. Первый сюрприз Татьяна оценила, но чувствовала, что это только начало. Увидев Татьяну, Валера поспешил ей на встречу и, приблизившись, взял девушку за руку:

– Танюша, я так рад тебя видеть, я так тебя ждал...

С трудом сдерживая радость, Татьяна поглядела ему в глаза:

– Валерочка, я тоже рада тебе. Как ты себя чувствуешь?

– У меня всё нормально, Таня. А ты прекрасно выглядишь...

– Спасибо.

Татьяна не сомневалась, что перед ней стоял Полянский, двойника, она бы сразу распознала, но что-то в нём было не так. Она решила повнимательнее присмотреться к нему за ужином. Придерживая Татьяну за локоть, Валера галантно проводил её к столу, усадил напротив улыбающейся Мердины и присел рядом. Дьюол же молча кивнул девушке и уставился на неё своим немигающим взглядом.

– Я рада видеть вас, друзья мои, за этим столом, надеюсь, мы с пользой скоротаем этот чудный вечерок! – с торжественной улыбкой объявила Мердина. – А теперь слово передаю нашему дорогому хозяину, он прямо-таки рвётся сказать что-то важное.

По лицу Дьюола не угадывалось, что он рвался что-то сказать, но отказать Мердине он не мог. Предварительно каш-

лянув, он начал:

– Девочка... ты уж не сердись на меня, зол я был на тебя, очень зол, вот и не сдержался... но теперь я знаю, что ты не лгала и тебе можно доверять. Правда, мы не нашли копию файла, кто-то его стёр, но это не твоя вина. Кстати, ты не знаешь, кто это мог быть?

– Понятия не имею, – пожала плечами Татьяна.

– Ну да ладно, рукопись сохранена в твоей умной головке, так что восстановим, восстановим потихоньку совместными усилиями. А в качестве компенсации за твои лишения мы решили помочь тебе с изданием книги, и это ещё не всё... мы можем сделать тебя известной на весь мир, для нас это не проблема. Поверь, твои труды стоят того и твоя слава ещё впереди. Ты бы хотела этого?

– Конечно... любой писатель об этом мечтает. Только у всего есть своя цена, так ведь? – включилась в игру Татьяна.

– Вот это уже деловой разговор, – довольно произнёс Дьюол.

– Всё, всё, хватит о делах, завтра о них поговорим, а теперь преступим к ужину, – вмешалась в разговор Мердина.

Слуги, как по команде начали разносить всевозможные блюда и разливать вино в серебряные бокалы.

– Да, чуть не забыла, – вдруг спохватилась Мердина, – у нас же с милым Дьюолом сегодня небольшое торжество, можно сказать – помолвка... так что, гости дорогие, вы при-

сутствуете при знаменательном событии и это нужно отметить.

Татьяне показалось, что для самого Дьюола, объявление Мердины стало полной неожиданностью, но он быстро нашёлся:

– Эх, как же я долго этого ждал и вот, наконец, дождался... Мердина, дорогая, позволь мне поднять бокал за наш будущий союз и за твою обворожительную красоту.

– Позволяю, милый. Полагаю, и наши гости нас в этом поддержат.

После некоторого замешательства сначала Татьяна, а потом Валера поздравили виновников торжества. А что им ещё оставалось в такой ситуации? От выпитого вина у Татьяны закружилась голова, сказывалось недельное голодание, но она не спешила навёрстывать упущенное в еде, хотя её обилие и вкусные запахи стали непрым искушением. Валера больше молчал или немногословно отвечал в основном на её вопросы, видно было, что он чувствовал себя не в своей тарелке.

– А ты молодец, Татьяна, держалась как настоящий воин, уважаю, – впервые назвал её по имени Дьюол. – Не думал, что ты выдержишь, не думал.

– Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее. Вы преподали мне ещё один урок, Дьюол, и я его хорошо усвоила. Дьюол, а что за странные крики я слышала в подземелье? На человеческие они не похожи...

– Так, один не очень удачный эксперимент, не бери в голову. И что же ты, девочка, усвоила из моего урока?

– Я скажу, но чуть позже, когда всё осмыслю. А сейчас я хочу танцевать.

– И я хочу! – поддержала её Мердина, хлопнув три раза в ладоши. После чего по залу разлилась красивая медленная музыка.

– Кавалеры приглашают дам или наоборот! – игриво рассмеялась она.

Татьяна тут же потянула за собой Полянского к затемнённомому месту в зале.

Видя его нерешительность, она положила свои руки ему на плечи:

– Валера, не стой истуканом, ты уже можешь обнять меня за талию, мы же пришли танцевать.

– Да, конечно, Танюша, извини.

– Валера, ты по семье не соскучился? – без церемоний спросила Татьяна.

– По семье? Ну-у, есть немного... Ты знаешь, я решил здесь немного задержаться, Дьюол предоставил мне такие условия для работы, выбирай любую натуру, всё что захочешь. Представляешь, Тань, даже «Маски» у меня в мастерской! Нет, я задержусь здесь ещё на какое-то время.

– Но Света же беспокоится, и Игорёк тебя ждёт. Ты не думал об этом?

– Да как-то нет... я больше всё о работе, знаешь, затяги-

вает. У меня грандиозные планы, Танюша, Дьюол пообещал мне выставки в лучших галереях мира. Я ему верю, для него и Мердины нет ничего невозможного. Уж поверь мне.

– Верю, верю, Валера, – задумчиво произнесла девушка, понимая, что с её другом была проведена определённая работа, он явно находился под контролем Дьюола.

Она могла бы, наверно, попробовать что-то сделать для него, но пока не стала.

– Тань, да ты не переживай за моих, я звонил им, Дьюол разрешил. Сказал, что жив, здоров, что вернусь, когда закончу одно дело.

– И Света поверила?

– Как же! Опять решила, что я с тобой куда-то махнул. Ты же вскоре за мной исчезла. Тань, а что ты так печёшься о ней? Она же обманывала тебя, и на Вадика тебя вешала не просто так... Вот же дура! Я раньше молчал, а теперь не хочу, противно.

– Ну, её можно понять, она же за семью боролась.

– Значит, знаешь уже. Сама догадалась?

– Нет, Света рассказала. Валера, она очень переживает и раскаивается.

– Ага, как же... Всё, Тань, давай закроем эту тему.

– Хорошо, не будем, – согласилась девушка, видя состояние Полянского.

Когда они вернулись за стол, Татьяна обратилась к Дьюолу:

– У вас очень красивое поместье, Дьюол. Интересно кому оно принадлежало раньше?

– Усадьба изначально принадлежала мне и строилась по моему проекту, я почитаю больше века прожил в ней, правда, под разными именами. Ну, а потом в России свершилась революция, и моё детище перешло государству. Но сейчас всё изменилось и я снова здесь.

– Как такое возможно? Вы хотите сказать, что владели этой усадьбой ещё в девятнадцатом веке? – не поверила Татьяна.

– Что невозможно для смертных, возможно для нас, – с некоторым пафосом ответил Дьюол.

Только он договорил, к разговору подключилась Мердина:

– Милая Танечка, а чему ты, собственно, удивляешься? Ты ведь такая же, как и мы. Помнишь, я тебе уже намекала об этом?

– Помню, только я так ничего и не поняла.

– Ну и не забивай пока этим свою прекрасную головку, вернёмся к разговору позже, когда поймёшь, что созрела. А сейчас у нас есть другие приятные обязанности, мы должны развлекаться!

– Тань, о чём это они? – шепнул ей на ухо Полянский.

– Сама не знаю, Валера.

Татьяна понимала, что её «добрые друзья» сменили тактику, верней всего, по настоянию Мердины и пыталась просчи-

тать их дальнейшие шаги. Но для более – менее ясной картины ей не хватало самого главного мазка – информации о целях её новых знакомых. Да и белые пятна в ней самой только добавляли тумана неопределённости. Единственное, что оставалось Татьяне, как можно больше выведать информации и хотя бы одного из них вызвать на откровенность. Она задумала любой ценой заставить их раскрыть все свои карты, а для этого нужно было играть самой, скрывая свои настоящие помыслы, девушка подозревала, что её оппоненты очень искусные психологи человеческих душ. Татьяна ещё не знала, как у неё получится, но иного выхода не видела, прекрасно понимая, что её не отпустят до тех пор, пока не вытянут из неё всё, что им нужно. У девушки накопилось уже много вопросов к Мердине и Дьюолу, однако она решила с этим не спешить, посчитав, что спокойная естественная атмосфера сегодняшнего вечера может стать тем самым мостиком для будущих откровений.

Дьюол оказался хорошим знатоком истории прошлых веков и довольно искусным рассказчиком. Татьяне было интересно его слушать, время от времени она задавала интересные её вопросы и видела, что Дьюол охотно отвечает на них. Наблюдая за своими собеседниками, Татьяна всё же нашла слабое место у Дьюола, вначале она решила, что их помолвка обычная бутафория, разыгранная для неё сценка, но сейчас уже думала иначе. Дьюол, действительно, был серьёзно увлечён Мердиной и делал всё, чтобы понравиться ей. Да-

же несвойственное ему красноречие являлось тому подтверждением, ведь для одобрения он не раз бросал откровенные взгляды на свою возлюбленную. И, похоже, Мердина отвечала ему взаимностью. Татьяна до сих пор не знала, кто они на самом деле, хотя и догадывалась, что в шкафах их прошлого завалились целые груды безобразных скелетов. Но в ней не было к ним ненависти, даже несмотря на причинённые ей страдания, она просто хотела понять, что движет этими людьми, что мотивирует их поступки. Определённый оптимизм Татьяне внушали их взаимные чувства, если эти чувства ещё могли проявляться в своих лучших качествах, то у неё был шанс достучаться до их сердец.

Разошлись они уже поздней ночью. Перед этим Татьяна поблагодарила хозяев за прекрасный вечер и приняла приглашение Дьюола погостить некоторое время в усадьбе. В обмен на добровольное согласие девушки, ей позволили свободно передвигаться по всей территории усадьбы, естественно, под незримым присмотром людей Дьюола. Но это условие, несомненно, было лучше, чем заключение в холодной камере подземелья.

Валера проводил Татьяну до дверей её комнаты и, пожелав спокойной ночи, отправился к себе. Как пояснил сам Полянский, его поселили во флигельке за садом, примыкавшем к художественной мастерской, которую в полное его распоряжение предоставил Дьюол. Сами же хозяева чуть позже поднялись на третий этаж. Татьяна смогла прослушать их

шаги и даже обрывки разговора. Оказалось, что апартаменты Мердины размещались как раз над комнатами Татьяны, и девушка попыталась настроиться на вибрации голосов, звучащих этажом выше. Она не только услышала их, но и увидела. Они сидели рядом на диване и вели беседу...

– И как тебе показалась наша милая пленница? – спросила Мердина.

– Трудно что-то пока сказать... во всяком случае, враждебности я в ней не заметил, да и страха тоже, хотя лиха онахватила.

– Да, наша птичка настрадалась, теперь её нужно приласкать, почистить ей пёрышки и приблизить, возможно, тогда мы услышим её истинный голосок. С ровней ведь легче договориться.

– Ты по-прежнему так думаешь?

– Да, Дьюол, не всё можно выпытать страхом, он сжимает сердце и отупляет ум ... нет, для этого дела нам нужен трезвый и добровольный помощник.

– Может, ты и права, Мердина, может... я и сам понимаю, что мои грубые методы не всегда действуют, к тому же – она не совсем человек... Увы, не всё можно взять силой.

– Ты имеешь в виду и меня? – кокетливо заявила женщина.

– Тебя в первую очередь, дорогая Мердина.

– Дьюол, а ты всё больше и больше нравишься мне, в тебе столько ещё непознанного, столько возбуждающего мои

чувства... Мой милый Дьюол, ты же хочешь меня? Я знаю, хочешь...

– Мердина, мне уже невыносимо сдерживать себя... когда ты рядом я просто схожу сума от желания.

– И чего же ты ждёшь, глупый? – томно произнесла Мердина, обвив его шею руками. – Я твоя, теперь тебе можно всё... Ты слышишь?

– Да, – почти прошептал он, отвечая на её нежный поцелуй.

– Так возьми меня, милый... выпей меня целиком, до дна...

Татьяна услышала всё что хотела и когда они стали срывать друг с друга одежды, ослабила концентрацию. Вздыхнув, она прямо в платье прилегла на диван, надеясь хотя бы на минуту – другую забыться от всего. Но у неё не получилось, картинка происходящего наверху никак не исчезала, не стиралась. Бушевавшие этажом выше любовные страсти всё сильнее затягивали девушку в свои пленительные сети. Всё происходившее в комнате Мердины, словно отражалось внутри самой Татьяны. Она будто слилась с их неутолимыми желаниями, остро ощущая жар их ненасытных объятий, каждый их поцелуй и каждый стон. Отпущенные на свободу чувства этих двоих неумолимой сладостной дрожью отдавались в каждой клеточке возбуждённого тела девушки. В ней всё сильнее и сильнее полыхал огонь этой безумной страсти, и она не могла ему противиться. Татьяне казалось, что

внутри неё рухнула какая-то перегородка, до сих пор удерживавшая под запретом нерастраченный огонь её женского естества. Лишь только под утро, совершенно обессиленная и выжатая этой сладостной мукой, она забралась в мягкую постель и крепко заснула.

Татьяне дали выспаться, и пригласили к завтраку уже ближе к двенадцати часам. Девушка ещё раз смогла убедиться, что все её действия контролируются незримым оком, но это обстоятельство почему-то не очень её смущало. Завтракала она вдвоём с Мердиной в том же самом зале, Дьюол куда-то отлучился по делам и обещал быть только к вечеру.

– Ну как спалось на новом месте, милая? – сразу поинтересовалась Мердина.

– Спала как младенец! – отрапортовала Татьяна. – И есть так хочется.

– Рада, рада за тебя. Надеюсь, что все твои беды позади. Ты кушай, Танечка, не стесняйся.

По довольному лицу Мердины было видно, что прошедшая ночь доставила ей немало удовольствий. Татьяна решила воспользоваться её настроением, чтобы немного прояснить ситуацию:

– Мердина, вы извините за мою бестактность, но я вчера весь вечер наблюдала за вами и Дьюолом... вы знаете, он так глядел на вас, так ловил каждое ваше слово, в его глазах я увидела настоящее чувство... мне стыдно об этом говорить, но я даже позавидовала вам...

– Да? Мне приятно это слышать. Неужели так было заметно? – польщённо отреагировала Мердина.

– Ещё как!

– Танечка, хватит уже выкать, подругам это не к лицу. Согласна?

– Конечно, Мердина, я не против. А если не секрет – когда ваша свадьба?

– Ну, до этого ещё далеко. Прежде нам нужно завершить некоторые дела, а уж потом...

– Эти дела как-то связаны с моей книгой? – поинтересовалась Татьяна.

– Отчасти да. И, кстати, Дьюол ведь не шутил, предлагая тебе наши услуги по её изданию и продвижению, всё остаётся в силе. Танечка, если мы начнём лучше понимать друг друга, то твоё будущее может стать воистину золотым.

– А я и не стану отказываться. Мердина, я должна восстановить книгу, ведь так?

– Танечка, я буду с тобой предельно откровенной, большая часть книги у нас уже есть, её скопировали с твоего компьютера ещё раньше, но вот с концовкой и некоторыми частями у нас возникли проблемы. Тогда в лаборатории твою память сканировали специалисты и не нашли в ней нескольких глав, к тому же в некоторых главах возникли пробелы. Ты в последние дни что-то меняла?

– Да, кое-какие изменения я внесла, – призналась Татьяна. – А что это так для вас важно?

– Возможно, возможно... Нам бы хотелось увидеть весь сюжет твоей книги с изменениями и сравнить с первоначальным вариантом.

– И что же такого особенного в моей книге, Мердина?

– Я не могу тебе пока всего сказать, этой тайной я связана с другими... но поверь, очень скоро ты всё узнаешь. Ты даже не догадываешься – насколько ценна твоя книга, это не просто какой-то там бестселлер, в ней проглядываются очень важные знаки не только для меня или Дьюола, но и для тебя. Но повторяюсь, всё узнаешь чуть позже. Ты бы смогла дословно вспомнить все изменения, ну, естественно, и последние главы тоже?

– В принципе, можно попробовать. Мне нужно немного покопаться в себе... ну, чтобы настроиться на ощущения тех дней... думаю, что смогу, если будут нормальные условия и тишина.

– По этому поводу не беспокойся, ты получишь всё, что пожелаешь, лишь бы дело не стояло на месте. А теперь, милая, мне пора, увидимся позже.

Мердина встала из-за стола, и уже было направилась к выходу, но вдруг передумала и зашла за спину сидящей девушки. Татьяна почувствовала, как руки Мердины опустились на её плечи и легонько сжали их.

– Я очень, очень хочу, чтобы между нами не было тайн, милая. Никаких тайн, – раздался её горячий шёпот у самого уха Татьяны.

После её слов Татьяну буквально обожгло ощущениями прошлой ночи. Вибрирующая тёплая волна докатилась до низа её живота, и внутри него что-то ожило, запульсировало таким волнительным и желанным.

В глазах Мердины блеснули озорные огоньки:

– Я оставляю тебя, милая, не скучай, усадьба в твоём распоряжении, гуляй, набирайся сил, а если что понадобится, обращайся к Сигурду, он поможет.

После того как она ушла, Татьяна ещё несколько минут не могла прийти в себя, а потом со смешанным чувством отправилась в мастерскую Полянского. Но тот был занят работой с хорошенькой полуобнажённой натурщицей. Несмотря на приветливую улыбку, в голосе Валеры ощущались раздражительные нотки, вероятно, неожиданное появление Татьяны не входило в его рабочие планы. Девушка не стала ему мешать, пообещав зайти попозже. Она прекрасно понимала, что происходит с Полянским, однако её женское самолюбие всё же было задето. Чтобы не расшевеливать в себе ещё и чувство ревности, Татьяна решила воспользоваться советом Мердины и отправилась на прогулку. Сразу несколько незримых сопровождающих увязались за ней следом. Они двигались на некотором расстоянии, охватывая разные сектора вокруг девушки, чтобы исключить возможность её контактов. Татьяна сделала вид, что не замечает их, и вообще, старалась вести себя как можно естественнее. Вымощенная камнем дорожка вывела её прямо к переброшенному через

пруд мостику. В воздухе уже чувствовалось дыхание лёгкого ноябрьского морозца, и даже потемневшие воды покрылись тоненькой корочкой льда. Татьяна прошла по мостику на тот берег и направилась к причудливым разлапистым соснам, одна из которых особенно бросилась ей в глаза. Она подошла к заинтересовавшему её дереву, чем-то напоявшему два огромных сросшихся гриба и дотронулась рукой до его мощного морщинистого ствола. Странное ощущение чего-то вязкого и живого заставило её одёрнуть руку. Татьяна расфокусировала зрение и невольно вздрогнула, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд из дерева. Но буквально через секунду – другую это ощущение прошло, как будто ничего и не было. Однако незримую свиту заинтересовало непонятное поведение девушки и вокруг дерева тут же сжалось кольцо из колючей энергии. Татьяна хотела отступить назад, но не смогла, вскрикнув от боли, пронзившей её тело тысячами тончайших наэлектризованных иголочек. Ощущение было настолько болезненным и неприятным, что девушка даже закусил губу. Но через минуту жёсткая хватка ослабла, напоминая о себе лишь лёгким покалыванием в позвоночнике и мышцах. Видимо, её охрана успела просканировать подозрительный участок возле дерева и не найдя опасности, позволила ей продолжить прогулку. Татьяна уже не верила в случайности и решила всё хорошенько обдумать, чтобы повторить попытку контакта с неизвестным существом. Главной проблемой оставались её соглядатаи, в

профессионализме которых она смогла убедиться. Ей во что бы то ни стало нужно было раздвинуть границы своего жизненного пространства, а ещё лучше заручиться полным доверием хозяев усадьбы. Татьяне предстояло найти какой-то хитрый ход, чтобы заставить хозяев играть по её правилам, ей нужна была хотя бы временная инициатива в игре. Идея возникла мимолетно. И хотя девушка пока не знала, какую пользу может из неё извлечь, идея ей пришлась по вкусу. Татьяна резко развернулась и решительным шагом направилась к мастерской Полянского. За время её отсутствия обстановка там отчасти изменилась, Валера был так же прикован к мольберту с полотном, а уже полностью обнажённая девица возлежала на кожаном диване, с охотой демонстрируя свои аппетитные формы. Теперь у Татьяны не возникало сомнений насчёт этой женщины, чужих здесь просто не могло быть. Она подошла к натурщице и демонстративно швырнула в неё попавшуюся под руку одежду.

– Одевайся и вон отсюда! – резко сказала она, пронзив женщину взглядом.

– А ты кто такая, чтобы мне указывать? – насмешливо заявила та.

– Тань, ты что творишь, я же работаю! – возмущённым голосом отметил Полянский.

– Всё, работа закончена, Валера! Если она сейчас не уйдёт, я всё здесь разнесу, вот увидишь! – перешла на высокие тона девушка и буквально обожгла взглядом уже сидевшую

натурщицу:

– Ты ещё здесь?! Убирайся, не зли меня!

Не стесняясь свой наготы, обнажённая женщина встала во весь рост. В её глазах горел злой огонёк, не предвещавший Татьяне ничего хорошего. В мгновение ока из смазливой девицы она превратилась в опасное существо со змеиной хваткой. Но Татьяна не дрогнула, не отводя взгляда, она заострила свой психический луч, пытаясь нащупать слабые стороны в защите противницы. Взаимное давление росло, пространство вокруг них уже буквально кипело от напряжения. Неизвестно во что бы вылилось это противостояние, но разрядку внёс истошный крик Полянского: – Хватит, прекратите, мне больно!

В следующую секунду на пороге мастерской появился Сигурд. Татьяне даже показалось, что он специально подждал за дверью, следя за развязкой конфликта.

Указав жестом натурщице на выход, Сигурд вопросительно поглядел на Татьяну:

– Что случилось?

Проводив насмешливым взглядом женщину, Татьяна спокойно произнесла:

– Так, ничего, мне просто стало скучно... а мой друг всё с этой, даже прогуляться не с кем.

– Хорошо, он в вашем распоряжении, можете гулять. Но об этом инциденте я доложу Хозяину, – бесстрастно проговорил Сигурд.

– Да ради Бога, – отмахнулась Татьяна. – Сигурд, а вы не в курсе, когда он возвращается?

– Хозяин будет к ужину, миледи раньше, – ответил тот и сразу же вышел из мастерской.

– Таня... Таня, что это было? – с трудом выдавил Полянский. – Моя голова... она на куски... на куски разрывается...

– Всё хорошо, Валерочка, тебе надо отдохнуть и всё пройдёт, пойдём, я тебя провожу в твою комнату, – заботливо проворковала девушка, взяв под руку своего друга.

Со стонами и недовольством Полянского они добрались до его флигелька. В комнате Татьяна заботливо уложила мужчину на диван и накрыла одеялом.

– Поспи, Валерочка, проснёшься – всё будет хорошо, я с тобой, – по-матерински сказала она, ласково погладив его по голове.

Полянский как-то виновато улыбнулся, зевнул и перед тем, как закрыть глаза, сонно произнёс:

– Тань... посиди со мной...

– Я с тобой, мой хороший, спи.

Услышав ровное дыхание Полянского, девушка поправила одеяло и направилась обратно в мастерскую.

«Что ж, первый раунд мы выиграла, эта змея удалена, и связь между ними разорвана. А Сигурд не стал вмешиваться, видимо, ждёт указаний от Дьюола... Ну и пусть ждёт, а мы пока обмозгуем следующий наш шажок... Где же «Маски» Валеры?» – думала девушка, обшаривая глазами мастер-

скую.

В самом углу помещения за ширмой она обнаружила два полотна, накрытых серой материей. Татьяна обрадовалась, найдя то, что искала, на неё вновь глядели знакомые персонажи, часть из которых ей уже довелось увидеть наяву либо в своих видениях. Рассматривая полотно, она уже не в первый раз пыталась найти связь между картиной и её книгой, вернее, даже не саму связь, а причину всего этого ажиотажа, в центре которого она оказалась не по воле случая. В этом девушка уже не сомневалась. Но пробелов в её знаниях было настолько много, что тайное никак не хотело являть себя. Она до сих пор не могла решить, что будет делать дальше, вариантов оказалось немного – идти ва-банк, вызвав на откровенность Мердину, чтобы форсировать события, вариант с Дьюолом она пока не рассматривала, или затаиться и по крупицам собирать нужную информацию. Но сердце подсказывало, что времени у неё не так много. Её размышления прервал знакомый женский голос:

– А я неплохо вписываюсь в сюжет этой картины. Не находишь, милая? Погляди-ка, это я рядышком со святым отцом.

– Да, сходство есть, – обернулась Татьяна.

– Bravo, bravo художнику! Это поистине уникальная работа, не видя лиц прототипов – так точно их передать... Танечка, твой друг просто гений! – воскликнула Мердина, подходя вплотную к девушке.

– Значит, ты признаёшь в той женщине себя? – скорее для

проформы спросила Татьяна.

– Без всяких сомнений! И я даже знаю, кто мне составил компанию, – развеселилась Мердина. – Я готова поделиться с тобой, милая, но, чур – откровение за откровение. Ты же сама этого хотела...

Сейчас Татьяна окончательно поняла, что её слушают, слушают каждую её мысль, улавливают каждое движение её чувств и ей стало не по себе. Но она быстро взяла себя в руки и мысленно поклялась больше не давать им пищи для размышлений, и всё самое сокровенное решила прятать поглубже.

– Так каков же твой ответ? Если уж сделала шаг, то делай и следующий. Ты же не зря устроила всю эту самодеятельность, я в курсе, мне доложили в подробностях, – напирала на девушку Мердина. – Если хочешь вернуть своего художника, то постарайся, сделай что-то для этого... Хотя, я догадываюсь, что не только он твоя цель. А тебе не кажется, милая, что наши цели в чём-то могут совпадать? Так давай раскроем свои карты, поделимся информацией и получим то, что нужно тебе и нам.

Мердина опередила её, опередила благодаря своей осведомлённости, Татьяна прекрасно понимала, что у оппонентки на руках почти все козыри. Та, безусловно, знала больше неё, значительно больше, поэтому обмен не казался девушке равноценным. Но выхода уже не было, и Татьяна решила извлечь максимальную выгоду из сделки.

– Ладно, Мердина, я готова посекретничать с тобой, только у меня есть условия, – наконец решилась Татьяна.

– Чем сможем, поможем, – усмехнулась женщина, – только не зарывайся, Танечка, знай меру.

– Для начала прекратите зомбировать Полянского, мне надоело общаться с роботом... и ещё, я устала от своей свиты, мне тесно и душно в их обществе. Ну, куда я убегу отсюда, куда?!

– Считай, что с художником вопрос решён положительно, а насчёт твоей свиты... хорошо, подумаем, как облегчить твою жизнь, – не замедлила с ответом Мердина. – Это всё?

– Нет, Мердина... если ты рассчитываешь на плодотворное сотрудничество, то я должна знать всё, что известно вам, иначе мы будем играть в испорченный телефон...

– Испорченный телефон? – переспросила Мердина. – Помню, это такая детская игра. И что же общего в ней с нашими секретами?

– А я объясню... когда один из партнёров обделён информацией, то ему приходится гадать и выдавать желаемое за действительное. Согласись, Мердина, такой путь может привести в никуда. Другое дело, когда обе стороны полностью владеют информацией и знают конечную цель, в таком случае мотивации станет намного больше и цель ближе. Вот поэтому я и хочу быть сознательным участником сделки... Да и вы из этого извлечёте больше пользы, подумай-ка сама. Считай, что это моё главное условие.

С еле уловимой усмешкой Мердина потянулась своим красивым телом, словно брала небольшую паузу для обдумывания и только после этого произнесла:

– А ты, Танечка, меняешься прямо на глазах... Но это меня даже радует, мне приятней с тобой общаться на равных. Что ж, в твоих словах есть резон, есть... мы обдумаем твоё предложение, ответ получишь завтра. Устраивает?

– Пока да, а завтра видно будет.

– Ну вот и хорошо, – улыбнулась Мердина, беря Татьяну под руку и увлекая за собой во двор. – Не проголодалась ещё?

– Нет, я не голодна.

– Тогда, я провожу тебя в библиотеку, это сакральное убежище нашего Дьюола, можно сказать – его святыня. Но он как радушный хозяин позволил тебе поработать там, так что – цени.

– Уже ценю... так неожиданно, – ответила Татьяна, явно проявляя интерес к предложению Мердины.

Как добрые подружки под ручку – они прошли до дома Дьюола и лифтом поднялись на третий этаж.

В библиотеке, действительно, витал дух чего-то таинственного и потустороннего. Без сомнений долгие часы пребывания хозяина, тем паче такого необычного – волей неволей оставили здесь свой незримый, но осязаемый след. Да и сама обстановка была подстать: причудливая мебель в стиле барокко, многоярусные под самый потолок стеллажи с

редкими старинными книгами, которым не было счёту. Даже современный резной столик, где лежал ноутбук Татьяны – казался своим в безмолвном окружении таинства старины.

– Это и есть святыня Дьюола, знакомься, обживайся, файл с твоей книгой уже в компьютере. Посиди, подумай, всё, что вспомнишь, можешь пометить на отдельном файле. Мешать тебе никто не будет, – по-хозяйски распорядилась Мердина. – А мне нужно отлучиться на пару часиков, дела. Встретимся за ужином. Не скучай, Танечка.

– Мердина, а что там, за стеллажами? – полюбопытствовала Татьяна.

– За стеллажами кабинет Дьюола, только я не знаю, как он входит туда, там есть какая-то потайная дверь. Только ты не ищи её, милая, он не любит, когда без спросу нарушают границы его территории. А в гневе он очень опасен, даже я побаиваюсь его.

– Спасибо, Мердина, я учту это.

Когда за женщиной закрылась дверь, Татьяна с облегчением плюхнулась на кожаное кресло напротив столика с ноутбуком. Ей незачем было копаться в памяти и делать пометки, она и так всё помнила на зубок. Однако, чтобы не вызывать подозрения открыла новый файл в компьютере и сделала несколько записей – не так чтобы далёких от правды, а где-то вокруг неё. Закончив работу, она с чувством выполненного долга решила осмотреться в библиотеке. Естественно, кабинет Дьюола вызывал у неё повышенный интерес, но

и книжное царство тоже разжигало любопытство, ведь здесь могли находиться редчайшие экземпляры книг. Ряд за рядом Татьяна обходила книжные стеллажи, с интересом вглядываясь в названия книг, возле некоторых она задерживалась дольше, брала их в руки и листала. Большинство книг было написано на иностранных языках, некоторые на очень древних языках, о которых девушка раньше не имела ни малейшего представления. Но сейчас что-то изменилось внутри неё, она будто видела самую суть интересующей её книги, видела насквозь от корочки до корочки и знала о чём она. Подивившись своим новым способностям, Татьяна решила взять их на вооружение при общении с той же Мердиной или Дьюолом.

«А почему бы и нет? Чем отличается живой источник от книжного? Нужно просто настроиться на их мысленную волну и попробовать считать информацию», – подумала про себя девушка, закрыв эту мысль поверхностным фоном.

Как-то незаметно она оказалась возле последнего стеллажа, непосредственно примыкавшего к дальней стене, где, как раз и находился кабинет Дьюола. Там она обнаружила странный аппарат с площадкой для ног и поручнями, Татьяна сразу же смекнула, что это автоматический подъёмник для извлечения книг с верхних полок. Проигнорировав предостережения Мердины, девушка стала искать то, что могло служить механизмом для открытия двери, в детективных фильмах и литературе такими рычажками обычно служили все-

возможные предметы: статуэтки, картины и даже книги. Татьяна прикинула рост Дьюола и на уровне его рук принялась осматривать стеллажи, одна книга показалась ей более потёртой, чем остальные. Девушка попыталась вытащить её, но у неё не получилось, тогда она толкнула книгу от себя и та поддалась. В следующую секунду внутри стеллажа что-то щёлкнуло, заурчало, и он медленно стал поворачиваться... Татьяна стояла перед потайной дверью и не знала, на что решиться. Её немного пугали последствия своего безрассудного шага, однако любопытство всё же пересилило. Дверь в комнату оказалась открытой, она сделала несколько шагов и замерла, стараясь разглядеть обстановку кабинета, но внутри висела такая непроницаемая темнота, что предметы походили на бесформенные тени. Даже её внутреннее видение сейчас не помогало. Рука девушки инстинктивно потянулась к стене в надежде нащупать выключатель, и в этот момент она почувствовала странный резкий запах, в следующую секунду пол буквально провалился под ней...

Очнулась Татьяна уже в тёмном тоннеле, она лежала на каменном полу, ежась от холода. Вспомнив недавний опыт в камере, девушка смогла унять дрожь и стала усиленно воображать, что с ней произошло. Однако память обрывалась на том самом месте в кабинете Дьюола в момент падения.

«Чёрт, угораздило же меня, надо выбираться отсюда... Так, в какую же сторону идти? Хоть глаза выколи», – мелькали в её голове мысли.

Татьяна пошла вперёд, но вскоре уткнулась в тупиковую стену, других вариантов не осталось, пришлось возвращаться назад. Осторожно продвигаясь по тёмному тоннелю, она оглядывалась по сторонам, в надежде отыскать хоть какое-нибудь ответвление, но каменные стены были непроницаемы. Внезапно Татьяна остановилась, ей послышался какой-то странный звук, похожий на стон, он доносился из самого конца тоннеля, где совсем недавно она зашла в тупик. Девушка напрягла слух, до боли в глазах всматриваясь в темноту, и вдруг увидела, как вдалеке сверкнули два продолговатых жёлтых пятнышка. Первые сомнения насчёт их происхождения быстро исчезли, она уже была почти уверена, что это зрачки какого-то животного. Тот час же каменные стены тоннеля буквально содрогнулись от жуткого рёва, и что-то огромное быстрыми прыжками стало приближаться к ней. В голове Татьяны вспыхнула картинка недавнего знакомства с этим страшным существом, и она просто оцепенела от ужаса. Но такое состояние длилось всего несколько секунд, пересилив страх, она со всех ног бросилась бежать. Выхода всё не было видно, а её преследователь уже дышал в спину, ему оставалось совсем немного, чтобы вцепится в свою жертву. Татьяна бежала из последних сил, сжав зубы, на одной лишь воле борясь за свою жизнь. И вдруг совсем недалеко впереди девушка увидела полуоткрытую дверь, тонкая полоска света неудержимо манила её спасением, но в этот момент она наткнулась на что-то под ногами и кубарем покатилась вперёд.

От бессилия, боли и злости из её глаз брызнули слёзы. Ей не хватило всего чуть-чуть, всего нескольких шагов... Нагнавшее девушку существо уже нависло над ней своей чудовищной животной силой, и уже готово было раздавить, растерзать её. Татьяна не кричала, не звала на помощь, а просто зажмурила глаза, ожидая самого страшного. Мгновения слились с гулкими ударами её сердца, но ничего не происходило. Внезапно дверь распахнулась и в проёме появилась высокая человеческая фигура.

– Стой! Оставь её! Ты сделал своё дело, возвращайся к себе, – громогласным, не терпящим возражения голосом сказал Дьюол.

Тоннель вновь содрогнулся от страшного рёва. Жуткое существо подчинилось и быстрыми прыжками унеслось во тьму. С трудом переведя дух, Татьяна только сейчас поняла, что спасена.

– Тебя же предупреждали не лезть, куда не следует! – раздражённо бросил Дьюол. – Ты такая любопытная по жизни или просто дура? В следующий раз я отдам тебя ему, отдам со всеми потрохами! Это последнее предупреждение! Ты поняла?!

– Как не понять... урок наглядный, пронял меня до мозга костей, – усмехнулась Татьяна. – А это и есть ваше хвалёное гостеприимство, Дьюол?

– Сама виновата, – буркнул тот и буквально пробуравил девушку взглядом:

– А ты быстро отошла, и паники почти не было, действительно меняешься.

– Учителя хорошие, – не осталась в долгу Татьяна.

– Всё, хватит дерзить, на выход! Завтра поговорим, – поставил точку мужчина.

На своём аппарате Дьюол быстро домчал девушку до основной тоннельной развилки, где усадил в лифт и при этом не проронил ни слова. Татьяна не настаивала, ей и самой сейчас было не до разговоров. Отправив девушку наверх, Дьюол остался в подземелье по своим делам.

Оказавшись в своей комнате, Татьяна схватила куртку и выбежала во двор усадьбы, после своих злоключений ей необходимо было побыть одной и просто подышать свежим воздухом. На улице уже смеркалось, лёгкий морозный ветерок щекотал её щёки, но она даже не замечала этого. Возле самого мостика только что пережитое вновь нахлынуло на девушку, и она не смогла сдержать слёз. А ноги сами продолжали нести её прямо к тому причудливому дереву. Погладив рукой его шершавую кору, она снова почувствовала на себе всё тот же пронизательный взгляд и услышала внутри себя чей-то голос:

– Притворись, что не чувствуешь меня, девонька, лишь вникай. Не думай, не узрят эти нас. Я с вестью от друга твоего, того самого, кто заступником твоим был. Душа – это цветок, девочка моя, прекрасный таинственный цветок, и только от тебя самой зависит, чтобы он расцвёл во всей своей красе.

Чую, по нраву тебе духовы слова, знать – верным паролем будут. Сам он пока не мог, зорко зрят за ним, но всему свой час. Доверься ему, девонька, не прогадаешь. Ты на верной тропке, этим не перечь явно, покладистостью купи их доверие, а думки свои тайные прячь в норку тёмную, тогда не отнимут, и вникай во всё, да не обманись чуйкой. А что творить далее – он подскажет, слушай сердечко. Видаться будем тут же, коль надобность будет, думкой укажи пароль и я явлюсь. До будущего.

Когда добрый незнакомец исчез, Татьяна обняла дерево и минуту – другую простояла, прижавшись к нему. Она просто не хотела, чтобы её радость увидел кто-то ещё. Теперь она была не одна, о ней не забыли, её поддерживали.

Тайна Двуликих Врат

Сильный рукав уводил вправо реку –
Лунной дорожкой, к другим берегам...

Точно приметив последнюю вежу –
Там, где судьба не подвластна рукам.

I

Урсан ожидал своего друга в узкой лощине между двумя полулысыми холмами лесной чащи. С Шишкарём он был знаком ещё до встречи с Посредником. Однажды Урсана заинтересовал огромный природный массив с довольно разнообразным рельефом местности, который стелился густым

зелёным ковром, разрезанным на неровные части голубой змейкой реки, а местами пучился к небу причудливыми холмами и каменными возвышенностями. Тогда он без раздумий опустился вниз, чтобы полюбоваться на диковинную красоту. Только ступив на землю, Урсан сразу ощутил знакомое умиротворение. Со всех сторон к нему тянулись неведомые лучики света и ласкали его своими добрыми нежными улыбками. Его увидели, признали и по-дружески приветствовали. В оставленном им городе тоже встречались отдельные островки природной красоты, но ощущения казались ему несравнимыми. В то время Урсан ещё не мог привыкнуть к режущим душу механическим звукам и хаотичности человеческих мыслей, вносящих дискомфорт в его внутренний мир. А на лоне природы всё пело, всё дышало искренностью, какой-то совершенно другой сказочной жизнью. Мысленно поблагодарив природу за радушие, он заскользил вдоль деревьев вниз по склону возвышенности, пока не оказался возле говорливой реки. Шум набегавшей на пороги воды заглушал пение птиц и протяжные мелодии ветра, но в этом шуме было столько гармонии и величия, что он невольно заслушался голосом гордой реки. Её голос словно перекликался с его душевной силой, с той беспредельной свободой, которая тогда ещё таилась где-то внутри него, в самых глубинах его естества. Что-то до сладостной боли знакомое и родное шевельнулось в нём в те минуты. На какой-то миг Урсану даже захотелось остаться там навсегда. Но вдруг

его внутренний локатор уловил чьё-то присутствие. Он понял, что за ним наблюдают. Его явно изучали и оценивали. Урсан мгновенно собрался, настраиваясь на волну незнакомцев, и просканировал их возможности. Наблюдатели оказались существами разумными, к тому же обладавшими значительными силами, но угрозы от них не исходило. Успокоившись, он с пониманием отнёсся к таким мерам предосторожности, чужаки всегда настораживают, до тех пор, пока не становятся ясны их намерения. Ещё какое-то время Урсана не выпускали из поля зрения, а потом оставили в покое, не узрев в пришельце опасности для своего мира. На более близкий контакт они идти не спешили, а он не настаивал, уважая их выбор. Но сознательный контакт между ними всё же состоялся, не тогда, а чуть позже. Когда он вновь посетил эти места, его уже не опасались и ждали. Первым его знакомым оказался лесной дух по имени Шишкарь. Именно с ним сейчас и встречался Урсан.

– Приветствую тебя, брат мой, – сказал Урсан, заведя появившегося друга.

– И тебе здравия, брат.

– Ты всё сделал, как я просил?

– Всё до шишечки, девонька твоя мне доверилась, пароль к её душе пришёлся, – ответил Шишкарь.

– Спасибо, брат, ты оказал мне добрую услугу. И в дальнейшем надеюсь на твою помощь.

– Мы ж побратимы с тобой, Урсан и моё слово – камень.

Братья мои кровные приглядят за поместьем, их не учуют, а ежели учуют, не встревожатся особо, эти уж привыкшие к нам.

– Хорошо, Шишкарь. Но ты ещё обещал поделиться секретами своей магии. Не забыл? Мне бы не помешали навыки вашей маскировки.

– Кой-какие секреты доверю. Магия-то она во всём живом, взять хоть ручеёк, он ж не от скуки журчит, он толкует о чём-то, почуй его, услышь, и отворится дверка в неведомое. Я ж тебя сразу тогда заприметил, из наших ты, из природных, враз ведь услышал о чём птички щебечут и цветочки поют, они ж не обманулись в тебе, доверились. И река почувяла в тебе своего.

– Живые души все природные, брат, все свои, если душа жива, то она всегда найдёт общий язык с себе подобными, – ответил Урсан.

– Так оно, – согласился Шишкарь.

– Слышал я, что под усадьбой Дьюола есть целая сеть тоннелей... Ты не в курсе? – спросил Урсан.

– Как же, слыхал о тех подземельях, их ещё древние робили, а этот ворог их к дланям своим прибрал да к своим бесовым культам приспособил.

– Шишкарь, меня очень интересует – куда они уходят и как далеко?

– Не ведаю я про то, Урсан, не моя это стихия... слыхал лишь про северный, тот самый долгий, говорят – аж до Се-

верных Увалов тянется, а то и подальше будет... Ежли надо, то поспрошаю у братьев подземных, эти уж, знамо, ведают.

– Спроси, обязательно спроси. Меня как раз интересуеет этот тоннель, хочу поглядеть его нутро, только с той стороны зайти хочу.

– Слыхал, эти шибко за подземельем приглядывають, в этих нечистях мало людского, от лукавого они. Брат мой, бди в зоркости, – предостерёг Урсана Шишкарь.

– Ничего, не в первый раз, и с этими совладаем. Спасибо, Шишкарь, учту твой совет.

– А тебе шибко к спеху подземелье-то? – поинтересовался Шишкарь.

– Чем раньше, тем лучше. Сам понимаешь, какое время грядёт.

– Тогда обожди малость, я к подземным наведуясь, тут обожди, я мигом.

– Жду.

По желанию Шишкарь мог принимать человеческую форму, но всё же предпочитал своё естественное духовое состояние. Вот и сейчас он исчез так же неожиданно, как и появился, словно растворился в воздухе.

Урсан не стал терять времени даром и почти сразу же вышел на телепатический контакт с Посредником. Этот канал связи был надёжно защищён целой системой галактических шифров и до сих пор оставался не разгрызённым орешком для «охотников» Дьюола. Другими каналами они пользова-

лись в тех случаях, когда необходимо было, как можно естественнее слить дезинформацию своим визави. После того, как они обменялись приветствиями, Урсан перешёл к делу:

– Всё идёт по плану, Звёздочка в центре внимания, интрига закручивается. Как и договаривались, дадим им несколько дней на обмен информацией и притирку, а потом пригласим в наш круиз. Ты уже знаешь, как оповестить их друзей?

– Да, я продумал этот вопрос, уверен, их друзья не оставят такую лакомую пищу без внимания. Чем займёшься сейчас?

– Я сегодня же хочу разведать конечный пункт назначения наших подопечных, погляжу, как лучше их встретить, они заслужили радушный приём, – в словах Урсана слышались шуточные нотки.

– Согласен, это дело ко времени. Чувствую, появилась новая информация, друг мой, так? – более сдержанно произнёс Посредник.

– Жду, скоро будет.

– Тогда удачи и до связи.

Вскоре появился Шишкарь. Он успел разжиться довольно подробными и занятными сведениями по подземным коммуникациям нужного направления. Поблагодарив Шишкаря, Урсан отправился в путь. В отличие от Дьюола и его компании он был знаком с легендой о Двуликих Вратах от начала и до конца, ему не нужно было заблуждаться догадками, он легко мог отсеять правду от вымысла. Эти знания давали ему определённое преимущество не только во времени, но

и в самой стратегии предстоящей схватки. Оставалось наладить телепатический контакт с Татьяной, благо, что та глубоко хранила связь со своей наставницей и всё, что с ней было связано – пускала в своё сердце. Шишкарь помог ему наладить этот мысленный мосток с девушкой и вселил в неё уверенность. Теперь Урсан надеялся использовать этот канал для передачи некоторой информации, чтобы направить эту опасную игру в нужное ему русло. А, кроме того, девушка должна была стать его глазами и ушами в стане противника.

Пребыв на месте, он огляделся. Когда-то очень давно он уже бывал здесь, но сейчас многое изменилось, некогда высокие Гиперборейские хребты превратились в обыкновенные холмы, хотя и сохраняли прежние очертания на местности. Время оказалось нещадным даже к стремящимся в небеса. Сейчас эти бесконечные гряды холмов, протянувшиеся с запада на восток, называли – Северными Увалами. В те далёкие времена эти изогнутые в огромный лук горные гряды даже считались поясом Земли, своеобразным чертогом колыбели нынешней цивилизации. Ведь за ними простирались земли детей Борея и Меру, гиперборейцев, которых во вселенском братстве называли – Небесными Росами. Когда-то земли по ту сторону гор до самого Северного полюса были другими, сказочно прекрасными и плодородными, а климат удивительно мягким. Воистину – райское место, земля блаженных. Легенды и мифы часто упоминали о священной го-

ре Меру, ставшей матерью для Небесных Рос, однако эту гору никто никогда не видел. Но Урсан прекрасно знал, что легенды не ошибались. Меру действительно существовала в самом центре Северного полюса, хотя горой её нельзя было назвать, ну, разве что в переносном смысле. Скорее, это была своеобразная незримая «пуповина», питающая Землю небесным нектаром жизни. Меру издавна являлась космическим порталом, притом – самым мощным в пределах планеты, именно её духовная сила наполняла Землю тончайшими флюидами любви и красоты. Но не лоно Меру сейчас интересовало Урсана, а другие врата, которые как раз и проецировались на один из холмов поникших Гиперборейских гор. С той информацией, которой располагал Дьюол, он бы никогда не смог отыскать проекцию Двуликих врат, но подсказка была совсем рядом. Недостающие тексты книги Татьяны, как раз указывали на это место, да и не только, там водились и другие секреты. А в полотне Полянского скрывалась сама картинка той самой местности, вот только увидеть её могла лишь одна Татьяна. Как настроиться, чтобы войти внутрь картины она уже знала, оставалось только заострить цель, и ответ не заставил бы себя ждать. Именно в этом и таилась связь её книги с картиной Полянского. Теперь все герои были расставлены по своим местам, а грандиозные события уже ожидали стремительной развязки.

Урсан принял человеческий облик, желая почувствовать себя частью этого уходящего трёхмерного мира, такого пре-

красного и жестокого, противоречивого и по-детски наивно-го. Он вдохнул всей своей грудью и с замирающим сердцем залюбовался бескрайними северными просторами.

«Ещё совсем немного и всё здесь станет другим... как жаль, что не все это понимают», – подумал он, интуитивно выбирая вдалеке нужный холм.

Сначала он решил осмотреть сами врата, а потом уже переместиться к подходам в тоннель, о котором ему поведал Шишкарь.

Спустя минуту он уже стоял перед сторожевыми вратами в мир прообразов легендарной Гипербореи.

II

В ожидании Дьюола Мердина нервно прохаживалась по его кабинету, поглядывая на настенные часы. Наконец дверь распахнулась, и на пороге появился сам хозяин кабинета.

– Ты где был, я уже устала ждать? – вопросительно поглядела на него женщина.

– Прости, милая, я разбирался с нашими делами, – коротко ответил Дьюол, намереваясь поцеловать свою подругу.

Та с готовностью подставила губы и произнесла:

– Что-то новенькое накопал?

– Скорее, старенькое систематизировал, и кое-что прояснил, – как-то неопределённо ответил Дьюол.

Женщина поняла его слова по-своему и решила немного пококетничать:

– Мой таинственный кавалер уже заинтриговал свою да-

му, она вся в ожидании.

– Ладно, не буду томить тебя, только не сердись, дослушай, а выводы сделаем вместе...

Мердина согласно кивнула.

– Так вот, я собрал воедино все сведения, все наши наблюдения за участниками этой игры и пришёл к одному интересному заключению... Да, вернее всего, портал существует и всё, что о нём сказано – правда, но беда в том, что правила игры нам пытаются навязать, причём очень искусно, я бы даже сказал – ненавязчиво. Как то уж всё просто у нас складывается. Ну, сама посуди, хотите картину – получите, столько возни, а ведь никто даже не помешал, то же самое с книгой, вроде бы всё есть, да не всё... самое-то главное они придержали. Для чего? Мердина, ты не находишь, что всю ключевую информацию нам подбрасывали как бы между прочим? В основном мы её черпали из разговоров тех двоих, без особого труда подбирая дешифраторы защиты. А вот некоторые их разговоры мы так и не расшифровали. Всё это наводит на мысль, что наш интерес к этому делу кто-то умело подогревает и пытается манипулировать нами...

– Но ты же сам сказал, что случайно нашёл те тексты... Ты считаешь, что и с этим тебе помогли? – уже с лёгким раздражением произнесла Мердина.

– Сейчас даже и не знаю, – в задумчивости усмехнулся Дьюол, – меня что-то потянуло в те места, не могу тебе объяснить, но это что-то вроде внутреннего зова...

– Дьюол, ты шутишь или издеваешься надо мной?! Тебя что-то там позвало и ты, толком не разобравшись, решил всё поставить на эту карту, всю свою жизнь и мою тоже! – уже не выдержала женщина. – А я же тебе доверилась, я прикрывала тебя от козней этих прихвостней Ханмары! Зачем ты так со мной, Дьюол?!

Дьюол подошёл к ней вплотную и взял её за руку:

– Я ведь тоже доверился тебе... Мердина, не сердись, ещё не всё потеряно...

Но женщина со злостью вырвала руку и буквально ошпарила его взглядом:

– Я не хочу быть в роли загнанного зверька, это не моя роль! Я сама ловчий, им и останусь!

Мердина хотела ещё что-то сказать, но в этот момент Дьюол порывисто привлёк её к себе. Несколько секунд женщина отчаянно сопротивлялась, но потом затихла в его крепких объятиях.

– Ты так прекрасна, милая, даже в своём гневе... За это я тебя и люблю.

– Дурак... несносный дурак, – совсем по-простому прошептала она, – мне так хорошо с тобой...

После страстного затяжного поцелуя Мердина легонько оттолкнула от себя Дьюола:

– Ты сказал, что ещё не всё потеряно... Что ты придумал?

– Всё так, любимая, ты только не переживай, мы доделаем начатое и всё у нас получится. Когда знаешь замысел врага

– всегда есть шанс переиграть его. А у нас такой шанс не один и козырей у нас хватает, ведь девчонка с художником у нас, здесь их не достанут, а они – ходячая информация. Да, я тебе не успел сказать, полчаса назад у девчонки был контакт с неизвестным, хотя он очень искусно маскировался, но «охотникам» удалось его зафиксировать и весточку от пришельца они перехватили. Это тоже козырь, пускай думают, что провели нас. А что я придумал... есть два варианта, можно выбить из неё информацию нашими особыми методами ...

– Нет, это не тот случай, – перебила его Мердина, – ты же сам знаешь степень её защиты, под давлением мы вытащим из неё лишь жалкие обрывки информации, бессознательный источник едва ли способен раскрыть цельную картинку, а вот партнёр... Нет, давай не будем отходить от первоначального замысла, тем более она сама уже созрела для разговора.

– Хорошо, согласен. Тогда, я предлагаю принять её условия и поиграть в откровение, давай заинтересуем её нашими планами, но интерпретируем их несколько иначе, у этой девочки есть чувство сострадания...

– А-а, я поняла твой замысел, – довольно улыбнулась Мердина, – ты хочешь представить нас жертвами. Хороший ход, я и сама об этом подумывала. Лишь бы не переиграть.

– Не переиграем, у нас с тобой в этом вопросе особые таланты, не одно тысячелетие лепим из этих смертных по-

слушных гомункулов, – рассмеялся Дьюол.

– Только она не из их числа, – напомнила Мердина. – Ну ладно, попробуем, только разговор начну я, ты подхватишь по мере надобности и следи за её настроением.

– Согласен, у тебя это лучше получится, милая.

– Кстати, совсем забыла, а как она прошла испытание в тоннеле? – вдруг вспомнила Мердина.

– Была сильно напугана, но держалась молодцом. Теперь будет осторожнее.

– Зачем ты держишь его здесь? Ты так к нему привязан? – неожиданно спросила женщина, внимательно поглядев в глаза Дьюолу.

– Как тебе сказать... он плод моего первого опыта, пускай и не совсем удачного, но в нём мои гены... Да, возможно, ты права, я привязан к нему, но не только, в нём я черпаю животную страсть, необузданную силу и они мне помогают побеждать.

– Дело твоё, – закрыла свой вопрос Мердина. – А где сейчас наша гостья?

– В мастерской художника, тот уже вышел из «комы», воркуют голубки, наверно, – с усмешкой ответил Дьюол.

– Пускай воркуют до завтра... А у меня есть предложение, мой Дьюол, – томно произнесла Мердина, обвивая руками шею мужчины...

В то самое время Татьяна, действительно, беседовала с Полянским в его домике. Девушка уже успела вкратце об-

рисовать ему сложившуюся ситуацию. Валера практически отошёл от чужеродного воздействия, но вмешательство в его психику не прошло даром, эти последствия выражались в его повышенной возбудимости. Поэтому всё услышанное он воспринимал с раздражением и даже с негодованием:

– Чертовщина какая-то, до сих пор не могу поверить во всё это безумие! Вот как можно просто выключить человека из реальности?! Да кто они такие вообще?! Иллюминаты или эти самые... драконовые?

– У них есть такие возможности, Валера. А кто они такие – пока не знаю... Но мы выясним, обязательно всё выясним... ты, главное, не волнуйся, – ответила девушка, пытаясь успокоить своего друга.

– Да как не волнуйся, Тань?! Тут такое творится – похищения, чёрная магия, какие-то нечеловеческие опыты проводят, монстры по подземелью бегают! Как не волноваться-то?! Кому расскажешь – так не поверят же!

– Валера, возьми себя в руки, нам сейчас необходим холодный рассудок, эмоциями мы ничем себе не поможем, – проявила настойчивость Татьяна.

Полянский склонился к ушку девушки и быстро прошептал:

– Тань, когти рвать нужно отсюда и прямо сейчас.

– Нет, Валерочка, мы не будем этого делать, – спокойно и очень твёрдо возразила Татьяна, зная, что их слушают. – Сам подумай, кругом вооружённая охрана, система электронно-

го наблюдения, а ещё куча незримых наблюдателей повсюду. Мы и шага за ворота не ступим.

– Да ты что, Тань? Вот так просто взять и сложить ручки? – растерянно проговорил Полянский.

– Ручки складывать никто не собирается, мы должны выяснить – зачем мы здесь... Валера, пойми, мы просто обязаны узнать причину нашего похищения, без этого ничего не откроется. Нам надо договариваться с ними и даже идти на уступки, тогда, может, и они изменят к нам своё отношение и поделятся информацией... А иначе нас не выпустят отсюда никогда... и это в лучшем случае.

– Есть и худший? – насторожился Полянский.

– А ты сам-то как думаешь? Мы им нужны, пока можем принести какую-то пользу и в этом гарантия нашей жизни. В чём эта польза – я пока не знаю, но надеюсь, что вскоре всё откроется. Доверься мне, я знаю, что делать, – произнесла девушка, одновременно выравнивая полевую защиту своего друга.

Состояние Полянского стало улучшаться, его лицо приняло естественный цвет, а глаза отозвались пониманием.

– Добро, Танюша, понял я, записал. Спешить не будем, а дальше поглядим, – уже совершенно спокойно ответил Валера. – Тань, ты не хочешь перекусить? У меня тут остатки прежней роскоши завалились... А за их барский стол что-то не хочется садиться.

– С удовольствием, Валера, я ужасно проголодалась, да-

вай, доставай свои запасы, будем кутить! А потом прогуляемся. Идёт?

– Наш вариант! – обрадовался мужчина. – Я сейчас, я быстренько всё извлеку из холодильника и разогрею, а ты мне накрыть поможешь. У меня и бутылочка Бургундского имеется!

После экспромтного ужина слегка подшофе они решили отправиться на прогулку. Необыкновенно ясная осенняя ночь встретила их дыханием лёгкого морозца и таинственным мерцанием фонарей, висевших по обе стороны центральной аллеи. Но особую загадочность ночному небу придавала огромная полная луна, затмившая своим палевым сиянием даже далёкие созвездия. Татьяна с улыбкой взяла под руку Полянского и потянула в сторону видневшегося мостика. Какое-то время они шли молча, словно боясь вспугнуть хрупкую тишину ночи и трепет близости. Тишина просто поражала, казалось, что в ней утонули даже голоса охранников и негромкая песня ветра. Первым опомнился Полянский:

– Тань... знаешь, несмотря ни на что я так счастлив, мне так хорошо сейчас... с тобой... я даже представить себе не мог, что может быть так хорошо... Какая удивительная ночь, какие волшебные звёзды и ты рядом со мной... Это предел моих мечтаний!

– И мне хорошо, Валерочка... знаю, завтра всё будет иначе, но пускай это будет завтра, а сейчас маленького счастья у нас никто не отнимет, оно наше... Нет, подожди, давай за-

гадаем желания, прямо сейчас загадаем, чтобы всё у нас было хорошо. Валер, погляди... Большая Медведица смотрит прямо на нас... как ярко сверкают звёзды ковша, семь братьев или сестёр, как у Плеяд...

– Или семь мудрых старцев, – поддакнул девушке Полянский.

– Давай про себя загадаем это желание, чувствую, это знак свыше, там видят нас и помогут, – с волнением почти прошептала Татьяна.

– Добро, Танюша.

Минуту – другую они молча созерцали звёздное небо, думая каждый о своём, но оба просили удачи.

Только глубокой ночью они разошлись по своим комнатам и заснули мертвецким сном.

Уже под утро Татьяне приснился странный и такой волшебный сон. Она шла по узкой тропинке среди невообразимых по красоте розово-белоснежных садов навстречу восходящему солнцу. По дороге её пленяло многозвучное пение диковинных птиц, и сопровождали стайки прекрасных невесомых бабочек. Татьяне казалось, что эти легкокрылые красавицы заглядывают к ней в глаза и улыбаются своим золотистым сиянием. Миновав сад, она чудесным образом оказалась посреди нескончаемой цветочной дали, благоухавшей непередаваемыми ароматами, тончайшие флюиды цветов доверчиво тянулись к девушке, лаская нежными прикосновениями, и что-то шептали ей. Их шепот так походил

на волшебную песню маленьких серебряных колокольчиков, что Татьяна невольно заслушалась, проникаясь чувственным созвучием к этому сказочному оркестру. Голова Татьяны моментально закружилась от всей этой невыносимой красоты, от тончайших звуков и пьянящих ароматов, она словно зачарованная нежилась в божественном лоне, не в силах сдвинуться с места. И вдруг свет стал ещё ярче, золотисто-розовое сияние буквально поглотило её в своих нежных объятиях, полностью растопив её сердце вместе с остатками прежних чувств. Невесомой бабочкой она кружилась в сказочных россыпях поющего света, пока игривый лучик не опустил её на цветочную поляну. И в этот момент Татьяна увидела её... это была её бабушка, только молодая и такая красивая, девушка не могла ошибиться, она хорошо помнила фотографии бабушкиной молодости. От переполнявших её чувств Татьяна потеряла дар речи, а ей там много хотелось рассказать самому родному человеку. Лицо бабы Насти лучилось той самой радужной улыбкой, которую Татьяна помнила всегда и не смогла бы забыть никогда.

– Душа – это цветок, девочка моя, прекрасный таинственный цветок, и только от тебя самой зависит, чтобы он расцвёл во всей своей красе, – неподвижными губами произнесла она.

Как только она это сказала, рядом с ней появился спаситель Татьяны. Бабушка взяла его за руку и вновь заговорила: – Верь ему, девочка, это мой друг.

Татьяна проснулась со счастливыми слезами на глазах и ещё некоторое время, сидя в кровати, переживала те незабываемые моменты сна.

III

В тот же день после завтрака Дьюол в присутствии Мердины пригласил Татьяну в свой личный кабинет для разговора, видимо, давая понять, что выказывает этим жестом особое расположение к ней. На такие уловки девушка уже не велась, но готовилась ко всему, всё зависело от того, в какое русло зайдут переговоры. Войдя в тайное убежище Дьюола, Татьяна получила от хозяина разрешение присесть на диван. Устроившись поудобнее, она огляделась. В тускло освещённой комнате царил образцовый порядок, окна были затемнены бархатными портьерами, на столе ничего лишнего, кроме канцелярских принадлежностей и толстого блокнота. В обстановке она не нашла ничего сверхъестественного, обычный рабочий кабинет – глубокие кожаные кресла, такой же диван, овальный стол из красного дерева ручной работы и старинный книжный шкаф. На одной из стен располагалась целая галерея холодного оружия, даже на первый взгляд было видно, что коллекция имеет огромную ценность, бывший парень Татьяны серьёзно увлекался оружием, и она немного поднаторела в этом вопросе. Здесь были – старинные кинжалы, изогнутые японские мечи, разнообразное оружие викингов, двуручные мечи средневековья, всевозможные сабли, шпаги и ещё много-много чего. Вероятно, Дьюол не одно

столетие собирал эту уникальную коллекцию. Всё это время девушку не покидало чувство чего-то упущенного или скрытого, был здесь какой-то подвох. Она ещё раз оглядела комнату и остановила свой взгляд на дальней стене, её чем-то смущала именно эта стена. Татьяна включила всю свою интуицию и вдруг отчётливо увидела, что внешняя часть стены является обыкновенным декоративным муляжом, скрывавшим за собой главный секрет кабинета. Татьяна не смогла доподлинно разглядеть, что было за стеной, возможно, там находилась какая-то картотека или хранилище секретных документов. Единственное, что она смогла точно увидеть – это лифт, так же скрывавшийся от посторонних глаз. В прошлый раз девушка всего этого не разглядела, возможно, тогда она ошиблась, в библиотеке могла быть ещё одна дверь. Всё это время Дьюол неотрывно наблюдал за Татьяной, не проронив даже слова. Мердина задерживалась, и молчаливая пауза грозила затянуться. Татьяна решила не форсировать события и поддержала молчаливую игру нервов. Наконец появилась Мердина. Прямо с порога она с игривой миной на лице обратилась к девушке:

– Ты же сюда так рвалась, Танечка. Ну как, потешила своё любопытство?

– О чём ты? – выразила удивление девушка.

– Хватит уже играть в прятки, я предлагаю заняться серьёзными вещами, – уже серьёзно проговорила Мердина. – Мы подумали над твоим предложением и решили поделить-

ся своими тайнами. В свою очередь, ты должна нам обещать то же самое. Откровение на откровение, как ты и хотела. Мы даже готовы сделать первый шаг. Устраивает?

– Пока устраивает. Начнём прямо сейчас? – мило улыбнулась Татьяна.

– Для того и собрались, – буркнул Дьюол. – Но для начала Мердина расскажет тебе одну историю, ты внимательно послушай её и постарайся правильно нас понять, от этого зависит наше дальнейшее сотрудничество.

– Я постараюсь.

Мердина с загадочным видом прошлась по кабинету, заглянула в окно, явно разгуливая «аппетит» собеседницы и, обернувшись к Татьяне, спросила:

– Ты ничего не слышала о тайном правительстве Гайи? Ну, или Земли, как вы её называете.

– Об этом вроде писали... и по телевизору что-то подобное слышала, – пожалала плечами девушка, – но, в это трудно поверить...

– Вот видишь, Танечка, если даже ты сомневаешься... То, что же остаётся другим?

– А чем я отличаюсь от других? – в свою очередь любопытствовала девушка.

– О-о, это особая тема разговора, мы к ней обязательно вернёмся, но чуть позже. А пока я продолжу. Именно на сомнения всё и рассчитано. Как можно верить тому, что противоречит обычной логике и не существует явно? Да, вроде

бы всё ясно, всё на виду, везде царит демократия, люди голосуют за достойных правителей, вверяют им свои судьбы и даже жизни. Вроде бы всё так, да не совсем... Почти все сильные мира сего, которые мозолят людям глаза с экранов телевизоров – всего лишь марионетки, обычные исполнители воли незримых хозяев планеты. А всё, что здесь происходит – лишь картинка навязанной вам иллюзии, навязанной с самого детства. Людям всегда давались уже готовые шаблоны жизни, куда уже были встроены дозволенные жизненные ценности и даже стереотипы поведения. И в этих узких рамках, от сих и до сих пор – создавалось искусственное многообразие, где не только позволялось потешить свою надутую значимость, а даже поощрялось предаваться низменным инстинктам. В этом преющем болотце рождалось много никчёмных и бредовых идей, высиживались тлетворные кучи глупости, здесь было всё кроме правды. Да, Танечка, всё, что творилось и твориться в этом мире не обходится без ведома тайных хозяев, хотя они сами всегда остаются в тени...

Неожиданно Мердина замолчала и перестала вышагивать по комнате, вероятно, собираясь с мыслями. Потом грациозной походкой направилась к дивану, на котором сидела Татьяна и расположилась подле неё. Её глаза прямо-таки источали серьёзность и в то же время особую доверительность. Таким глазам невозможно было не довериться. Выдержав паузу, она произнесла:

– Прав тот, кто правит, милая, и этот закон придуман не

нами.

– Где-то я уже это слышала, – в глазах Татьяны блеснули насмешливые искорки.

– Да, мы проверяли тебя, Танечка... проверяли, чтобы быть уверенными в твоей надёжности. Позволь, я закончу, а после всё обсудим, – спокойно отпарировала Мердина.

Девушка согласно кивнула.

– Хочу сказать, что схем манипуляций с умами множество, но суть-то одна – размягчить мозги слушателей и делать с ними всё, что захочешь. Чем не потешный балаган с чёртиком-зазывалой? Образно, конечно, но не далеко от истины. Такой чёртик-краснобай обычно собирает вокруг себя толпу зевак, разогревает их мозги до нужной ему кондиции, а потом объявляет о начале представления с главными действующими лицами. Дальше начинается настоящий балаган, парнокопытные сородичи чёртика с добродетельными мордочками начинают пережёвывать в красках какую-нибудь бредовую, но очень завлекательную идею, подбирая заветные ключики к доверчивым сердцам пёстрой публики. Поданная под вкусным соусом мысль тут же подхватывается толпой и стремительно набирает бонусы доверия, а когда спадает занавес, идея словно обретает новую жизнь, обрастая гурьбою фанатичных поклонников, которые тут же разносят её по застоившемуся болотцу. Конечно, рано или поздно импульс любой идеи иссякает, она отходит на второй план, однако связи с публикой не теряет никогда, она

просто затаивается, меняет личину и ждёт, ждёт своего часа, только помани её, дай ей второе дыхание и она тут как тут. Этот чёртик никогда не дремлет, он появляется вновь и вновь, раз за разом придумывая новые потехи... или выдвигает на заклятие какую-нибудь «паршивую овцу», которая посмела отбиться от общего стада. Всё это правда, Таня, истинная правда, поверь мне, я всё это знаю не понаслышке. Мы с Дьюолом считались не самыми последними лицами в стане манипуляторов и нередко сами писали подобные сценарии, мы искусственно создавали этот хаос в умах, чтобы не осталось в них ничего сознательного и святого, чтобы легче было понукать толпами, чтобы вершить власть над душами людей. Мы питались человеческими пороками и до одури напивались их пагубными страстями...

Татьяна была готова ко всему, но рассказ Мердины потряс её до основания, стараясь не подавать виду, она продолжала внимательно слушать.

Между тем Мердина продолжала:

– Однажды я поняла, что всё... я не могу так больше, мне стал противен весь этот мерзкий спектакль, весь этот махровый обман... мне стало жаль людей, жаль их заблудшие, обманутые души... Своими сомнениями я поделилась с Дьюолом, и он поддержал меня. Мы решили бороться за более справедливую жизнь, даже нашли единомышленников в своей среде, но наш заговор был раскрыт...

– Теперь мы в бегах, и наши жизни уже ничего не стоят,

нас ищут повсюду... моя усадьба – это последнее наше прибежище, – с видимой грустью добавил Дьюол. – Ты уж не обессуди за нашу неучтивость к тебе и художнику, но иначе мы не могли... мы защищаем себя и в каждом видим недруга, оттого такие жёсткие меры. Кстати, мы слышали, что говорил твой художник о нас... отчасти он был прав.

Татьяна обвела взглядом своих собеседников и обескуражено произнесла:

– Да-а... у меня даже нет слов, какие страшилки вы мне порассказали... бр-р... даже мурашки по коже... Неужели всем нам отведена роль обманутых статистов, заложников чьей-то чудовищной прихоти? Рабство какое-то! Неужели мы не заслуживаем ничего другого? Нет, нет, я не могу в это поверить...

– Придётся поверить, Танечка, я не шутила с тобой ни на йоту, – заключила Мердина. – А насчёт рабства ты хорошо сказала, так всё и есть. Поверь мне – психическое рабство ещё страшнее физического.

– А как же свободная воля? У каждого же есть свобода выбора? – не сдавалась Татьяна.

– О чём ты, Таня, какой выбор? Большинство людей даже не понимают смысла этого слова! За нашу бытность на планете таких прозревших было несколько сотен, не больше. Это же замкнутый круг, из которого практически нет выхода.

– Не знаю, не знаю... ты смутила меня, но я не буду сей-

час спорить, может, в чём-то ты и права... Ну, хорошо, допустим... А в чём моя-то здесь роль, чем я могу помочь вам? И при чём здесь Полянский?

Мердина подсела вплотную к Татьяне и очень интимно приобняла её:

– Танечка, ты наша последняя надежда... Если ты согласишься нам помочь, то у нас появится шанс спастись, а если мы спасём свои жизни, то у нас будет возможность раскрыть людям глаза, мы вместе с тобой сможем это сделать. Я сейчас всё тебе постараюсь объяснить, знаю, ты сведущая в некоторых вопросах эзотерики и законы кармы и перевоплощения для тебя не новость. Всё верно, так всё и есть, этот круговорот не прекращается ни на минуту, одни души приходят, другие уходят, чтобы вновь вернуться. Беда лишь в том, что они не помнят себя, себя настоящих, они, по сути – как бы спят здесь, ум бодрствует, а душа находится в забвении... Танечка, ты знаешь, в чём ценность всего этого представления?

– Наверно, в опыте. Мы с Валерой этот вопрос недавно обсуждали.

– Да, ты права, конечно же, опыт, неоценимый опыт земных тягот, падений и побед, заблуждений и проблесков осмысления... А в чём же главный приз?

– Я не думаю, что в богатстве и власти... но у многих на этот счёт другое мнение, – негромко проговорила Татьяна, – если следовать твоей логике то, скорее, в пробуждении, в

осмыслении себя... Так ведь?

– И здесь ты не ошиблась... хотя отказаться от власти и денег сможет далеко не каждый, это самое сложное испытание, это всё та же ловушка для обманутого ума, тем более, когда деньги и власть стали смыслом твоего существования, – произнесла Мердина. – На самом же деле всё обстоит иначе, по-настоящему свободен тот, кто не заблуждается страстями этого мира, а видит их истинное лицо.

– Скорее, нутро – вставил реплику Дьюол.

– Милый, это не меняет сути сказанного. Да, можно тысячелетиями обманываться блеском своих ролей, но так и не понять, что всё это – лишь быстротечный мираж, а самое главное так и не найдено... Время жизни уплывает незаметно, оно как вода просачивается сквозь пальцы и забирает с собой память прошлого, оставляя душам лишь крупички опыта... Так было всегда и всё повторяется вновь и вновь, пока не наступит прозрение, но о таких счастливицах я уже говорила, они большая редкость. Полагаю, ты меня поняла, Танечка. Ладно, это всё отступления, теперь главное... здесь собраны разные души, есть очень древние, а другие совсем молодые, у каждой из них за спиной свои накопления и своё представление о жизни, а вот твоя душа, Танечка, выпадает из этих категорий...

– Что это значит? Я не понимаю тебя, – встрепенулась Татьяна.

– Я объясню. В тебе нет памяти прошлых жизней, мы дол-

го пытались разгадать эту загадку, и пришли к выводу, что твоя душа воплощается здесь впервые, хотя все воплощения молодых душ уже закрыты. Но ты не молодая душа, это и так понятно.

– И что ты хочешь этим сказать? – уже еле сдерживала своё волнение девушка. Её сердце буквально пульсировало в груди, обдавая всё тело то холодными, то горячими волнами.

– А как ты сама думаешь, загадочная Дева? – подлила масла в огонь Мердина.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина. И вдруг внутри себя Татьяна услышала их пароль, потом знакомый голос посоветовал ей принять открытую игру, согласиться на все условия, и следовать его подсказкам.

Татьяна сразу же заострила свой вопрос:

– Если я зрелая душа и не имею памяти прошлых воплощений – тогда кто я?

Ей ответил Дьюол:

– В этом-то вся соль... ты посланница иного мира, впрочем, как и мы с Мердиной. Да ты и сама уже заметила, что с тобой происходит.

– Заметила, но чтобы додуматься до такого... уф-ф, в голове не укладывается... Над этим надо поразмыслить, – честно призналась Татьяна.

– Поразмысли, поразмысли, уверен, скоро тебя не будут терзать сомнения на этот счёт. В последнее время я тщательно присматривал за тобой и кое-что про тебя узнал. У тебя

есть своя особая миссия и по воле случая она пересеклась с нашими проблемами... Вот такие дела. Если дашь согласие, то мы приобщим тебя к нашим знаниям, а это немало. Мы предлагаем тебе взаимовыгодное сотрудничество, ты помогаешь нам спастись, а взамен получишь главный приз. Теперь ты знаешь, в чём его ценность. Думаю, расклад равновесный, плюс – мы поможем тебе выполнить твою миссию. Ну как?

Татьяна поднялась с дивана и в задумчивости прошлась по кабинету, делая вид, что обдумывает предложение. В эту минуту она буквально ощущала своей спиной два цепких пронзительных взгляда.

– Что будет со мной и Валерой, если я откажусь? – спросила она.

– Ты же сама догадываешься, что вас ждёт. Ничего хорошего, – довольно жёстко ответил Дьюол.

– Таня, пойми нас правильно, это вопрос жизни и смерти, мы вынуждены защищаться, – вторила ему Мердина.

– Похоже, о продюсерской помощи тоже можно забыть... – почти про себя еле слышно проговорила девушка.

Однако Мердина её услышала и попыталась оправдаться:

– Только не подумай, Танечка, что мы тебя обманули, на тот момент всё было в силе, даже вопросов бы не возникло... Но сейчас всё изменилось, пойми, сейчас жизненно важно совсем другое, это касается не только нас, но и тебя с твоим другом.

Возникла томительная пауза, Татьяна думала о своём, а её собеседники ожидали ответа девушки.

– Хорошо, я согласна, – наконец произнесла она, – только у меня есть условие... Полянский должен мне помогать, мне нужна его помощь, без него я не смогу во всём разобраться.

Это условие только сейчас сообщил её тайный друг, и она поспешила его озвучить.

– Принимается! Верное решение, девочка! – громыхнул Дьюол, сменив гнев на милость.

– Спасибо, Танечка, что выслушала и всё правильно поняла, – отметилась Мердина. – Сейчас время отдыха, пообщайся со своим другом, а после обеда приступим к работе.

Татьяна заскочила к себе за верхней одеждой и сразу отправилась к Валере, им нужно было многое обсудить. Идея о привлечении Полянского пришлась девушке по душе, она уже и сама понимала, что лучшая гарантия его безопасности – их совместная деятельность, пока он находился рядом с ней, ему ничего не угрожало.

Завидев Татьяну, Полянский несказанно обрадовался и бросился к ней навстречу:

– Танюша, где ты была? Я уже обыскался тебя!

– Успел соскучиться? – игриво улыбнулась она.

– Угу, ещё как... да и беспокоился за тебя, – честно признался мужчина.

– Всё нормально, Валера, я беседовала с Мердиной и Дьюолом. Нам нужно поговорить. Давай пройдемся, на воздухе

как-то свободнее...

– Добро, Танюша, я сейчас, я быстро!

Они шли очень близко, невольно касаясь друг друга руками, наслаждаясь свежим морозным воздухом. Татьяна не спешила нагружать Полянского новыми и очень запутанными головоломками, она обдумывала, как бы лучше всё это преподать. Валера интуитивно понимал, что происходит в душе Татьяны и с вопросами не лез, догадываясь, что разговор предстоит серьёзный.

Наконец девушка настроилась и заговорила, осторожно подбирая слова:

– Валер, всё, что я сейчас скажу, касается жизни и смерти, в том числе и наших с тобой жизнью... Дослушай всё до конца и не перебивай, все неясности проясним после. Запомни одно, сейчас каждое наше слово и даже мысль будут иметь огромное значение, поэтому, постарайся быть сдержанным, следи за собой. Это очень важно, очень!

– Тань, я не знаю, что ты мне хочешь сказать, но я обещаю...

– Хорошо, слушай.

Девушка открыла ему всё, что узнала из беседы с хозяевами усадьбы и уже подводила рассказ к взаимным договорённостям. Полянский слушал молча, стараясь не выказывать своего волнения, одни лишь глаза выдавали бушевавшие внутри него страсти.

Только Татьяна закончила, он буквально выдохнул:

– Вот это да! Ужастики отдыхают! Блин... ведь читал об этом и даже взаправду всё принимал, но чтобы вот так воочию... Да уж, фантастика!

– Валера, это не фантастика, а реальность, причём очень опасная... Понимаю тебя, в это трудно поверить, но прошу тебя – поверь и прими всё как есть. Так будет легче, Валерочка. Времени на раскачку у нас нет, после обеда начнём.

– Тань, да не уговаривай меня, я с тобой готов куда угодно, даже к чертям на поминки! Ты же знаешь...

– К чертям не надо, – улыбнулась Татьяна. – Валер, я сейчас к себе, нужно кое-что обдумать, встретимся перед обедом у меня.

– Добро, Танюша, я пока эскиз закончу. Тьфу-ты, какой к чёрту эскиз! Нет, не буду, такое в голове...

– Разберёшься. Я побежала.

В комнате Татьяна попыталась отогнать все лишние мысли и вытащить из памяти даже малейшие детали последних страниц своей рукописи и изменений. Постепенно нужные ей образы стали выстраиваться в сознании девушки, разворачиваясь в цельную картину смыслового сюжета. Данная информация была ей просто необходима, чтобы сопоставить её с версией Дьюола и Мердины, объединив то и другое, она смогла бы ответить на многие свои вопросы. Так, по крайней мере, ей казалось в те минуты. Она доподлинно не знала, что творится в головах её «партнёров», но чувствовала некий подвох в их рассказе. Понимая, что доля правды там

тоже присутствовала, Татьяна усиленно пыталась отсеять её ото лжи.

Как и договаривались, Полянский зашёл за Татьяной, и они отправились на обед. В обеденном зале им посчастливилось побыть вдвоём, так как другой паре слуги накрыли в кабинете Дьюола, где предстояла их скорая встреча. В назначенное время Татьяна с Валерой оказались у дверей кабинета хозяина усадьбы, наружная охрана без всякой проверки сразу же пропустила их вовнутрь. В помещении их уже ожидали.

– Как пообедали, друзья мои? – казённым вопросом отметилась Мердина.

– Спасибо, всё было на высшем уровне, – в том же тоне ответила Татьяна, а Полянский согласно кивнул.

– Ну, тогда к делу, присаживайтесь поближе, – вступил в разговор Дьюол, – знаю, что мастер в курсе нашего разговора, поэтому обойдёмся без предисловий.

Он извлёк из тёмного конверта стопку с фотографиями и разложил их перед своими гостями. К каждому снимку был приколот листочек с текстом, по-видимому, с описанием содержимого фотографии.

Татьяна с Полянским вопросительно взглянули на Дьюола, пока не понимая его действий.

– Эти фотографии были сделаны с наскальных рукописей в одной из пещер северного Предуралья. Всё, что имеется на фотографиях – это обрывки легенды одного древнего на-

рода, сейчас их называют гиперборейцами. Если вкратце, то легенда рассказывает о Двуликих Вратах, обладающих чудодейственной силой незримых миров, которые к нужному времени должна открыть некая Лунная Дева, она обладает особым ключом, но активировать его может только её тень, следующая впереди неё...

– Танечка, мы клоним к тому, что эти врата и являются нашей последней надеждой, потому, что для нас больше нет места на этой планете, мы не сможем спрятаться никуда от своих преследователей, это наш последний шанс на спасение, – пояснила Мердина.

– Да, Мердина права, всё так и есть, – произнёс Дьюол, – поэтому, вы ознакомьтесь сначала с легендой, на прикреплённых листках есть перевод с наскальных текстов, а когда закончите, продолжим.

Татьяна с Валерой стали покладисто изучать фотографии, время от времени негромко переговариваясь между собой. Другая парочка молча наблюдала за происходящим, не вмешиваясь в этот процесс. Когда общее представление о сути дела было получено, у Татьяны сразу же возник законный вопрос:

– И вы считаете, что Лунная Дева — это я?

– А разве не так, Танечка? – обласкала её взглядом Мердина. – Вспомни-ка детали своего рождения, вспомни, как тебя называла бабушка в детстве...

– Ну да, да, я помню... но не я же одна такая...

– По рождению – согласна, таких много, вот только с твоими способностями нет никого, во всяком случае, мы таких больше не нашли. А искали, очень искали.

– Плюс – твоя книга и картина мастера, в них очень много интересной информации и она уж точно пересекается с этой легендой. Вспомни ваш недавний разговор, вы же сами поняли, что между вашими творениями есть связь... и связь непростая с замочком и ключиком, – включился в разговор Дьюол.

– Тань, я же тебе говорил про эту связь, в ней точно есть какой-то шифр! – не выдержал Полянский.

Его уже с головой захватила тайна Двуликих Врат и участие в ней его картины.

– Вы правы, мастер, осталось эту самую связь нащупать и потянуть за ниточку весь клубок тайны. Думаю, мы все в этом заинтересованы.

В те минуты Татьяна прислушивалась не только к разговору за столом, а ещё и к голосу её друга внутри себя. Он посоветовал девушке приоткрыть большую часть информации из книги, а всё остальное перенести на завтра. Татьяна решила последовать его совету.

– Хорошо, я поняла вашу мысль. Вы ищите эти врата, чтобы скрыться от преследователей, но не знаете точно, где они и, как и когда их можно открыть. У вас есть я, носитель ключа, но нет его активатора – тени. Дальше, в нашем распоряжении есть моя книга и картина Валеры, там есть подсказки.

Осталось найти эти подсказки, так ведь?

– Танечка, я удивляюсь твоей проницательности, ты всё верно подметила и всё разложила по полочкам. Теперь осталось решить задачку с этими неизвестными и получить результат, – довольно захлопала в ладоши Мердина.

– Ммм... кажется, я знаю, как вам помочь, – задумчиво произнесла девушка, – да, скорее всего, это и есть подсказки...

– Ну-ка, ну-ка, просвети! – встрепенулся Дьюол.

– В шестой главе четвёртой части, которую я дополнила, мои герои искали одну древнюю загадочную страну и так же наткнулись на послание из прошлого, только они нашли ритуальную статуэтку, в которой был запечатан свиток... этот свиток и стал им подсказкой...

Татьяна видела, с каким напряжённым вниманием на неё глядели все трое, ловя каждое её слово, и напустила ещё больше таинственности:

– Тот свиток неплохо сохранился и кроме текста содержал несколько рисунков... вверху были изображены две перекрещенные спирали, своими вытянутыми концами они как бы выстраивали своеобразную арку. Рисунок спиралей тоже отличался, в ту и другую были вплетены какие-то знаки... я не скажу какие, по сюжету я их не видела. Да, ещё над спиралями находились – солнце и луна, солнце по правую сторону, луна по левую.

– С рисунками всё? – нетерпеливо спросил Дьюол.

– Да, больше ничего не было.

– А сам текст, ты помнишь его?

– Помню. Могу дословно:

«Под сенью безмолвных всевидящих старцев длань тайны пронзает иссеченный лук, подперший плечами и брезг и вечер, он зоркой стрелой пугает полудне, и зрит тетивую живой в полночь».

– Но это только первая часть, – поспешила предупредить всех Татьяна.

– Вторую ты тоже помнишь, Таня? – спросила молчавшая до сих пор Мердина.

– Слово в слово, это последнее послание свитка, слушайте:

«Длань тайны сожмёт рукоять лука, когда лагвица Мары наполнится до краёв и до близкого дна разольёт лагвицу Сея».

– Хм... кое-что начинает проясняться, – задумчиво проговорил Дьюол, что-то прокручивая в своей голове. – А почему здесь так пестрит разной речью?

Татьяна пожала плечами:

– Не знаю, само как-то легло...

– В принципе, картинка вырисовывается, – заключил Дьюол, но развить свою мысль не успел, в разговор вмешался Полянский:

– Дьюол, вы позволите мне покопаться в этом ребусе? Я когда-то увлекался древнерусским и смогу быть полезен.

– Почему бы и нет. Валяйте, мастер! – благодушно разрешил Дьюол.

– Вероятно, здесь речь идёт о каком-то объекте или рельефе местности, вытянутом с запада на восток, плечи лука подпирают – вечор и брезг... объекте похожем на лук, живая тетива – это натянутая тетива и зрит она в полночь, то есть на север, следовательно, кончик стрелы должен смотреть на юг или полудне. Касаемо всевидящих старцев, то тут проще простого – это семь звёзд ковша Большой Медведицы. Помнишь, Танюша, мы вчера только об этом говорили?

Татьяна согласно кивнула.

– Значит, наш объект находится где-то в Северном полушарии, – поставил точку Полянский.

– Bravo, мастер, bravo! Вы быстро соображаете, – хлопнул в ладоши уже Дьюол. – Ваш вывод подтверждает и текст легенды. Я долго ломал голову над смыслом «стеzi полнoчных чувств», а теперь всё встало на свои места, у этого слова есть второе значение. Полночь или полночь – это на древнерусском означает север, получается, что «стеzi полнoчных чувств» – это дорога в направлении севера, или ощущение северного пути. А что вы скажете о второй части книжного текста?

– Ну-у... скорей всего, что лагвица Мары – это образ наполненной чаши ночи, самой долгой ночи в году, когда дню, или свету – Сея отводится всего часов пять в сутки. А это уже конкретная дата – день зимнего солнцестояния, два-

дцать первое или двадцать второе декабря в северном полушарии... как в этом году будет – нужно посмотреть в календаре.

– Всё верно, мастер, всё верно, мы не ошиблись в вас, – расщедрился на похвалу Дьюол. – Но есть ещё кое-что важное... Я знаю, что является луком, в древности такую форму имели Гиперборейские горы, да и сейчас имеют, они, действительно, были вытянуты с запада на восток, а теперь на месте их развалин находятся Северные Увалы. Далее, Луна и Солнце это не что иное, как два полюса, отрицательный и положительный, они как раз и отражают два рабочих качества Двумиких Врат, спираль – это символ изначальной жизни, вытянутая – жизни во времени и действии, получается, что спиральная арка и есть те самые врата. И ещё, рукоять сжатая дланью тайны говорит о том, что с этого дня у врат начинается мёртвый сезон, как я понял, аж до самого весеннего равноденствия. А посему, мы должны успеть до контрольного времени, чтобы не вляпаться в нудное и опасное ожидание.

– Прекрасная работа, друзья мои! Поздравляю, с мёртвой точки мы сдвинулись! – с чувством объявила Мердина. – Что ж, теперь у нас есть примерное место и время, а это уже немало. Остаётся найти саму проекцию врат и активатора ключа. Танечка, что ты ещё можешь нам сказать?

Татьяна на минутку задумалась, словно перетряхивая про себя свою память...

– Знаете... вот это, наверно, то, что нам нужно... В последней части книги мои герои вышли на довольно высокий и крутой берег озера, такого не очень ровной квадратной формы... Они восторженно глядели вниз на изумрудную гладь воды, и вдруг девушка, моя главная героиня, услышала в своей голове очень красивую мелодию и почти сразу увидела в озере отражение какой-то местности. Она увидела эту картинку одна, причём в мельчайших деталях, ей даже показалась, что она сама находится внутри картинки и напитывается ощущениями той местности... Позже, именно эта подсказка помогла им найти конечную цель путешествия, – выдала очередную порцию информации Татьяна.

– Так это же моя картина, она тоже квадратная! Точно картина! – неожиданно выпалил Полянский. – Тань, скажи им, как ты проникла в неё и что увидела. Это и есть путь!

Мердина с Дьюолом переглянулись и вместе уставились на Татьяну.

– Ну да, было такое... и ощущения похожие и музыка опять же... Да, да, всё верно... да, ты прав, Валерочка, мне стоит попробовать заглянуть в неё снова.

– Зачем же дело встало? – быстро отреагировала Мердина. – Откладывать не будем, прямо сейчас и займёмся этим. Дружно поднимаемся и вперёд!

– Только оденьтесь, нам ещё соплей ваших не хватало! – шуточно бросил вдогонку Дьюол. – Идите, я скоро буду.

– И то правда, заскочите к Тане, а я вас в мастерской по-

дожду, – поддержала своего друга Мердина.

Когда Татьяна с Полянским вошли в мастерскую, Мердина уже выдвинула картину на видное место и что-то в ней пыталась разглядеть. Следом за ними появился Дьюол.

– Итак, все на месте, для эксперимента всё готово. Будем приступать! – громко объявила Мердина. – Танечка, ты вспомни, как было в прошлый раз и, пожалуйста, сконцентрируйся на имеющихся данных, нам нужна конкретная информация о месте врат.

– Хорошо, я попробую, – автоматически ответила Татьяна, уже мысленно настраиваясь на связь с картиной. Всё получилось, как и в прошлый раз, вначале она утихомирила свой ум и, ухватившись за мелодию, стала вживаться в образ девушки на полотне. Прошла минута, а может, больше, Татьяна с трудом улавливала смысл времени, так быстро её захватил вихрь знакомых чувств... В круговороте этого сладостного безумия, она всё же успела подумать о цели своего появления здесь и тут же какая-то неведомая сила понесла её вдаль...

Очнулась она неожиданно, резким толчком, едва устояв на ногах. Татьяне казалось, что её голова стремительно кружится вместе с полом и стенами мастерской. Ещё чуть-чуть и она бы упала. Но в этот момент её подхватили чьи-то руки и бережно перенесли на диван. Над ней кто-то склонился, но его лица девушка разглядеть не смогла, всё буквально расплывалось перед её глазами. А потом и вовсе наступила

крошечная темнота.

IV

В покоях Дьюола и Мердины царила рабочая обстановка, они очень обстоятельно обсуждали сегодняшний день, вдумчиво разбирая его результаты. Когда всё было разобрано и расставлено по полочкам, Мердина спросила:

– Как ты думаешь, дорогой, смогла ли она что-то увидеть?

– Трудно сказать... но судя по её состоянию, наша девочка забралась очень далеко, вибрационный фон прямо-таки зашкаливал, да ты и сама видела. Я кое-что уловил из её остаточных мыслей, но там одни обрывки, длинный тоннель, долина реки, холмы, пещера... Хотя эта информация мало что даст, таких мест хватает, разве что тоннель... он очень похож на мой.

– Это тоже хлеб, мой Дьюол, во всяком случае, мы можем уличить её в обмане.

– Ну да, хоть не втёмную. Времени у нас слишком мало, милая, очень мало, чувствую, скоро зашевелиятся наушники Ханмары. И тогда для нас начнутся лихие времена.

– Ты прав, дорогой, надо спешить, я долго не смогу водить их за нос, эта неразлучная парочка – Харлидей с Сальерсом уже лезут мне под кожу, они о чём-то догадываются, но кроме домыслов у них пока ничего нет... Однако всё может очень быстро измениться не в нашу пользу.

Словно в подтверждении её слов внутри Мердины вспыхнул маячок сигнала, она насторожилась, настраиваясь на те-

лепатический контакт. Через минуту женщина смогла обрадовать своего возлюбленного внезапным приглашением на приём к лорду Сердвуку. Дьюол прекрасно знал цену таким незапланированным встречам и особой радости не выказал.

– Что скажешь, мой Дьюол? – спросила Мердина, пытаясь скрыть ощущение тревоги.

– Скажу, что надо быть во всеоружии, тиски начинают сжиматься, если мы добьёмся отсрочки, то на несколько дней... ежели, конечно, повезёт.

– Ты прав, времени у нас уже нет. Послушай меня, послушай внимательно... чтобы не вызвать подозрение появимся порознь, сначала я, потом ты. До твоего прихода я постараюсь разрядить обстановку, а ты будь готов обещать всё, что угодно в недельный срок, а за это время мы успеем собрать информацию и подготовить отход. Чтобы тебе не говорили, стой на своём, что ты уже у цели и осталось лишь отшлифовать детали. Придётся сдать им часть информации... я предлагаю версию о возможном хаосе после открытия врат, полагаю, они клюнут.

– Идёт, этим и зацепим их. Все козыри у нас на руках, работа близится к завершению. Мердина, на всякий случай я подстрахуюсь.

– Хорошо, это не помешает. Я у себя, быстро переоденусь и в путь.

– Подожди, Мердина! – остановил её мужчина. – Знаю, не время сейчас... Скажи, то, что ты говорила тогда Татьяне –

правда?

– Я много что говорила, – лукаво улыбнулась она. – Тебя интересует что-то конкретное?

– Я про то, что тебе надоела вся эта мерзость, и тебе стало жалко людей.

Мердина вздохнула и с виноватой улыбкой покачалась:

– Отчасти – да, я почти не играла, Дьюол... Ладно, я к себе.

В назначенный час Дьюол появился возле замка лорда Сердвука, но появился он не один, неподалёку расположились его верные «охотники», готовые по первой команде прийти на выручку своему хозяину. Эти воины могли часами сохранять невидимость, и по боевым качествам были куда искусней охраны лорда и его гостей, они являлись лучшими образцами его селекционных работ с геным материалом разных рас, но основу их гениальности и универсальности составляли гены самого Дьюола. Он считал их своими детьми, а «охотники» отвечали ему невероятной, самозабвенной преданностью. Поэтому, насчёт своей безопасности Дьюол был относительно спокоен, а больше надеялся на то, что дело не дойдёт до силового разрешения.

Дверь ему открыл тот же слуга, затем настала очередь дворецкого, произнёсшего несколько дежурных фраз. Проследовав через длинный зал, Дьюол на секунду остановился у первой двери, ещё раз проверяя свои ощущения, и уже без остановок проделал знакомый путь до кабинета лорда

Сердвука. Там его ожидали всё те же знакомые лица. После общепринятых приветствий он расположился на отведённом ему кресле. На правах хозяина первым заговорил лорд Сердвук:

– Дьюол, мы пригласили вас для того, чтобы прояснить некоторые неясности... Двое присутствующих здесь считают, что сроки вашего расследования сильно затянулись, а настоящие результаты не оправдывают себя. И ещё существует мнение, что вы сознательно затягиваете это дело, вынашивая какие-то свои выгоды в обход общего дела. Леди Мердина пыталась заверить нас в обратном, лично мне её доводы показались убедительными, но других они не удовлетворили. Уважаемый Дьюол, мы хотим знать, как всё обстоит на самом деле?

– В первую очередь хочу выразить благодарность леди Мердине за поддержку, я не знаю, в чём заключались её доводы, но всё равно признателен ей, – произнёс Дьюол, поднимаясь и демонстративно кланяясь женщине.

Мердина ответила лёгким кивком головы.

– Господа, что же касается обвинений в свой адрес... то, если честно, я не совсем понимаю причины таких подозрений, я тысячи и тысячи раз доказывал преданность нашему общему делу и никогда не давал повода усомниться в своей компетентности...

– Дьюол, не нужно этого позёрства! Вас никто не обвиняет в прошлых грехах и не отбирает у вас ваших заслуг,

мы имеем в виду настоящее дело, которое уже успело порастить вашими домыслами и недомолвками, – резко высказался Харлидей.

– У вас есть конкретные обвинения, сэр Харлидей? Или одни лишь ваши домыслы?– усмехнулся Дьюол.

– Что?! – взбесился его оппонент, переходя на угрожающее рычание. – Да что вы себе позволяете, кто вы такой здесь?! Вы, ты... Ты никто!

– Я есть я, и уж точно не ваша собачка на побегушках, – спокойно ответил Дьюол.

– Дети мои, дети мои, давайте сменим тональность, – тут же вмешался кардинал Лоренти, – мы все сейчас на грани, но не забывайте, что наша сила в согласии.

– К чёрту ваше согласие, кардинал, к чёрту, этот чужекровка насмехается над нами! Разве вы все не видите, не видите?!

– Дьюол, вы явно перегнули палку, вы не ровня нам! – поддержал своего друга Сальерес. – Вы сейчас же должны извиниться.

– Дьюол, я прошу вас, сделайте это, – обратилась к нему Мердина.

– Видали, у этого чужекровки заступница объявилась! И каким же местом он купил тебя, а, рыжая бестия?! – пошёл в разнос Харлидей.

– Лучше за своими потаскушками приглядывай, рогоносец! – не осталась в долгу Мердина, видимо, что-то зная.

– Что?! Да ты... ведьма!

– Я и не спорю, – мило улыбнулась женщина.

В эти секунды Дьюол готов был разорвать Харлидея, но всё же сдержался, поклявшись себе, что никогда не простит ему этих слов.

– Прекратите! Все прекратите, хватит! – громогласно осадил стороны лорд Сердвук. – Вы хотите выцарапать друг другу глаза, чтобы обезуметь совсем?! Вы забыли, зачем мы здесь собрались и вообще, зачем существуем?!

– Нет, мы не забыли, лорд, но этикет никто не отменял, – сказал дон Сальерес, – мои слова остаются в силе, иначе разговора не получится.

– Я готов принести свои извинения сэру Харлидею, но и он пусть извинится перед леди Мердиной, это будет правильно, ну а я как-нибудь перебыюсь, – произнёс Дьюол, тем самым разряжая обстановку.

Как ни странно, но Харлидей согласился, обменявшись извинениями, они вновь приступили к теме незапланированной встречи.

На этот раз Дьюол очень обстоятельно рассказал о своих успехах в расследовании и временных шероховатостях, уверив всех присутствующих в окончательном успехе дела. И посетовав на нехватку времени, попросил ещё неделю на заключительный аккорд. А в качестве последнего довода раскрыл их с Мердиной домашнюю заготовку, которая была встречена с заметным интересом, возможность повлиять на

вибрационный фон планеты вселяла в присутствующих особые надежды.

Таких групп избранных было несколько, каждая из них отвечала за свою сферу деятельности, в том числе и регион. К «юрисдикции» лорда Сердвука как раз относилась европейская часть этого многослойного пирога тайной власти.

Подвёл итог не совсем простого разговора сам лорд Сердвук:

– Господа, несмотря на возникшее непонимание, я удовлетворён нашей встречей, компромисс найден и это главное. Теперь окончательные сроки определены. Дьюол, с этого дня вы уже на испытании и промашки быть не должно, в противном случае — вы знаете, что вас ожидает.

– Знаю и постараюсь оправдать доверие, — с достоинством ответил Дьюол.

– Вас, леди Мердина, это тоже касается, вы теперь его поручитель, с вас такой же спрос, — с нескрываемым злорадством напомнил Харлидей, предвкушая свою месть в случае их неудачи.

– Разумеется, мой друг. Поверьте, я не стану как страус прятать свою голову в песок, — сверкнула своими зелёными глазами женщина.

Сразу после появления в своей усадьбе, Дьюол вызвал на территорию Сигурда, его верный слуга тот час же появился.

– Сигурд, с сегодняшнего дня у нас на одного врага стало больше, а может, и на два. Это избранные и они будут гото-

вить мечь. Так что – делай выводы. Усиль контроль подступов к территории по всему периметру на предельную глубину, выстави там дополнительные силы. Обо всех странностях и подозрительных лицах докладывай мне лично! Ты понял?

– Понял, Хозяин. Можете не сомневаться.

– И ещё... подготовь к экстренной эвакуации пять «саней» по северо-западному маршруту, проверь лично, тревожный запас по высшему уровню, на пути следования поставь сюрпризы, задействуем в случае погони. Если они решатся на штурм все подземные лаборатории и коммуникации должны быть уничтожены. Да, продумай отходные маршруты для obsługi. Всё остальное по плану.

– Сделаю, Хозяин, – коротко ответил Сигурд и, получив разрешение, удалился.

Уже наступило утро, но рассвет не спешил пробуждаться от сумрачной спячки. Вдохнув всей грудью свежесть морозного воздуха, Дьюол зашагал к основному зданию. В холле его уже поджидала Мердина.

– Дал новые указания? – спросила она.

– Эти меры предосторожности не лишние. Да ты и сама всё понимаешь.

– М-да... неделя срок небольшой, если ничего не изменится... Харлидей ждать не любит, это не в его стиле, полагаю, под нас начнут копать на всех направлениях, – озабоченно произнесла женщина.

– Я виноват, не сдержался... сам не понимаю, как это вы-

шло, – вздохнул Дьюол. – Прости меня, Мердина.

– Не вини себя, мой дорогой, это должно было случиться, рано или поздно, – попыталась утешить его женщина и тут же прыснула от смеха:

– Зато, как ты ему по носу щёлкнул, одно удовольствие! Я чуть со смеху не умерла, еле сдержалась! Видел бы себя в зеркале этот напыщенный индюк!

– А сейчас этот напыщенный индюк рисует план нашего уничтожения, – заметил Дьюол. – Ну и чёрт с ним, мы тоже не лыком шиты!

– Мне уже нравится твоё настроение, мой Дьюол. Пока мы вместе – мы сила, помни об этом всегда... я никогда тебя не предаю, мой родной, – ласково произнесла женщина, прижимаясь к своему избраннику.

Почувствовав ответную нежность сильных горячих рук, Мердина затихла в его объятиях.

– Странное ощущение, любимая... я знаю, что скоро мы исчезнем отсюда навсегда и никогда, никогда больше не вернёмся... Где-то там нас ждёт другая жизнь, совершенно другая... Но откуда же эта грусть? – почти прошептал он.

– Так всегда бывает, мой Дьюол, мы привыкаем к своему прошлому и грустим, когда теряем его... но это пройдёт, обязательно пройдёт, в этом нет ничего дурного...

– Да, ты права... и это пройдёт.

– Ты стал сентиментальным, мой милый, таким ты ещё больше мне нравишься, – проворковала довольная Мердина.

– Не нужны нам сейчас эти сантименты, – будто сбросил с себя наваждение Дьюол. – Мы должны быть сильными и злыми! Иначе эта свора шакалов нас на части разорвёт!

Мердина отстранилась и внимательно поглядела ему в глаза:

– Я согласна с тобой, Дьюол. Не пора ли нам посетить нашу Танечку?

– В самое время, мне доложили, что она уже проснулась. Когда они вошли в комнату Татьяны, та, в самом деле, уже бодрствовала лёжа в постели. Полянский всю ночь продежурил возле кровати девушки и выглядел порядком уставшим.

– Ну как самочувствие, путешественница? – прямо с порога раздался бодрый голос Мердины.

– Спасибо... неплохо, – ещё сонно ответила Татьяна.

– Вижу, твой верный рыцарь глаз не смыкал. Завидная преданность, ты счастливица, Танечка.

Татьяна с благодарностью взглянула на Валеру и немного смутилась. Уловив влюблённый взгляд Полянского, Мердина улыбнулась краешками губ.

– Вы хотели узнать, что я видела? – поспешила с вопросом Татьяна.

– Да, Танечка, хотим, – не стала деликатничать Мердина.

– Мердина, Таня ещё слаба, ей бы отлежаться немного, – вступился за девушку Полянский.

– Мы бы рады, мастер, но обстоятельства диктуют своё, у нас уже практически нет времени, сейчас на счету каждый

час, – опередил свою возлюбленную Дьюол.

– Ситуация, действительно, очень сложная, мы почти уверены, что наше убежище рассекречено... у нас остаётся от силы два – три дня, потом начнётся самое страшное. Нам нужно спешить, Танечка! – подтвердила Мердина.

– Я в порядке... я готова всё рассказать, – негромко произнесла девушка. – Я помню всё... сначала меня вынесло в какой-то полутёмный тоннель, очень длинный... я даже потеряла счёт времени... потом я очутилась в долине реки и какое-то время шла по ней в сторону видневшихся холмов... холмы были довольно высокими, в ложбине между холмами я обнаружила пещеру, она открылась передо мной так неожиданно, даже вблизи её невозможно было разглядеть. Довольно странная пещера, таких я ещё не видела, три каменных зала соединялись тоннельными переходами... мне даже показалось, что она была рукотворной, уж очень ровная сглаженная поверхность камня... и ещё там были какие-то знаки, очень много знаков, похожих на спирали с разными линиями и фигурками. Я прошла сквозь всю пещеру и оказалась у другого выхода. А когда я уже выходила на свет передо мной вдруг вспыхнула огромная очень красивая радуга, она была похожа на арку, упиравшуюся сводом в небо и касавшуюся земли. А потом всё исчезло, и я вернулась...

– Татьяна, ты хорошо запомнила это место? Ты сможешь узнать его? – тут же спросил Дьюол.

– Да... скорее всего, смогу, его трудно не узнать.

– Ты гений, девочка!

– Ну вот, теперь у нас осталась задачка с одним неизвестным, – с улыбкой заметила Мердина, – ещё один шагок и мы у цели.

– Мердина, ты имеешь в виду тень Лунной Девы?

– Да, Танечка, да, в этой неизвестной особе и таится самое главное. Ты ещё не поняла, кто или что ей может быть?

– Знаете... у меня есть одно предположение, но я бы хотела ещё поразмыслить наедине... Давайте встретимся чуть позже, тогда я буду лучше готова, – попросила отсрочки девушка.

– Ну, хорошо, так и сделаем, – согласился Дьюол. – Ты оповести нас, когда будешь готова. Мы уходим. И вы, мастер, тоже на выход, отоспитесь пару часиков.

– Да, Валера, иди, поспи немного, я в порядке, – поддержала Дьюола девушка.

– Добро, Танюша, если ты настаиваешь... Но если что нужно – зови, – нехотя согласился Полянский.

Все трое дружно собрались и оставили Татьяну наедине со своими мыслями. А подумать ей было о чём, ситуация развивалась настолько стремительно, что поглотила почти все её козыри, оставался лишь один. Девушке очень хотелось услышать совет своего тайного друга, и она сразу же после ухода гостей мысленно позвала его. Ответ поступил незамедлительно. Услышав всё, что хотела, она с улыбкой направилась в ванную комнату. Не спеша Татьяна привела себя в порядок,

используя возникшую паузу для упорядочивания своих мыслей. Теперь она была главным действующим лицом, живым центром всего этого сложного действия, продуманного кем-то до мельчайших подробностей. С каждым днём глубинная память девушки радовала её всё новыми и новыми проблесками из её прошлого. И пускай пока это были лишь отдельные фрагменты, обрывки, вырывавшиеся из глубин Татьяны вспышками озарения, но всё равно они давали ей надежду на скорое пробуждение. Предчувствие чего-то очень важного, уже вызревшего в своей потенциальной силе и дожидавшегося лишь какого-то знака, не покидало девушку уже вторые сутки. Сознательным оттягиванием времени разговора Татьяна давала возможность Дьюолу с Мердиной возгореться ещё большим нетерпением, другой цели она не преследовала, свои дальнейшие шаги девушка уже знала.

Часа через два она решилась и через слугу оповестила хозяина усадьбы. Однако место встречи девушка назначила сама, не в кабинете Дьюола, а у своего любимого дерева. Получив через того же слугу согласие Дьюола, она стала собираться. Возле мастерской Татьяна встретила Полянского, и что-то быстро шепнула ему на ухо. Тот в ответ согласно кивнул. Они молча направились по дорожке в сторону видневшегося мостика, лишь изредка обмениваясь короткими фразами. К назначенному времени все четверо собрались возле причудливого дерева. Татьяна погладила его морщинистую кору и вопросительно поглядела на Дьюола с Мердиной:

– Вы готовы дать слово чести, что возьмёте с нами Валеру, если я расскажу вам свой последний секрет?

– А ты уже знаешь, кто тень? – в свою очередь спросил Дьюол.

– Знаю. Но расскажу, если вы выполните моё условие. Согласитесь, не такое уж оно принципиальное для вас... взамен вы получите гораздо больше.

– Это и странно для нас, Танечка... Может, пояснишь, отчего такая сговорчивость? – вступила в разговор Мердина.

– И ещё один вопрос – почему ты назначила здесь встречу? – не без ехидства поинтересовался Дьюол. – Это дерево прямо магнитом тебя манит.

Недолго думая, Татьяна пошла в наступление:

– Не вижу никакой почвы для подозрений, что бы вы там не думали, я предлагаю вам беспроигрышный вариант... Всё без обмана, вы выполняете моё условие, я довожу вас до самых врат и открываю их... а там уже как получится. Захотят они вас принять или нет, я не знаю. Наверно, суть в том, что вы хотите там найти... от этого и зависит результат.

– Ты говоришь загадками, девочка, для полного доверия нужна твёрдая почва, – произнёс Дьюол. – Нам бы хотелось полной ясности.

– Какой ясности, Дьюол? Всего даже я не знаю, я лишь проводник, знающий, как открыть врата, а что дальше – мне не известно. Даю вам честное слово.

– Хорошо, Таня, меняем твоё честное слово на наше, нас

устанавливает такой обмен. Но если ты нас обманешь, не взыщи, – подытожила промежуточные итоги разговора Мердина.

Её пронзительные зелёные глаза доходчиво говорили, что она не шутит.

– До этого дело не дойдёт, Мердина, всё будет без обмана, – заверила её девушка.

– Принимается, мастер в деле! – рубанул по воздуху рукой Дьюол. – А теперь поведай нам о тени и ключе.

– Знаете, здесь оказалось всё просто... когда я была ещё ребёнком бабушка посвятила мне одну сонату и назвала её – «Песнь Лунной Девы». Я совсем забыла про эти ноты, но перед встречей с вами случайно обнаружила их, тогда я ещё не знала, что они значат для меня, а теперь поняла... они и есть активатор ключа, а тенью является моя бабушка, она всегда шла впереди меня и вела меня за собой... Изначальные ноты я сожгла, но соната в моей памяти, в любое время дня и ночи я смогу её воспроизвести голосом. Но сразу предупреждаю, если вы захотите её из меня вытащить, у вас ничего не получится, можете и не пробовать. Вот мой ответ.

– Как всё гениальное просто! – буквально пропела Мердина. – Ах, ах, ах... а мы чуть не сломали себе головы... Нет, Танечка, мы не станем вытаскивать из тебя сонату силой, доверимся твоему честному слову. Правда, мой Дьюол?

– Раз обещали, так и будет, – кивнул головой мужчина и перевёл взгляд на Татьяну:

– Ты точно сможешь это сделать?

– Я смогу, – ещё раз заверила всех Татьяна.

Во время разговора Полянский молчал, помня слова Татьяны и прекрасно понимая, что именно сейчас решается его судьба.

– Татьяна, тот тоннель, что ты видела, действительно, похож на мой? – вновь спросил Дьюол. – Это не праздный вопрос, от точности твоего ответа многое зависит.

– Да, теперь я уверена, это тот самый тоннель.

Дьюол переглянулся с Мердиной и, получив в её взгляде одобрение, решился на последний шаг:

– Так, все точки в нашей договорённости расставлены, у нас есть два дня на подготовку, сегодня и завтра, этот срок оптимальный. О часе отбытия я объявлю позже, а пока можете быть свободны, отдыхайте, набирайтесь сил. Все организационные заботы я беру на себя. Да, если что-то вспомните полезного, не таитесь, мы же теперь партнёры.

– Разумеется, Дьюол, – за себя и за Полянского ответила Татьяна.

После того как Мердина с Дьюолом ушли, Татьяна вновь погладила дерево и улыбнулась. Ничего не понимающий Полянский вопросительно поедал девушку взглядом.

– Тань, я сделал, как ты просила... Что всё это значит? – не выдержал минутного молчания Валера.

– Скоро узнаешь, Валерочка, скоро узнаешь... а пока будем отдыхать и наслаждаться жизнью, – с загадочной улыб-

кой ответила девушка.

V

В резиденции теневого властителя земного мира Ханмары сегодня царило нервное беспокойство, с самого утра он был не в духе и слуги с охраной старались не попадаться ему на глаза. Ханмара всегда чувствовал запах плохих новостей, и сейчас это чувство не покидало его. Эта была одна из многочисленных его резиденций на внешнем плане планеты и находилась она на одном из тихоокеанских островов. В последние годы он редко покидал сферы астральных миров, которые тесно граничили с поверхностью Земли, но были невидимы человеческому глазу. В этих околоземных мирах сейчас ему было значительно комфортнее, весь «нектар» человеческих страстей оседал в их чреве, давая ему возможность насладиться чудодейственным коктейлем из низменных человеческих чувств. А в его земной вотчине всё шло не так, как он привык видеть тысячелетиями, пространственные энергии нарастали с каждым днём, буквально иссушая по каплям его потемневшую душу. Под натиском невыносимых фотонных излучений и возросшей активности светлых межгалактических сил его некогда всемогущий клан сдавал свои позиции, сдавал одну за другой. Да, они были ещё сильны, их преданные вассалы всё ещё стояли у руля планетарной власти, в их руках всё так же находились несметные богатства, накопленные бесчисленными войнами и хитроумной системой оболванивания людей. Но вся эта некогда мо-

гучая конструкция порабощения человеческих душ уже дышала на ладан, она скрипела как старая несмазанная телега, раскачиваясь от каждого порыва «Огненного ветра». Ханмара и его приближённые судорожно искали всевозможные спасительные ниточки, чтобы хоть на десять лет, хоть на год продлить своё господство на этой планете. Самым эффективным противодействием всё нарастающим потокам «Огненного ветра» они считали создание управляемого хаоса, который своими тёмными вихрями нарушал стройные порядки фотонных излучений и вносил дисгармонию в психосферу планеты. Но постоянно поддерживать систему хаоса становилось всё сложнее, маски лживой добродетели уже не спасали правителей Земли, мир становился всё более открытым и прозрачным, его трёхмерные рамки уже начинали таять в более высоком измерении, пробуждая от сна многие человеческие души.

На самом пике своих удручённых мыслей повелителю доложили о прибытии двоих избранных. Дав согласие на приём незапланированных гостей, Ханмара перешёл из своего кабинета в овальный зал, служивший для таких встреч. Ещё несколько веков назад он распорядился оборудовать зал кривыми зеркалами, усмотрев в этом нехитрую потеху для своей циничной натуры, его откровенно забавляли карикатурные образы своих подданных. Облик Ханмары совсем не походил на воплощение вселенского зла, можно даже сказать, что он был по-мужски красив: вполне европейские черты лица,

иссиня-чёрные длинные волосы, немного вытянутый с горбинкой нос, вот только глаза выдавали в нём демона тьмы, в них отражалось его злое величие вместе с холодной необузданной силой. Но те, кто знал его ближе, не заблуждались этим вполне человеческим образом, у Ханмары было много лиц.

Спустя минуту двустворчатые двери распахнулись и на пороге зала появились Харлидей с Сальересом. Получив разрешение приблизиться, они сделали несколько шагов и, остановившись на почтительном расстоянии, поклонились.

– Что привело вас ко мне? – небрежно спросил Ханмара, не отвечая на приветствие.

Вошедшие переглянулись, видимо, решая кто начнёт разговор. Первые слова прозвучали из уст Харлидея:

– Мой Повелитель, мы прибыли не с лучшими известиями... но они очень важны.

– Хм, раньше за плохие вести гонцам отрубали головы. Не боитесь возродить традицию? – криво усмехнулся Ханмара.

На лицах избранных появилось замешательство и даже испуг, однако Сальерес поддержал своего друга:

– Повелитель, ваше право решать нашу судьбу... но прошу, сначала выслушайте нас.

Ханмара махнул рукой, разрешая им высказаться.

– Повелитель, в нашем стане завелись предатели, и мы можем назвать их имена, – проговорил Харлидей.

– Прежде чем вы их назовёте, я хочу знать, есть ли у вас

доказательства их вины, – глаза Ханмары буквально буравили лица гостей.

– Есть, Повелитель, сначала это были подозрения, а теперь у нас есть прямые доказательства их причастности к заговору.

– Даже так! – громыхнул Ханмара, наливаясь гневом. – Их имена!

– Это леди Мердина и Дьюол, Повелитель, – доложил Харлидей, ожидая реакции своего кормчего.

– Мердина?!.. Дьюол, Дьюол... Это тот самый воин из созвездия Ориона, что когда-то прибил к нам?

– Точно так, Повелитель. Он не наших кровей.

– Я слышал о нём только лестные отзывы, да и Мердина всегда была предана мне. Вы не ошиблись?

– Нет, Повелитель, не ошиблись, за последнее время многое изменилось, – уже ответил Сальерес.

– Так рассказывайте всё, что знаете, без утайки, – дал добро Ханмара.

Харлидей начал рассказ с самых истоков расследования Дьюола, описав в подробностях всё, что было известно на их уровне. Начал он с пришельца из рода Дивьянов, потом перешёл к его сговору с одним из посредников, увязав их разговор с Двудикими Вратами, из-за которых и разгорелся весь этот сыр – бор. Особое место в рассказе уделил русской девушке Татьяне, владевшей тайной ключа от врат, которая напрямую была связана с картиной художника Полянского. А

в конце доложил о результатах своего параллельного расследования. Детали, упущенные Харлидеем, с готовностью восстанавливал Сальерес. Ханмара слушал очень внимательно, не перебивая, но чувствовалось по его лицу, что рассказ запал в его сердце.

Выслушав всё до конца, Ханмара задумчиво прошёлся по залу и, возвращаясь назад, спросил:

– Значит, их близость способствовала заговору, и решение вскрыть врата они принимали вместе?

– Именно так, Повелитель, они уже второй месяц вынашивают этот план, а нас вводят в заблуждение, – произнёс Сальерес, – вот и вчера они снова попросили недельную отсрочку...

– Вы что хотите сказать, что наш корабль уже дал течь, и первые крысы уже бегут?! – моментально вскипел Ханмара. – Ну, что скажете?! А может, и вы уже на очереди?!

– Что вы, Повелитель, мы всецело преданы вам, поэтому мы здесь. Мы не отвечаем за этих отступников и готовы принести вам их головы, – поспешил заверить его Харлидей.

– Нет, вы за всё несёте ответственность, за всё, что творится в вашей вотчине! И запомните это раз и навсегда! Это ваш общий промах, общий, и Сердвуку это передайте! – продолжал неистовствовать Ханмара, а потом вдруг сменил тон:

– Где они скрываются?

– В усадьбе Дьюола, Повелитель, это в России, – ответил Сальерес.

– Так, если эти двое попросили отсрочку, то хотят уложиться в эти сроки. Источник информации надёжный?

– Самый надёжный, Повелитель, это один из посредников, мы его уже давно купили со всеми потрохами, – заверил Ханмару Харлидей. – Их служба безопасности перехватила переговоры этой парочки, как раз по нашему вопросу, так что не сомневайтесь. Посредники сами озабочены этой проблемой... я убеждён, что скоро они нагрянут к нам со своими жалобами.

– Двумикие Врата... хм, может, в них и есть наш последний довод, – усмехнулся Ханмара, обдумывая что-то своё. – Харлидей, ваши разведчики уже там?

– Да, Повелитель, они рядом и пока не выдают себя, внешние подступы хорошо контролируются «охотниками» Дьюола, а эти головорезы очень бдительны.

Ханмара кивнул и отдал недвусмысленный приказ:

– Слушайте оба... это особое дело, проблем с избранными у нас ещё не было, поэтому займётесь им лично. Харлидей, ты назначаешься главным, с тебя и спрос, а ты, Сальерес, будешь рядом и подстрахуешь. И не вздумайте перепоручить это дело своим вассалам, пожалеете! Откладывать решение мы не будем, завтра же подтяните к усадьбе лучшие наши силы и приступайте к штурму. Запомните, мне не нужны головы этих четверых, мне нужны живые источники информации! Я всё хочу слышать из первых уст! Остальных убейте.

– Будет исполнено, мой Повелитель! – с преданными гла-

зами отрапортовал Харлидей.

– И запомните, хорошо запомните, в случае промаха – оба головой ответите! Всё ясно?!

– Да, Повелитель! – в один голос ответили избранные.

– Идите, – махнул рукой Ханмара в сторону дверей, а потом вдруг окликнул своих подданных:

– Стойте! Если всё сделаете как надо, то ты, Харлидей, займёшь место Сердвука, а ты, Сальерес, станешь его правой рукой. Свободны!

Недавняя настороженность на лицах избранных быстро сменилась подобострастными улыбками, но так же было видно, что они с трудом сдерживаются от ликования, уже предвкушая близость желанной власти.

После ухода Харлидея и Сальереса, настроение Ханмары несколько поправилось, даже несмотря на предательство двух своих подданных. Перспектива устроить в этом мире новое Вавилонское столпотворение галактического масштаба легла целительным бальзамом на его истерзанное сердце. Для его клана открывалась неплохая возможность внести существенные коррективы в замыслы Собора Посвящённых и отдалить свой уход с планеты на неопределённый срок. Ханмара сделал несколько шагов в сторону самого любимого зеркала и, встретившись со своим искажённым изображением – громогласно расхохотался. От безумного смеха задрожали не только зеркала, но и стены зала, его смех вихрем врывался в каждую комнату этого трёхэтажного дома, вводя

в ужас его обитателей...

В то же самое время в усадьбе Дьюола полным ходом шла подготовка к отбытию в район Северных Увалов. Когда солнце уже клонилось к горизонту, в кабинет к Дьюолу постучался Сигурд. Получив разрешение войти, он прикрыл за собой дверь и замер в ожидании.

– Что-то случилось, Сигурд? – поднял на вошедшего взгляд сидевший за столом Дьюол.

– Хозяин, вы просили докладывать обо всех странностях и происшествиях...

– Ну и?

– «Охотниками» были замечены наблюдатели, пока их немного, они расположились вокруг усадьбы несколькими группами по двое, но границу внешнего периметра охраны не нарушали. Что прикажете, Хозяин?

– Возьми одного и потолкуй с ним с пристрастием.

Сигурд молча кивнул и вышел.

Дьюол снова погрузился в работу. Примерно через час в дверь кабинета вновь постучали.

– Докладывай, – коротко бросил Дьюол, взглянув на вошедшего Сигурда.

– Хозяин, это разведчик сэра Харлидея, он мало что знает, но утверждает, что приказ о наблюдении был дан с самого верха и в ближайшие дни готовится что-то серьёзное.

– Так, так, так... значит, зашевелился осиный улей, – с усмешкой проговорил Дьюол. – Как у тебя с подготовкой?

– Всё готово, Хозяин, «сани» исправны, укомплектованы, маршрут я лично прошёл, там всё нормально, сюрпризы расставлены. Ждём вашей команды.

– Скоро будет команда. И ещё... подготовь несколько групп прикрытия по всей длине маршрута, пускай костями ложатся, но выиграют мне время, как можно больше времени. Мне нужна фора, Сигурд. Ты понял?

– Понял, Хозяин, всё сделаем.

– Сегодня и этой ночью они точно не сунутся, а вот завтра... Завтра будь настороже вдвойне! Всё, ступай!

Сигурд поклонился и вышел.

Не успел Дьюол разобраться с мыслями, как без стука вошла Мердина.

– Что-то случилось, дорогой? – с порога спросила она. – Вижу, какой-то переполох, даже Сигурд взбудоражен...

– Да, есть немного, мы уже под наблюдением, думаю, здесь без Ханмары не обошлось. Мы взяли языка, это человек Харлидея.

– Всё-таки доложили юродивые! – вспыхнула женщина. – Сколько у нас времени, Дьюол?

– Мало, Мердина, мало... в лучшем случае, как запланировали, а в худшем – завтра крайний срок.

– У нас всё готово?

– Да, уйти можем в любой момент. На всякий случай переведём художника поближе к нашей девочке... не думаю, что они рискнут ночью или утром, такими силами не идут

на штурм, но кто его знает...

– Правильно, мой Дьюол, правильно, лучше подстраховаться, – сказала Мердина, садясь мужчине на колени.

Обвив его шею руками, она глубоко вздохнула:

– Вот и заканчиваются последние деньки нашего прошлого... а впереди одна неизвестность... Но она не пугает меня, ведь ты со мной...

Дьюол нежно поцеловал свою подругу, крепко прижимая её к себе.

– Ты – это я, а я – это ты... мы одно целое, родная моя, одно сердце, одна душа... мы с тобой одно чудесное созвучие... Я так тебя люблю!

Как же я хотела от тебя это услышать, любимый мой, хотела каждой клеточкой своего существа... и вот услышала...

Мердина, теперь я буду всегда говорить тебе эти слова и ещё много-много самых лучших слов в мире... только тебе, любимая...

VI

Татьяна с Полянским под ручку прогуливались по слегка оледеневшим дорожкам усадьбы, вспоминали прошлое и размышляли о том, что их ждёт в ближайшее завтра. Над ними сияло звёздное небо и вместе с ночной тишиной навевало лёгкую ностальгическую грусть о том, что уже не вернётся к ним никогда. После недолгой паузы Татьяна вдруг спросила:

– Валер, а ты скучаешь по Игорьку и Свете? Только честно...

– Скучаю, конечно... я очень люблю Игорёшку, а к Светке больше привычка осталась... Гад я, наверно, но ничего не могу с этим поделать, в глаза говорю – люблю, а в душе уже ничего... А раньше ведь были чувства, были... н-да, были и сплыли...

– Валера, ты не один такой, так часто бывает... любовь возгорается, а потом куда-то уходит и не надо себя винить за это.

– Опять ты меня успокаиваешь, мой ангел хранитель, – с теплотой произнёс Полянский, теснее прижимаясь к девушке.

– Да ладно тебе. Ну, какой из меня ангел-хранитель? В себе бы разобраться, – отшутилась Татьяна.

– Нет, Танюша, нет... всё правильно я говорю, ты уже столько раз меня спасала и поддерживала... без тебя бы мне не выдержать всего этого. Когда ты со мной мне ничего не страшно, мне хочется совершать подвиги и сходить сума.

– Спасибо, Валерочка, – просто сказала девушка.

– Тань, знаешь, у меня такое странное чувство появилось... я не могу представить себя дома, ну, в той прошлой жизни, такое ощущение, что всё... всё, что мог там – сделал, будто выдохся я в той жизни, выжал себя до капли... Но я хочу жить, только по-другому хочу, а как – не знаю пока. Тань, мне так стыдно... мне стыдно тебе признаться, но я не хочу возвращаться к Светке, да и вообще... Вот такой я гад!

– Валер, я не знаю, что тебе сказать... Прислушайся к сво-

ему сердцу, оно не лжёт никогда, я знаю... может, не сейчас, может, чуть позже, но оно ответит тебе, обязательно ответит, и ты всё поймёшь. Тогда всё станет на свои места. У каждого из нас своё предназначение, своя дорожка, главное понять, что это она, та самая...

– Да, верно, я и сам не раз себя проверял... иногда подворачивается какое-то выгодное дело, а сердце жмётся, не лежит к нему, неудобно как-то, холодно, значит, не твоё... А бывает, что всё наоборот, на сердце так тепло, словно оно само тебе подсказывает – вот оно твоё, возьми его, не прогадаешь.

– Валерочка, ты же зрелый и умный человек, сам всё прекрасно понимаешь, – улыбнулась Татьяна.

– Понимать-то понимаю, но не всегда делаю, что должен делать по душе, – вздохнул Полянский. – Ладно, Тань, проехали. Ты лучше скажи, что думаешь о нашем послезавтрашнем вояже? Ничего сердце не подсказывает?

– Моё сердце говорит, что всё будет хорошо, – успокоила своего друга девушка и задала встречный вопрос:

– Слышала, ты на мой этаж перебираешься, да?

– Угу, Дьюол распорядился, мол, для компактности проживания, так, на всякий случай. Да это и понятно, если за нами ведётся охота, то лучше уж всем вместе, тем более лифты в подземелье только в основном здании, как я понял. Сейчас погуляем немного, и переберусь, вещей-то у меня – кот наплакал.

– Переберёшься, так в гости заходи, чаю попьем, – предложила Татьяна.

– Если приглашаешь, обязательно зайду, – обрадовался Полянский.

– Буду ждать.

Они погуляли ещё минут десять и разошлись по своим делам, Полянский отправился собирать вещи, а Татьяна решила поразмыслить над своими дальнейшими действиями. Всё, что они обговаривали со своим тайным другом, она выполнила, но впереди предстояло самое сложное. Поэтому, оказавшись в своей комнате, она первым делом установила с ним контакт и, получив несколько дельных советов, успокоилась.

Над усадьбой Дьюола нависла непроницаемая ночь, налетевший откуда-то ветер нагнал облака, и те закрыли последние звёзды. Окна дома тоже зияли безжизненной темнотой, лишь огоньки фонарей вдоль основной дорожки напоминали о существовании здесь чего-то живого. Все подступы к усадьбе надёжно охранялись системой наблюдения и верными «охотниками» Дьюола, готовыми, скорей, погибнуть, чем не оправдать доверие своего хозяина. Но не только тучи сгущались над заснувшей усадьбой, что-то невидимое и очень страшное надвигалось на эту отдалённую обитель. С каждым новым боем настенных часов в холле неумолимо приближался час развязки незримого противостояния.

Вновь наступило утро. Первый осенний снежок за ночь

успел припорошить округу и теперь весёлыми искорками переливался под лучами улыбающегося солнца. В обеденном зале было накрыто на четыре персоны, но за столом находились только Дьюол с Мердиной, остальные задерживались. Вскоре в дверях появились Татьяна с Валерой и, пожелав приятного аппетита своим новым партнёрам, приступили к трапезе. Однако закончить поздний завтрак им не довелось, через несколько минут в зал влетел Сигурд и, плюнув на все формальности, прокричал:

– Хозяин, их уже очень много и они всё прибывают, скоро штурм!

– Встречаемся в этом же составе через десять минут у моего лифта в библиотеке! Мердина, ты знаешь, что делать. Всё, уходим! – распорядился Дьюол и поспешил куда-то с Сигурдом.

Татьяна с Полянским наперегонки побежали в свои комнаты за тёплой одеждой, остальное, как сказал вчера Дьюол, уже было предусмотрено в тревожном багаже. В назначенное время к месту сбора подошли лишь трое, все в утеплённой водоотталкивающей одежде, специально сшитой по заказу Дьюола. Сам он по известным причинам задерживался.

– Ничего, скоро он будет, подождём, – успокоила своих спутников Мердина. – Он отдаёт последние распоряжения в случае нападения на усадьбу. Не бойтесь, всё будет нормально, нас прикроют его «охотники».

– Кто на нас хочет напасть? – взволнованно спросил По-

лянский.

– Это люди Ханмары, о которых мы говорили, им лучше в руки не попадаться, – ответила Мердина, уже открывая ту самую комнату, в которую по ошибке попала Татьяна.

– К спуску всё готово, осталось дожидаться Дьюола, – произнесла женщина.

Через несколько секунд в комнате погас свет, и напряжение стало нарастать. Неизвестность и ожидание невольно щекотали всем нервы.

– Мердина, как мы спустимся, электричества же нет? – всполошился Полянский.

– Не надо паниковать, здесь другая система, – на ходу объяснила ему женщина, направляясь к окну, возле которого стояла Татьяна. Чувствовалось, что и Мердина уже проявляет признаки беспокойства.

– Какие-то вспышки за ограждением... Что это, Мердина? – проговорила Татьяна, указывая рукой на озвученное место.

И в этот момент большая часть территории усадьбы погрузилась во тьму, будто её накрыла тень от крыла гигантского чёрного коршуна. Зрелище было воистину зловещим.

– Вот и началось, – проронила Мердина, потянув за руку Татьяну от окна. – Пойдём, Таня, здесь становится опасно. Давайте-ка все поближе к лифту.

Спустя минуту появился взбудораженный Дьюол, в руке он держал тот самый японский меч, который Татьяна видела

на стене его кабинета. Девушка не помнила точно его названия, то ли катан, то ли катана, но это сейчас было не важно.

– Надо спешить, они уже пошли на штурм, охрана с «охотниками» долго не продержатся, их слишком много, – указывая на лифт, быстро проговорил он.

В полном молчании они спускались вниз, но вдруг где-то наверху в доме раздался мощный взрыв, ударная волна была такой силы, что докатилась до самого подземелья, приведя в дрожь кабину лифта. Все кроме Дьюола насторожились, испытывая тревожные чувства.

– Что это было, Дьюол? – спросила Татьяна, стараясь удержать самообладание.

– Это конец моей усадьбе... пускай теперь по руинам скачут, козлики, – с горькой усмешкой ответил мужчина.

– Так это ваши люди сделали? – предположил Полянский.

– А кто же ещё, не этим же оставлять моё добро.

Они благополучно опустились прямо к посадочной платформе, где уже швартовались пять аппаратов, чем-то напоминавших бобслейные бобы, только эти были больше и полностью закрытые. Сигурд с отрядом «охотников» уже поджидал их на месте, в руках каждого из них была странная трубка с небольшой рукоятью и каким-то цилиндрическим прибором сверху. Не находя другого объяснения, девушка приняла эти трубки за оружие. Татьяна впервые увидела «охотников» в человеческом обличье, а не скользящими за её спиной незримыми тенями. В первом аппарате разместился Си-

гурд с тремя «охотниками», в следующем – Татьяна, Валера, Мердина и Дьюол, а за ними пристроились оставшиеся три экипажа с четырьмя «охотниками» на каждом борту. Остальная часть отряда осталась прикрывать их отход. Как только посадка завершилась, они без промедления тронулись в путь, стремительно набирая скорость. Но на подъезде к одной из тоннельных развилок Дьюол стал притормаживать аппарат, оповестив по экстренной связи всю колонну о своём решении.

– Подождите, я быстро! – коротко сказал он и, прихватив меч, направился в боковой тоннель.

Татьяна сразу же сообразила, что была уже здесь однажды. Недолго думая, она бросилась вслед за Дьюолом.

Когда девушка нагнала Дьюола, он стоял лицом к лицу с тем страшным существом и что-то говорил ему, всё крепче сжимая поднятый меч. Татьяна разобрала лишь обрывок его последней фразы:

– У меня нет другого выхода, прости, брат...

– Нет, Дьюол, не надо! – закричала девушка, понимая, что должно сейчас произойти. – Не делайте этого, Дьюол, я прошу вас...

Она подошла совсем близко к этому существу и дотронулась до его груди. Его сердце бешено билось, а в глазах стояли слёзы...

Дьюол взглянул на Татьяну, потом на своего названного брата и медленно опустил меч.

– Иди, брат, ты свободен, – с видимым облегчением произнёс мужчина.

Тот час же по тоннелю раскатился страшный рёв, и это странное существо бросилось на помощь к своим более удачливым собратьям по генетической селекции. Оттуда уже были слышны звуки боя, передовой отряд воинов Ханмары сумел-таки прорваться к первой тоннельной развилке, где встретился с лучшими силами Дьюола.

– Спасибо, Таня, ты дала мне выбор, – поблагодарил Дьюол, когда его несчастное, но такое преданное творение исчезло из видимости.

– Не расслабляйтесь, Дьюол, ваш главный выбор ещё впереди, – не отводя взгляда, ответила девушка.

– Может быть, – задумчиво проговорил он и тут же потянул Татьяну за собой:

– Время, уходим!

По-видимому, бой вступал в свою кульминацию, в глубине тоннеля происходило что-то невообразимое и ужасное, раздавались взрывы, то и дело темноту озаряли яркие световые вспышки. Несколько секунд Дьюол молча глядел в ту сторону, будто прислушиваясь к звукам боя, а потом приказал продолжить движение. Через некоторое время они вновь остановились. Сигурд подбежал ко второму аппарату и попросил Дьюола выйти.

– Хозяин, мне доложили, что скоро они прорвутся, «охотники» отступили, чтобы выиграть время, но их очень ма-

ло, они долго не выдержат. Если они всё-таки прорвутся, то быстро нагонят нас, вы же знаете их возможности. Может, вам телепортироваться вчетвером? – быстро проговорил Сигурд.

– Нет, Сигурд, нельзя, если бы мы были вдвоём с Мердиной... а с этими я не могу рисковать, мне нужна ясная голова этой девочки.

– Я понял, Хозяин. Тогда я оставлю здесь двенадцать «охотников», они прикроют нас, выиграем некоторое время.

– Хорошо, так и сделаем.

– Хозяин, возьмите на всякий случай этот пульт, здесь десять кнопок, пять красных с избирательными взрывами, два первых уже использовали, последний заряд заложен за три километра до конечной точки, это для безопасности, чтобы не рухнул остаток тоннеля. И пять кнопок жёлтого цвета с электромагнитными ловушками, последняя находится у самого выхода. У меня есть такой же пульт.

– Понял. Сигурд. Оставляй «охотников», трогаемся дальше!

Сигурд тут же побежал расставлять «охотников» для засады. Спустя пару минут они вновь тронулись в путь. Из всего каравана осталось лишь два аппарата, Сигурд со своей командой двигался впереди, а замыкал короткую колонну экипаж Дьюола. Переданный Сигурдом пульт чем-то напоминал морского краба, чтобы он всегда был под рукой, Дьюол положил его на панель управления.

Всё время в пути они сохраняли напряжённое молчание, но первой не выдержала Мердина:

– Дьюол, долго нам ещё?

– Думаю, минут сорок – пятьдесят, если всё будет нормально.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – образно сплюнул через левое плечо Полянский.

Однако это не помогло. Не прошло и пяти минут, как где-то совсем близко за их спинами прогремел взрыв, от которого задрожал даже каменный свод тоннеля. Толчок был внезапным и очень сильным, будто в них сзади со всего маху врезался гружёный грузовой автомобиль. Их аппарат подпрыгнул и начал резко крениться набок, на скорости развернувшись на девяносто градусов. В салоне раздались крики и возникла паника. Все повалились со своих кресел, а лежавший на панели пульт упал вниз. В этой неразберихе кто-то случайно наступил на него и тут же раздался мощный взрыв, но уже где-то впереди. Аппарат снова тряхнуло и отбросило назад. Через минуту всё стихло.

– Все целы? – спросил Дьюол, оглядывая по очереди своих спутников.

– Вроде бы, – со стоном выдавил Полянский, выбираясь из-под кресла.

– Будем жить, милый, – отозвалась Мердина, – только за синяки на заднице я тебе счёт выставлю...

– Не переживай, родная, оплатим и полечим, – принял

шутку Дьюол.

– Татьяна, а ты как? – не услышав ответ девушки, забеспокоился Дьюол.

– Да жива я, жива... ногу только ударила, – раздался слабый голос Татьяны.

Осмотром Дьюол остался доволен, никто сильно не пострадал, все отделались лишь незначительными ушибами и синяками.

– Всё, выходим по одному, я открываю верхнюю дверь, – скомандовал он.

С трудом выбравшись из изрядно помятого аппарата, они увидели довольно невесёлую картину. В тоннеле стояла плотная пылевая завеса и царила невероятная разруха, в пределах видимости валялись груды раздробленных камней, местами завалившие монорельсы. Как оказалось, техника Сигурда тоже превратилась в сплошное месиво, но он и его «охотники» были в норме, похоже, такие встряски только укрепляли их боевой дух.

Разобравшись с ситуацией, Дьюол отозвал в сторону Сигурда:

– Отправь двоих проверить тылы, а сам погляди, что там по маршруту.

– Понял, Хозяин, сделаем!

В мгновение ока «охотники» исчезли. Спустя некоторое время обе группы вернулись, и Сигурд объяснил положение:

– Хозяин, мы оказались между двух завалов, за нами

«охотники» подорвали отходной путь вместе с собой, а впереди... видимо, кто-то случайно нажал на кнопку пульта.

– Впереди большой завал? – спросил Дьюол.

– Приличный, но брешь можно пробить. Я просканировал весь маршрут за завалом, дальше относительно чисто, небольшие препятствия есть, но преодолимы.

– А что с преследователями, сколько их осталось?

– «Охотники» и электромагнитные ловушки изрядно их потрепали, не думаю, что их много...

– Их не так просто убить, они умеют защищать свои полевые структуры, – проговорил Дьюол. – Хорошо, сделаем так, бери всех «охотников» и отправляйся в тыл, скоро преследователи появятся. Попытайся их задержать. Сигурд, я знаю, что этот приказ равносителен смерти, но ты сам всё понимаешь... послужи ещё.

На лице Сигурда не шелохнулся ни один мускул, он смело поглядел в глаза Дьюолу и произнёс:

– Я всё понимаю, Хозяин... вы всегда были для меня примером, примером во всём, а ваш дом был моим домом, теперь я потерял свой дом и своих братьев, моего мира больше не существует, а вы должны жить... Я всё сделаю, Хозяин, удачи вам!

Дьюол крепко обнял своего верного помощника и сказал ему то, что никогда раньше не говорил:

– Спасибо тебе, друг мой, спасибо за всё.

Потом резко развернулся и пошёл к своим спутникам.

– С собой берём только самое необходимое: минимум воды и еды, оружие, фонари. Всё остальное – к чёрту! Передвигаемся бегом, под ноги смотрите.

Экипировавшись походными рюкзаками, они трусцой побежали вперёд, возглавлял группу Дьюол, а присматривать за тылами вызвалась Мердина. Несмотря на собственный приказ о лимите вещей, меч всё же остался у Дьюола на поясе в ножнах. Такими темпами за несколько минут они добрались до основного завала. Утомлённым казался только Полянский, он тяжело дышал и явно нуждался в отдыхе. Остальные, как ни в чём не бывало, принялись осматривать препятствие в виде груды камней до самого свода. Сам свод хотя и изрядно пострадал, но всё же световыми дырами не просвечивал. Дьюол сразу нашёл слабое место в завале и вернулся за трубкой, которую прихватил с собой из аппарата. Наставив это странное оружие на выбранное место, он дотронулся до цилиндрического прибора, и из трубки вырвался золотистый луч. После нескольких движений лучом по намеченному контуру – груды камней начала плавиться и рассыпаться в каменную пыль. Делая своё дело, луч без устали скользил по уже видимому проходу, слой за слоем вытачивая твёрдый гранит. Когда появился первый просвет, за их спинами вновь послышались звуки боя, четверо смельчаков ценой своих жизней выигрывали им драгоценные минуты времени. Мердина с Дьюолом переглянулись и, поняв друг друга без слов, выставили вперёд разведённые руки, об-

рушив оставшуюся часть проёма, даже не притрагиваясь к камням. Ослабленная конструкция завала моментально зашаталась, грозя обвалиться в любую секунду, но руки Дьюола и Мердины своей немыслимой силой остановили уже начавшееся падение. Падающие камни будто зависли в воздухе, подчиняясь какому-то магическому внушению.

– Быстрее в проход пока держим! – надрывно крикнул Дьюол. – Вещи наши заберите!

Татьяна с Валерой пулей влетели в образовавшийся проём и от греха подальше отбежали на некоторое расстояние. А Мердина с Дьюолом, сохраняя равновесие сил, стали медленно перемещаться за черту образовавшегося прохода. Оказавшись на той стороне, они ослабили хватку, и висевшие доселе камни с грохотом повалились вниз, снова заваливая большую часть проёма.

– Ну, вы и даёте! – ошарашенно прокомментировал произошедшее Полянский.

– Ничего особенного в этом нет, немного науки и психических навыков, – спокойноотреагировала Мердина и с лукавинкой в глазах взглянула на Татьяну:

– У нашей Танечки и поболее возможностей имеется, только она скромница всё таится от нас.

– Тань, о чём это она? – непонимающе спросил Полянский.

– Не слушай её, Валера, она просто переутомились, – ответила шуткой девушка.

– Ой ли? – рассмеялась Мердина.

– Хватит, не до этого сейчас! – жёстко осадил их Дьюол. – Погоня уже близко, выдвигаемся в том же порядке. Потерпите, немного осталось. Всё, вперёд!

Выстроившись в колонну, они побежали дальше. Недалеко от выхода из тоннеля Мердина крикнула:

– Дьюол, мы не одни!

Дьюол дал знак остановиться и поспешил к Мердине. Замерев, они оба стали всматриваться и вслушиваться в пространство тоннеля, откуда исходила угроза. Казалось, что они буквально сканируют пустоту своим внутренним зрением.

– Подстрахуй меня, – коротко бросил Дьюол Мердине, сделав несколько шагов вперёд со своим оружием.

Мердина молча кивнула и встала в боевую стойку. Спустя несколько секунд в метрах пяти от Дьюола неожиданно появились два странных существа, их облик чем-то походил на человеческий, но плотность тел была более разряженной. Не иначе – мерцающие привидения. Дьюол среагировал мгновенно, без всяких раздумий резанув того и другого острым лучом из своего оружия. Те пытались усилить защиту, но не успели, луч сделал своё дело, разорвав в клочья полевою структуру этих существ. Но тут же за спиной Дьюола возникла ещё одна угроза, мужчина почувствовал нападавшего, но атаковать было уже поздно, однако он всё же успел закрыть себя со спины световым щитом. Реакция Мердины

оказалась не хуже, чем у Дьюола, женщина молниеносно выбросила вперёд ладонь, выпуская из неё разящий луч. Через секунду с противником было покончено.

– Спасибо, родная, – проговорил Дьюол, уже стоя лицом к Мердине. – Это разведчики, остальные на подходе. Я выставлю последнюю ловушку, нам нужна небольшая фора, а вы бегом к выходу. Всё, вперёд!

Группа из троих человек беспрекословно двинулась в путь, а Дьюол остался колдовать с ловушкой. У самого выхода Дьюол нагнал их. Тоннель выпустил их у обрывистого берега реки, этот вход не был знаком местным жителям и до сегодняшнего дня надёжно оберегался людьми Дьюола. Но с утра охрана была снята и отправлена на усиление групп «охотников». Вскоре они вышли в долину реки, и Татьяна попросила остановиться, чтобы сориентироваться по памяти на местности.

– Ну как, узнаёшь? – нетерпеливо спросил Дьюол.

– Знаете... вроде бы да, я вспоминаю это место... одна река закручивается спиралью вправо, а вторая резко поворачивает под углом девяноста градусов... да, всё правильно, нам вдоль неё, туда, – ответила девушка, показывая направление.

– Тань, и сколько нам шлёпать до этой пещеры? – полюбопытствовал Полянский.

Девушка на секунды задумалась.

– Ох, трудно сказать... видение это одно, а на местности

совсем другое, – наконец произнесла она. – Не знаю, может, не больше десяти километров, вон же холмы уже.

– Нет, больше, если это то место, что я прикинул на карте, – поправил её Дьюол. – В любом случае стрела должна находиться в центре лука, значит, и врата неподалёку.

– Дьюол, как думаешь, Харлидей с сотоварищами отстал? – поинтересовалась мнением друга Мердина. – Что-то я их не чувствую.

– Да и я, если честно... не учуяли наш след, но это пока, Харлидей так просто не отстанет.

– М-да, этот репейник не в меру липуч, – согласилась женщина и, видя удручённое состояние своего возлюбленного, решила его утешить:

– Милый, не вини себя за их смерть, они знали, на что шли.

– Знаю, Мердина, знаю... но от этого не легче. Всё, хватит сантиментов, в путь!

Запорошенная лёгким снегом долина реки вела их к возвышавшимся в дали Северным Увалам, когда-то служивших защитным чертогом древним гиперборейцам. Там, за этими холмами тысячелетия назад простиралась великая страна свободолобивого и загадочного народа. Всё время в пути Татьяну не оставляло ощущение, что за ними наблюдают, наблюдают внимательно, но очень осторожно. Судя по лицам Дьюола и Мердины, по их постоянным оглядкам, они испытывали похожие чувства. Один лишь Полянский заморожен-

но глядел на приближавшиеся холмы и что-то бормотал себе под нос. Чем ближе они подходили к цели, тем сильнее в Татьяне боролись противоположные чувства, с одной стороны – тревога всё ещё гнездилась в её сердце, а с другой – внутри неё нарастало ощущение какой-то невыносимой свободы, ощущение, что за её спиной отрастают крылья и зовут в невыносимый полёт. Глубинная память просыпалась в ней вместе с утончённой интуицией, с каждым шагом приближая её к чему-то невыразимо родному и близкому.

Они всё ближе подходили к подножию первых холмов и уже намеревались сделать привал, но вдруг Дьюол насторожился и стал всматриваться в сторону их предстоящего пути. Остальные, как по команде тоже повернулись в ту сторону. В пределах километра или чуть больше на одном из холмов появились человеческие фигурки, казалось, что их было около двух десятков или в пределах того. Никто не сомневался, что это были преследователи, они рассыпались по склону холма и что-то искали.

– Прячемся, быстро в укрытие к холму! – скомандовал Дьюол, подталкивая вперёд остальных.

Без лишних вопросов все четверо бросились в укрытие, надеясь спрятаться в складках местности, но было уже поздно, их заметили. По появившейся активности маленьких человечков на возвышенности можно было судить, что они готовятся к встрече.

– Чёрт, они перекрыли нам дорогу! – сокрушённо прого-

ворил Дьюол. – Придётся рисковать.

– Ты хочешь переместиться поближе к месту? – спросила Мердина.

– А что остаётся? Они не пропустят нас дальше.

– Что значит переместиться? – не понял Полянский.

– Мастер, а вы не помните? Однажды вы уже испытали это незабываемое ощущение, – усмехнулся Дьюол.

– А-а... это тогда в мастерской... Хоть убей – ничего не помню, какая-то вспышка и всё, провал в памяти...

– Мы специально стёрли вашу память, Валера, а потом ввели в нужное нам состояние, – пояснила Мердина.

– Это может быть опасно для вас, но иного выхода я не вижу, – предупредил Дьюол. – Слушайте меня внимательно... чтобы не повредить вашу психику, отключите все свои мысли, станьте чистым листом и тогда всё пройдёт нормально... может быть. Гарантий нет никаких.

– Значит, на той стороне могут материализоваться два милых овоща – Танечка и Валерочка, – не к месту ляпнул Полянский.

Однако Дьюол не повелся на его сарказм:

– Не время шутить, мастер, сделаете, как говорю, и шансы удвоятся.

– И то ладно.

– Теперь станьте спинами друг к другу и делайте, что я сказал, – произнёс Дьюол.

Выполнив его указания, Татьяна с Валерой прижались

друг к другу спинами и попытались освободиться от своих мыслей. Мердина с Дьюолом встали напротив них и, замкнув руками круг, принялись нащёптывать какое-то магическое заклинание. Прошло не больше минуты и вдруг пространство вокруг них завибрировало, закружилось в световых вспышках и стало преломляться. За доли секунды этот световой вихрь исчез в пространственном разрыве вместе с ними...

Проявились они уже за спинами преследователей совсем недалеко от нужного места. Мердина с Дьюолом оказались рядом, несомненно, им был знаком опыт совместных перемещений, а вот других членов их команды немного разбросало. Татьяна стояла на коленях возле небольшого пригорка, ощущая слабое головокружение, а Полянский и вовсе лежал, не подавая признаков жизни. Первым делом Дьюол с Мердиной подбежали к девушке, её состояние сейчас было куда важнее.

– Как чувствуешь себя, Танечка? – заботливо поинтересовалась Мердина.

– Нормально, голова только кружится немного...

– Ничего, это сейчас пройдёт, это мелочи, – успокоил её Дьюол. – Ты посиди, а мы твоего художника пока реанимируем.

– Подождите, я с вами, – тут же засобиралась девушка.

Полянский лежал в той же позе, но уже подавал признаки жизни лёгким стоном. Все трое подошли к нему. Дьюол уже

было приготовился оказать ему помощь, но Татьяна остано-
вила мужчину:

– Давайте я попробую.

– Не доверяешь? – с усмешкой поглядел на неё Дьюол.

– Лучше всё-таки я, – настаивала Татьяна.

– Ну, валяй, только недолго, не забывай, кто у нас на хво-
сте.

Татьяна перевернула Полянского к себе лицом и положи-
ла на его голову руки. Ей казалось, что секунды отбивают в
её сердце ритм какой-то мелодии, руки девушки заскользи-
ли по лицу, груди Полянского, подчиняясь этому внутрен-
нему ритму, она интуитивно делала то, что никогда не дела-
ла раньше в этой жизни. Совсем скоро лицо Валеры порозо-
вело, и он приподнял голову, непонимающе оглядываясь по
сторонам.

– Валерочка, тебе лучше? – ласково спросила девушка,
глядя его по голове.

В ответ Полянский утвердительно кивнул и сжал её руку.

– Мастер, вы помните, кто мы такие? – начал свою диа-
гностику Дьюол.

– Да... вы Дьюол... а это Мердина, – немного заторможено
проговорил Полянский и перевёл взгляд на Татьяну:

– Тань... что за вопросы?

– Жить будет, – с ехидцей резюмировал Дьюол.

– И доктора не нужно, у нашей Танечки просто волшеб-
ные ручки, – вторила ему Мердина. – Я же говорила вам,

Валерий.

– Где мы? – спросил Полянский, поднимаясь на ноги.

– Почти на месте, мастер. Даю вам минуту на припудривание носика... больше не могу.

– Бросьте выпендриваться, Дьюол, я в порядке, – обиженно заявил Полянский.

– Теперь вижу! – рассмеялся Дьюол. – Тогда сориентируемся на местности. Татьяна, узнаёшь что-нибудь?

Девушка не ответила, внимательно оглядевшись вокруг, она забралась на пригорок и простояла немногим более минуты. Потом остановила свой взгляд на двух почти одинаковых слегка заснеженных холмах, расположенных чуть впереди по её левую руку.

– Вот они! Это точно они, это здесь! – вырвался из неё крик радости.

– Не ошиблась? Лучше подумай, – сказал подошедший к ней Дьюол.

– Они, они, я не ошиблась! – настаивала девушка. – Вот та ложбинка между холмами, я говорила вам о ней... а слева вход в пещеру...

– Н-да, похоже, похоже, – проговорил Дьюол. – Всё,двигаемся!

До искомого места они дошли очень быстро, уже в ложбине Татьяна попыталась отыскать пещеру, но ничего похожего на вход там не оказалось. Обследовав вдоль и поперёк оба холма, к нужному результату они не приблизились.

– Таня, что происходит? Ты обозналась с местом или специально это сделала? – несколько раздражённо спросила девушку Мердина.

– Думаешь, я вас обманываю?

– Ну, а как ещё понимать? – впился в неё взглядом Дьюол.

– Нет, я не обманываю вас! – твёрдо заявила Татьяна. – Это то самое место... только пещеры нет.

Но договорить они не успели, от соседних возвышенностей донёсся голос:

– Мердина, Дьюол, это вы так выказываете своё гостеприимство? Мы к вам с визитом вежливости – а вы решили нас поджарить на адском огне, так? Но мы готовы вас пощадить, если сдадитесь вместе с девчонкой и художником!

– Жаль, что не до конца поджарили! Но можно всё исправить! – выкрикнул Дьюол, направляя свой смертоносный луч на звук голоса.

После попадания луча Дьюола, на близлежащем холме поднялся столб из земли и снега. В ответ ложбину накрыли похожие разрывы, только в удесятёрённом количестве.

– Вот гады, чуть не угробили! – ругнулся Полянский, отряхиваясь от налипших на его одежду и голову ошмётков земли. Остальные выглядели не лучше.

– Прячьтесь в мёртвую зону, ближе к холму и не высывайтесь! – крикнул Дьюол своим попутчикам, вновь направляя на цель «огненную трубку».

Но уговаривать никого не пришлось, все устремились в

указанное место и буквально срослись со складками местности.

Обмен любезностями повторился с поразительной точностью.

– Харлидей, ты слышишь меня?! – ворвалась в разговор Мердина. – Тебе какой был отдан приказ, убить нас или взять живыми? Ты не боишься послушаться своего повелителя, а?

– Если надо будет – ослушаюсь! Лучше не зли меня, рожая бестия! – осмелел Харлидей.

– Ну-ну! Скажи это лучше Ханмаре!

Возникла недолгая пауза, после чего перепалка продолжилась.

– Сдавайтесь, отступники, и может, умрёте лёгкой смертью! – понеслось с той стороны.

– А, это ты, Сальерес, недоношенный братик этого чокнутого сэра! – прокричал в ответ Дьюол. – Идите вы ко всем чертям!

– Дьюол, я буду резать тебя на мелкие кусочки, на очень мелкие, буду резать медленно и вдумчиво! – вышел из себя Сальерес.

– Ты покойник, чужекровка, покойник! – со злостью добавил Харлидей.

– Эй, болезные, хватит брызгать слюной, а то ещё простудитесь, холодно уже! – не остался в долгу Дьюол, явно пытаюсь выиграть время и вывести из себя противника.

В эти минуты Татьяна усиленно искала варианты выхода

из непредвиденной ситуации:

«Ну, где же ты, где... Я же не могла ошибиться, не могла, думай, Таня, думай... что-то я упустила, что-то недоглядела... Но что?»

В ответ внутри неё прозвучало всего одно слово:

– Представь.

Словесная война между сторонами продолжалась, но Татьяна уже не слышала ничего, она была полностью поглощена реализацией появившейся подсказки. Несмотря на опасность, она почти вплотную подошла к внутреннему скату холма и напрягла всё своё воображение, мысленно вычерчивая контуры входа в пещеру. Место воображаемого прохода вдруг ожило, осветилось золотистым сиянием и к невыразимой радости девушки раскрыло чрево таинственной пещеры.

Минутой раньше в небе появились три треугольных летательных аппарата и бесшумно, будто зоркие ястребы зависли над соседним холмом, нацеливаясь на свою добычу. Преследователи явно готовились к атаке.

– Тьфу-ты, дождались, они хотят нас загнать в вихревую ловушку, — сокрушённо проговорил Дьюол.

– Нам не хватит энергии её преодолеть, — ответила ему Мердина.

– Да знаю я, из этих сетей сам чёрт не выберется,

Ситуация становилась критической. Дьюол с Мердиной судорожно искали варианты защиты, но, похоже, безуспешно.

– Татьяна, что у тебя! – крикнул мужчина, в надежде на чудо.

– Сюда, сюда! – замахала руками Татьяна. – Я нашла их! Как по команде все трое бросились на её голос и быстро скрылись внутри пещеры.

– Давайте оторвёмся подальше, а там уж разберёмся, – уже внутри предложил Дьюол, – Татьяна, ты иди первой и показывай куда, а я прикрою вас с тыла.

Никто возражать не стал, слишком близка была опасная копания Харлидея.

Миновав первый большой зал, полностью подходивший под описание Татьяны, они решили немного отдышаться.

– Ох, Танечка, и заставила же ты нас понервничать, – разлился по пещере насмешливый голос Мердины. – А я уже было решила поторговаться тобой с Харлидеем.

– И хорошо, что не продала, всё равно бы себе в убыток, – в том же тоне ответила Татьяна.

– Да уж, милые, с вами не соскучишься и своей смертью не умрёшь, – поддел женщин Дьюол.

– Я буду долго оплакивать тебя, мой дорогой, и до последних своих дней буду хранить тебе верность, – сверкнули золотистыми искорками зелёные глаза Мердины.

– И то утешение, – еле сдерживая улыбку, буркнул Дьюол. – Ещё минуту и поднимаемся, надо спешить.

Было заметно, что чудесное спасение придало им силы и даже вернуло чувство юмора.

Через минуту они двинулись дальше, осматривая фонарями соединительный тоннель в следующий зал. Пещера, действительно, оказалась такой, как описала Татьяна, довольно гладкие каменные стены и правильный арочный свод казались не природными творениями, а рукотворными и даже под ногами ощущалась вполне ровная поверхность без обычных россыпей камней.

– Вот это да! – присвистнул Полянский, когда они вошли во второй уже не такой тёмный зал. – Похоже, эта пещерка ритуальная, глядите, сколько замысловатых знаков на стенах и своде.

И правда, второй зал оказался сплошь усеян какими-то странными знаками, они будто были высечены в камне и обработаны какой-то самосветящейся краской. Во всяком случае, так показалось им в первые минуты.

– Эти знаки похожи на тайный межгалактический язык, его доподлинного шифра даже я не знаю... так, кое-что могу прочесть, но связать в целое вряд ли, – задумчиво произнёс Дьюол. – А ты, Мердина?

– У меня такая же история.

Дьюол с Мердиной подошли ближе к стене и стали внимательно изучать эти знаки. Татьяна последовала их примеру. Один из знаков сразу заинтересовал девушку, что-то в нём ей показалось очень знакомым и притягательным. Это была свёрнутая спираль внутри развёрнутой спирали в форме треугольника. Она дотронулась до него рукой, и знак неожиданно

данно вспыхнул, вспыхнул всего на секунду – другую, обдав теплом руку девушки, живой ручеек тепла заструился дальше, поднимаясь всё выше и выше к самому её сердцу. Тепло стало быстро разливаться по груди Татьяны, а потом запульсировало настоящим огнём в самом центре. Девушка не могла дышать, не могла сдвинуться с места, а огненный вулкан всё бурлил и бурлил внутри неё. Татьяна собрала последние силы, чтобы вздохнуть, и когда у неё получилось, она вдруг почувствовала, что растворяется в этом огне, исчезает в нём целиком и полностью. Она не ощущала своего тела, ни одна мысль не проникала в этот невыразимый блаженный покой, в этот бескрайний океан любви. Она сама была этим океаном любви. Татьяна пошатнулась и чуть не упала, Полянский вовремя поддержал её сзади за плечи. Повернувшись к Валере, она прижалась к его груди и беззвучно заплакала. Обнимая девушку, вдыхая удивительный аромат её волос, Полянский не понимал, что с ним происходит. Сердце Валеры буквально пламенело от переполнявших его чувств. Их невольная близость длилось всего несколько секунд, а потом Татьяна отстранилась и положила свою руку на его грудь:

– Ты чувствуешь это?

– Да, Танюша...

– Хорошо, – сказала девушка, приложив указательный палец к губам.

В глазах Татьяны трудно было не заметить перемены.

Мердина с Дьюолом так увлеклись обсуждением таин-

ственных знаков, что не заметили происходящего за их спинами. Татьяна подошла к ним поближе и прислушалась к негромкому разговору.

– Да здесь показана вся система ядерного зла, вот погляди, Мердина... это концентрация дезинформации, а это распознавание чужеродных знаковых энергий, даже есть способы лучевого поражения духовного ядра, – произнёс Дьюол.

Мердина согласно кивнула и добавила:

– А вот ещё комплексы высасывания чакральной энергии и способы вихревого усиления дезинформации по уровням нелюбви и кривды...

– Все эти знаки мертвы без подключения к соответствующему источнику. Вы же сами знаете, – неожиданно сзади раздался голос Татьяны.

Мердина с Дьюолом обернулись и заинтриговано уставились на девушку. Первой заговорила Мердина, в её голосе чувствовалось не только любопытство, но и опасение:

– Ты что-то знаешь, Таня, да? Что ты знаешь?

Татьяна не стала ломать комедию и сразу перешла к сути:

– Вы всё правильно говорили о знаках зла, но не увидели на соседней стене знаки защиты от него, там есть знаки обмана зла, защитные блоки, средства дезорганизации и пленения... и способы его выжигания. А эти знаки уже подключены к источнику.

– Ты всё-таки обманула нас? – угрюмо взглянул на девушку Дьюол.

– Ничуть, всё остаётся в силе.

– Что-то я не понимаю тебя.

– Дьюол, помните наш разговор о выборе?

– Ну...

Мердина крепко сжала руку своего возлюбленного и молча следила за разговором.

– В первом зале уже находятся люди Ханмары, но дальше второго зала им не пройти... А выбор в том, что вы можете выйти им навстречу или дожидаться их здесь и сдать, но назад уже вам не вернуться... а можете пойти с нами в третий зал.

Дьюол как-то странно усмехнулся и в который раз провёл рукой по стене пещеры.

– Значит, это не пещера... Были сомнения, были, но не прислушался к своему голосу, – с видимым сожалением произнёс он.

– Верно, не пещера, это наша исследовательская база, и нет здесь никакого холма, это мощнейшая иллюзия, даже в ощущениях, – спокойно произнесла Татьяна. – Решение за вами. Мердина, ты же сама хотела быть моей подругой, ведь так? Что же изменилось сейчас?

– Ты стала другой, Танечка, – ответила женщина. – Хотя... Почему бы и нет? Мой Дьюол, ты не желаешь заглянуть в пасть дракона?

Дьюол повертел в руках «огненную трубку» и со всей си-

лы швырнул её в сторону приближавшихся воинов Ханмары. Их неразборчивые голоса уже были слышны в тоннельном переходе.

– А чёрт с ним, веди! – в сердцах бросил он.

Без лишних слов они направились к тоннелю, ведущему к третьему залу. Когда они уже были на подходе, за их спинами сверкнула мощная вспышка, осветившая заднюю часть псевдо пещеры и всё, что попало в фокус ослепительного сияния начало медленно оседать вниз, будто опускался огромный грузовой лифт. Третий зал оказался правильной полусферической формы и уже совсем не походил на пещеру. По всему периметру этой необычной полусферы сверху донизу таинственно мерцали знаки космического языка. Но они отличались от предыдущих знаков, в них было столько загадочной и невероятно притягательной силы. Некоторое время Дьюол, Мердина и Валера молча наблюдали за игрой космического разума, пытаясь хоть что-то осмыслить в этом неизречённом таинстве мысли.

Раньше всех опомнился Дьюол:

– Да уж, такое не преподают в земных университетах... прямо-таки колыбель изначальной жизни...

– Вы помните? – спросила Татьяна.

– Хм... не забыл ещё.

– Тань, что здесь вообще происходит? Я уже ничего не понимаю... Какие-то тайны, превращения... вы постоянно что-то мне не договариваете, говорите загадками... Где мы,

что всё это?! – после вынужденного молчания прорвалось из Полянского.

– Валерочка, потерпи немного и всё, всё узнаешь, – загадочно улыбнулась Татьяна, окинув всех взглядом:

– Кто ещё хочет знать, чем закончится эта история?

– Ну, ты же не зря нас сюда привела, Таня, – произнесла Мердина. – Я догадалась, что у этой истории есть продолжение... Так что же стоит за нашим выбором?

– Да какое продолжение, Мердина?! – с усмешкой выкрикнул Дьюол. – Нет здесь врат и ключа нет, нас провели как сопливых детишек! Это ловушка, Мердина, ловушка! Где ты думаешь сейчас эти прислужники Ханмары? Вот туда же и мы отправимся!

– Вы удивляете меня, Дьюол, я же дала вам честное слово, а я человек чести. Да, насчёт преследователей вы правы, я только что получила информацию о них, они будут удалены на одну необитаемую планету схожую с Марсом, и не скоро смогут покинуть её. Беспросветное упрямство этих заблудших лишило их достойного выбора, а для вас он до сих пор не закрыт. Иначе, вас бы просто не было здесь. В этом вся разница.

– И чего же мы ждём? Где твои друзья? Я же чувствовал, как они следили за ними, – не дал ей договорить Дьюол. На его напряжённом лице ещё сохранялось недоверие к словам девушки.

– Подождите, Дьюол, я ещё не всё сказала... Врата, прав-

да, существуют, и я являюсь их хранителем, вернее, одним из хранителей. Мы не станем дожидаться моих друзей, они присоединятся к нам чуть позже... теперь всё зависит от вас.

– А твоя соната... она тоже фейк или всё же существует? – спросила Мердина. – И я не поняла, что от нас-то зависит?

– Нет, здесь всё без обмана. Если что-то хочешь спрятать от чужих глаз – положи это на видное место. Все эти годы «Песнь Лунной Девы» хранилась в ящичке для нот, не в сейфе, не в другом тайнике, а именно там. Но кроме музыки песня подразумевает ещё и слова, слова и есть вторая часть ключа, а их знала только моя бабушка... Теперь слова мне известны и я могу открыть врата.

Все заинтриговано глядели на девушку в ожидании самого главного. Выдержав паузу, Татьяна вопросительно оглядела своих спутников, и произнесла:

– А что бы вы хотели обрести там? Своё спасение, самих себя или что-то ещё? Мир Сва не приемлет лжи, он знает о вас всё... и всё, что вы захотите скрыть от него, тот час же проявится перед вами и будет жечь вас немим укором. Лишь чистые и свободные души способны вынести всепроникающий взгляд этого мира и пройти сквозь него к самим себе, к тому, чем мы все являемся изначально... Сможете ли вы попросить прощение за все свои деяния у всех, кого вы обидели, кого унижали и презирали, сможете ли вы простить себя и отпустить из своих сердец всю вину за содеянное, выжать её до последней капли и принять своё прошлое целиком без

содрогания и боли? Если сможете, то мир Сва примет вас... и у четырёх перекрёстков дорог вам откроется новый путь.

– Это и есть наш выбор? – как-то не очень уверенно произнёс Дьюол. – Ты говоришь о невыполнимых вещах, о невозможном...

– А вы пробовали? Так попробуйте. Невозможно было Дьюолу без Мердины, а сейчас вы одно целое, вас соединила – любовь... она и поможет вам, – осветились лучистой улыбкой глаза Татьяны.

Мердина сжала руку Дьюола и, заглянув в его глаза, почти прошептала:

– И правда, мой Дьюол, чего нам с тобой страшиться? Вдвоём и в огне не страшно...

– С тобой – да, любимая...

– Но всё же лучше гореть в любви, – тут же поправились женщина. – Родной мой, не хочешь проверить, чей огонь сильнее, прошлого или нашей любви?

– Сейчас и проверим! – разрушил последние сомнения Дьюол. – Татьяна, спой-ка нам свою песнь!

В этот момент раздался взволнованный голос Полянского:

– А как же я? Что будет со мной?

– Я говорила для всех, Валерочка, и для тебя тоже. Ты с нами?

– Да, да, да! – выкрикнул Полянский, как ребенок, подпрыгнув на месте с выброшенными вверх руками. Он даже не скрывал своего ликования.

Татьяна удовлетворённо кивнула, сбросила с себя куртку и запела. Высокий голос девушки был необыкновенно чистым и струящимся как горный ручеёк, а сама песня уносила слушателей куда-то в таинственные заоблачные дали. Никто из них не знал языка слов этой удивительно красивой песни, но по их лицам было видно, что они понимают её. Мердина с Дьюолом слились в нежных объятиях, расставаясь навсегда со своими сомнениями и тревогами, а Полянский неотрывно глядел на Татьяну, не замечая выступивших на глазах слёз. С каждым новым куплетом космические знаки словно оживали новой жизнью, они всё ярче и задорнее играли радужными огоньками, разливая по залу непередаваемую цветовую палитру. И вот в самый кульминационный момент песни световой поток достиг такой силы, что стены и свод псевдопещеры стали бледнеть и размываться, казалось, что они тают как льдинки на весеннем солнце. И когда последние слова песни слились с самым высоким регистром звукового диапазона, еле видимые контуры плотного мира исчезли совсем, растворившись в иной реальности...

VI

Полянский не понимал, где находится, все его знания, и представления о потусторонних мирах не вписывались в эту невообразимую действительность, где не было ни верха, ни низа, здесь вообще отсутствовали какие-либо формы и терялся сам смысл привычных вещей. Но этот мир не показался ему пустым, наоборот, он виделся ему нескончаемым оке-

аном света, переливающегося всевозможными тончайшими красками и поющего неземным многозвучием. В каждом переливе света, в каждом чудесном звуке чувствовалась сознательная жизнь. Первые мгновения непонимания быстро сменились чувством блаженной радости и безграничной свободы. Полянский совершенно не чувствовал своего тела, хотя ощущение формы присутствовало, но формы почти невесомой, воздушной. Лёгкость движения не просто поражала его, а буквально окрыляла. Валера полностью отдался во власть этих незабываемых ощущений и стал просто ими наслаждаться.

Но вскоре любопытство позвало его к первым сознательным шагам, и он принялся наблюдать. В одном небольшом световом облаке Валере причудилось голубое озеро, окаймлённое золотисто-розовыми горами. Лишь только подумав об этом, он вдруг оказался внутри воображаемой картинки, картинки настолько реальной, настолько живой в своём природном естестве, что Полянский замер от изумления, не решаясь вторгаться в эту хрупкую красоту. Ещё с детства он безумно любил воду и всегда восторгался горами, в тайне мечтая однажды поселиться в подобной обители красоты и покоя. Он не раз представлял себя сидящим в плетёном кресле на небольшом мостике, врезавшимся в голубую озёрную гладь, в окружении обласканных солнцем задумчивых гор. Валера всегда имел яркое образное воображение и прекрасную художественную память и без труда в деталях мог

представить любую понравившуюся ему картину. Каково же было его удивление, когда его мысленный образ вдруг превратился в живую реальность.

«Вот это да! Это же живой материал, само пространство как невидимый пластилин, брось в него зерно мысли и оно само раскрывается в образе... Да уж, дела!.. И чем чётче воображение, тем ярче и устойчивей картинка...» – проносились в его голове мысли.

Удобно расположившись в кресле, Валера с восторгом взирал на собственное творение и всё ещё не верил своим глазам. Лёгкий ветерок ласково ворошил его волосы, а тонкий золотистый лучик солнца озорно щекотал его щёки, словно зазывая в свой волшебный мир. Поддавшись приглашению, Полянский воспарил над озером и завис над самой его серединой. С высоты голубая вода казалась настолько чистой и прозрачной, что он смог разглядеть даже дно. Каково же было удивление Валеры, когда он увидел под водой множество необычных архитектурных строений и диковинных уголков природы. Они явно что-то напоминали ему, некоторое время ему пришлось напрягать память, пока до него не дошло:

«Боже мой, как я мог забыть... да это же мои задумки, город Сея, город будущего... Как же я мог забыть о своей мечте? У меня и наброски где-то остались...»

Поддавшись внутреннему порыву, он без раздумий нырнул вниз, разбрасывая брызги, и стал быстро погружаться в

озёрную пучину. Отсутствие запаса воздуха его совсем не пугало, он даже не придавал этому значения, словно знал наверняка, что находится в безопасности. Только вода показалась ему какой-то невесомой и шелковистой.

Оказавшись на живописной возвышенности вблизи придуманного когда-то им города, Валера огляделся и понял, что вода куда-то исчезла, а вместо неё всё окружающее пространство засияло от миллионов и миллионов летающих искр-огоньков, напоминавших ему танцующие розы и снежинки. От сияния этих живых светлячков на душе Полянского стало ещё светлее. С высоты ему хорошо был виден весь город, опоясанный вечноцветущими вишнёвыми садами, так походившими на белоснежные кружева, окутанные нежно-розовой дымкой. А дальше у самых городских окраин проглядывались природные островки в виде замысловатых фигурок, сплошь усеянных изумительными по красоте цветами. Со всего этого прекрасного многоцветия собирались тончайшие эфирные флюиды и заполняли собой городские улицы, образуя живые радужные дорожки, разбегавшиеся по всему городу. По замыслу Валеры они должны были служить естественным средством передвижения внутри его творения.

Несколько лет назад в его голове возникла идея о создании свободного сообщества близких по духу людей, творцов сознательной жизни, этакой духовной общины неподвластной удушливому ярму всевозможных систем и навяз-

занных ценностей, где никто бы не расталкивал локтями своих ближних в погоне за выгодой и призрачным превосходством. В придуманном им городе не имелось места для лжи, тщеславия, агрессии и прочих пережитков человеческих заблуждений по одной простой причине, что мысли свободных людей были чисты и открыты для всех. Здесь каждый мог выбирать дело по своей душе, то, что ближе всего ей, а заслуги каждого мерились не деньгами и славой, не особыми привилегиями и надутыми рейтингами, а полезностью творческого вклада, где самым ценным являлся именно процесс созидания чего-то нового, приносящий радость и удовлетворение вместе с опытом для всех общинников. От денег и прочих ненужных вещей он решил отказаться совсем из-за их ненадобности, а взамен планировал подключить своё детище к источнику изобилия, из которого каждый мог черпать нужное для жизни или, вернее, создавать своим воображением и получать всё, что мог пожелать для своего развития. Эта идея приглянулась его сердцу и как-то незаметно превратилась в настоящую мечту.

Легко скользнув вниз с холма, Полянский очень быстро оказался посреди белоснежного сада, переливавшегося нежнейшими розовыми оттенками. На первый взгляд могло показаться, что этот прекрасный сад ничем не отличается от земного, но первое впечатление было обманчивым, его краски отличались не только большей насыщенностью и яркостью, но и какой-то невыразимой естественностью, что ли.

Валера и сам догадывался, что перенесённые в этот мир знакомые формы были наполнены совсем иным содержанием. Чтобы проверить свои предположения он дотронулся до ветки близстоящего дерева и сразу же почувствовал её нежное прикосновение, веточка словно обнимала его руку своим благодатным живым теплом. Ощущения были просто непередаваемые! Мысленно поблагодарив дерево за этот дружественный порыв, Валера направился дальше. То же самый эксперимент он решил проделать с цветами и буквально утонул в ароматах их искренних чувств. Опьянённый душевной радостью, Полянский вступил на одну из радужных дорожек, которая зазвучала прекрасной мелодией и легко понесла его по центральной улице города, вдоль необычных самосветящихся домов, в которых не было ни дверей, ни окон, мимо цветущих массивов сирени и черёмухи, этих чудесных вестников пробудившейся природы. А их сменяли уже набравшие сказочную пестроту осенние парки, дышавшие упоительными запахами опавшей листвы и ощущениями нежной грусти, то здесь, то там прямо из недр скверов и парков пробивались живые серебристые роднички и, собираясь в тоненькие журчащие ручейки, вливались в хрустальные по своей чистоте пруды, через которые пробегали радужные мостики. Здесь было так много всего, о чём мечтала его душа и что было близко ей. Валера мысленно управлял скоростью движения, то ускорялся, то притормаживал, чтобы лучше разглядеть соответствующие своему настрою-

нию пейзажи. Вдруг он остановился возле строения в форме правильного многогранного кристалла, переливавшегося тончайшим многоцветием, среди которого особо выделялся аметистовый оттенок. Как только Полянский приблизился к дому – середина его фасада моментально растворилась, образуя арочный проход. Валера вошёл внутрь дома, где не было ничего кроме уже знакомых ему танцующих искр-огоньков, но в замкнутом пространстве их сияние было настолько интенсивным, что ничем не отличалось от яркого солнечного света, только оно казалось очень комфортным и совсем не слепило глаза. Полянский прошёл вглубь помещения и вновь решил проверить свои предположения, представив пейзаж у горного озера с мостиком и креслом. Его желание тот час же воплотилось в реальность. Вдоволь насладившись своими ощущениями, он вернулся в дом. Теперь он был уверен, что очерченные границы города являлись лишь видимой иллюзией, на самом деле здесь вообще не существовало никаких границ. Этот город мог вместить в себя всё многообразие человеческих замыслов и воплотить их в жизнь, причём моментально.

«Да уж, чудеса... Это же целый мир, безграничный мир! Случайно это не сон? Или может, я уже того... Да нет, вроде мыслю, всё чувствую, значит, жив... Только как в это поверить? Ладно, поедем дальше, а там видно будет», – размышлял про себя Полянский, переживая смешанные чувства радости и непонимания.

По первоначальному замыслу на другом конце города он планировал создать что-то вроде узловой портальной развилки в разномерные миры, а выражаясь человеческим языком – космический вокзал дальнего следования, естественно, без всяких билетов и оплаты. В его задумках этот необычный вокзал рисовался целым комплексом сверхскоростных световых тоннелей, способных в минимальные сроки доставить пассажиров в любую точку беспредельного космоса.

Однако поближе ознакомиться со своей задумкой Валера не успел, его остановил голос Татьяны:

– Валерочка, ты ещё успеешь наглядеться на своё детище.

Полянский даже не сразу узнал Татьяну, её светло-медовые волосы были распущены, а стройное тело девушки облегал сари нежно-розового цвета с золотистой вышивкой. Она вся светилась и была так хороша, что невольно завораживала его взгляд, однако её чудесное перевоплощение он принял уже как нечто естественное, за последнее время ему довелось увидеть и не такое. Он и сам уже выглядел иначе.

– Танюша, как я рад тебя видеть! – обрадовался Полянский, откровенно любясь девушкой.

– Как впечатления? – с лучистой улыбкой спросила она.

Валера словно ждал этих слов и уже не мог сдержать своих чувств:

– Тань, да здесь непочатый край работы для художника! Только подумал, а картинка уже готова, только дорабатывай,

шлифуй. Здорово-то как! Тут же такие шедевры можно творить, такие формы ваять! А этот город... это же воплощение моей мечты!

– Верно, это мир творцов, настоящих творцов, и ты в их числе, ты заслужил это право своим трудом, чувствами своими прекрасными заслужил.

– Да? – с радостным удивлением сказал Полянский. – И что же дальше?

– Узнаешь, когда все соберёмся.

– А где Мердина с Дьюолом? – вдруг вспомнил он.

– Они тоже ищут путь к себе. Скоро будут, – пояснила Татьяна.

Ждать им пришлось недолго, вскоре Дьюол с Мердиной появились на радужной дорожке, на его плечи был наброшен красный рыцарский плащ, а она красовалась в модном платье светской дамы начала прошлого века. Оба искренне обрадовались встрече с Татьяной и Валерой. Сейчас эта парочка совсем не походила на некогда грозных иерархов клана Ханмары, а скорее, на обычных любящих друг друга людей. После обмена впечатлениями Дьюол вопросительно поглядел на Татьяну:

– Неужели вы всё знали заранее ещё тысячелетия тому назад и всё это спланировали? Но откуда вы знали, что так и будет, откуда?! Я не пойму...

Но ему ответил свершено другой голос:

– Всего знать в деталях невозможно, события могут ме-

няться, но мы видели возможную картину будущего и прорабатывали разные варианты. Легенда о Двумиких Вратах и Лунной Деве была одним из вариантов, и он сработал. Сработал на тебя, Дьюол, и в этом нет ничего сверхъестественного.

Все оглянулись на голос и увидели перед собой двух высоких мужчин в свободных длинных хитонах и красивую черноволосую женщину в сари небесной лазури. По сияющему взгляду Татьяны и глазам этих троих можно было понять, что они уже виделись и успели о многом переговорить.

– Не удивляйся, воин, ты изначально планировался нашим ключевым исполнителем, мы возлагали на тебя большие надежды и не ошиблись... В тебе всегда подсознательно жила тоска по своему звёздному дому, а с годами она лишь усилилась, но ты боялся, что тебя не простят, и старался заглушить голос сердца. Но безысходность всегда заставляет искать иные пути, вот ты и нашёл наше предложение и ухватился за него. Мы воспользовались твоей страстью к древним рукописям, остальное было уже делом техники. А что было дальше ты знаешь сам, – произнёс уже другой мужчина.

– Я знаю вас обоих... ты называл себя посредником, а ты – пришелец их рода Дивьянов, Урсан, если не ошибаюсь... Нда, ловко вы нас разыграли, ловко... Значит, эта газета попала ко мне неслучайно, и малоизвестный учёный с гипотезой о наследии Гипербореи был вашей подставой... А я всё

гадал, где же промахнулся, – на удивление спокойно произнёс Дьюол и с усмешкой спросил:

– Значит, так вы освобождаете планету от вредных элементов?

– Всё так. Но мы до конца боремся за души заблудших, вы тому пример. А тем, чьи души уже окончательно потемнели, мы даём возможность испытать на себе то, что они желали людям. Я думаю, это справедливо. Посредник – это лишь моё прикрытие, моё настоящее имя – Арагел, я руковожу экспедицией Дивьянов. Мы все здесь из этого древнего рода... и Синтара, названная на Земле Татьяной и Влада, её земная наставница – тоже наши сёстры.

– Всё, что не делается, делается к лучшему, если твои побуждения от сердца, – добавила Влада. – Вы оба нашли свою любовь и возможность исправить своё прошлое, а за это полагается особая награда.

– И какая же? – с замирающим сердцем спросил Дьюол. – Неужели...

– Ты правильно нас понял, воин, всё именно так, – с улыбкой проговорил Арагел. – За этим городом ты увидишь четыре перекрёстка дорог, их смысл ты понял верно, но свою дорогу ты должен почувствовать сам, не ошибись. На ней тебя будут ждать твои звёздные братья, братство Ориона не держит на тебя зла и готово принять тебя обратно.

– Нет, я не могу без Мердины... Да вы что?! Как же я без неё?! – запротестовал Дьюол.

В эти мгновения Мердина умоляюще глядела на Татьяну-Синтару.

– Не волнуйтесь, друзья мои, Влада уже всё вам сказала. Как сказано в легенде: «Двое обручённых тайной пути станут одним у четырёх перекрёстков дорог». Но вы уже стали одним целым, так что идите вместе, – успокоила их Синтара и со смешинкой в глазах добавила:

– Если, конечно, Мердина не против.

– Мердина точно не против! – поставила последнюю точку женщина. – Мой Дьюол, я теперь всегда буду с тобой, и в жизни и в смерти, если она есть.

– А я и не сомневался, родная, – сказал Дьюол, нежно обнимая свою подругу.

– Вам пора. Прощайтесь, – торопил их в дорогу Арагел.

Прощание было недолгим, но по-дружески тёплым, в последние дни их многое связывало, а такое не забывается.

Перед тем как уйти, Мердина обняла Синтару и высказала ей то, что лежало у неё на сердце:

– Я рада иметь такую подругу как ты. Спасибо тебе за всё. Прощай, дорогая моя.

– Спасибо, Мердина. Счастья вам! Надеюсь, ещё увидимся, – улыбнулась ей девушка.

– Буду ждать с нетерпением, – ответила Мердина и направилась к своему возлюбленному.

Когда Дьюол с Мердиной скрылись из видимости, Арагел обратился к Полянскому:

– Мой дорогой художник, у тебя тоже есть выбор, ты можешь вернуться обратно либо остаться здесь... Время на обдумывание есть, но немного. Одно хочу сказать, друг мой, наступают великие времена перемен и такие люди как ты нужны нам. Вознесение планеты стало уже необратимым, её ждут другие горизонты, как и души людей. Вот им-то и нужна наша помощь, хотя бы тем, кто уже близок к прозрению. А таких, поверь мне – немало. Если дашь согласие, то будешь работать вместе с Синтарой... согласишься, это тоже подарок судьбы.

– А я уже принял решение, я остаюсь... я уже не вижу себя в том мире, но хочу быть полезным в чём-то другом. Я не знаю, что вы мне предложите, но чувствую, что эта работа мне подойдёт, она для меня, сердце хочет её... а семья простит, простит когда-нибудь, – убеждённо ответил Полянский.

– Хорошо, что ты сам это понял, ведь твоё земное время уже истекло, ты сполна получил нужный земной опыт, теперь тебе открыт новый путь, – заключил Арагел и, внимательно поглядев на Полянского, добавил:

– Отец Сириус уже собирает своих детей в отчий дом. Скоро ты многое поймёшь, Синтара тебе расскажет и кое-чему обучит. А мы вынуждены вас покинуть, дела. Но надолго не прощаемся, мы будем появляться и координировать общие действия. Удачи вам!

Валера и Синтара остались вдвоём, в таинственном и

непостижимом мире Сва, дорогу к которому им указали Дзуликие Врата.

– Тань... ой, извини, Синтара... всё никак не привыкну к твоему новому имени...

– Валера, называй меня как удобнее тебе и мне привычней будет. А позже поглядим, – предложила ему девушка.

– Можно?

– Конечно, можно.

– Понял, записал! – с радостью согласился Полянский. – Танюша, я до сих пор не могу поверить, что всё это реально, что всё это не плод моего воображения... Ну, разуверь меня, Таня, скажи, что я не сплю... Прошу тебя.

– Ты не спишь, Валера, всё это реально, реальней не может быть. Ты поверишь в это, очень скоро ты привыкнешь к новой жизни... а я помогу тебе.

– Спасибо тебе, ты всегда была моим ангелом – хранителем, фу-ты, кажется, я повторяюсь... Тань, я не совсем понял насчёт Сириуса... Что Арагел имел в виду?

– Видишь ли, Валера, в земном эксперименте участвовали души с разных планет и звёздных систем, даже с разных галактик, и уже сейчас близкие души начинают собираться по родственному притяжению. Твоё «родовое гнездо» – Сириус, это очень высокая космическая сущность. Совсем скоро Солнечная система вместе с новой Землёй на многие тысячелетия перейдёт под его руководство. Я тебе всё подробно постараюсь объяснить, но чуть позже, а когда твоя память

раскроется полностью, ты сам всё вспомнишь.

– Ну хорошо, я подожду, – не стал настаивать Полянский. – А с чего мы начнём?

– Выказываешь нетерпение, Валерочка? – рассмеялась Татьяна. – Чувствуется настрой, это хорошо. С чего начнём? Валера, да ты уже начал, и кое-что успел воплотить в жизнь. Не понял ещё?

– Подожди, подожди, дай подумать, Тань... э-э... Ты имеешь в виду этот город?

– Конечно же, Валера! Ты ведь строил его в своём воображении не для одного себя, а для близких по духу людей. Так ведь?

– Без вариантов, для них родимых, ну и для себя тоже...

– Твоя задумка, Валера, понравилась Собору Посвящённых, это высший совет межгалактического братства, она была ими одобрена. Поэтому твоему городу дана жизнь, уже скоро он будет заселён людьми нового мышления, и каждый из них внесёт в этот город свою творческую лепту. Мы сообща достроим его для справедливой и свободной жизни. И пускай все эти дома не будут выполнять земные функции, ведь здесь не нужен обычный отдых, да и приём пищи потеряет своё значение, здесь всё будет иначе... но останется символ дружбы, символ любви, то место, где смогут собираться близкие по духу существа и обмениваться своими лучшими чувствами и идеями. Со временем всё здесь, конечно, изменится, но сейчас этот город необходим людям,

чтобы привыкнуть в знакомых условиях к новой реальности. Мои друзья специально создали здесь немного пониженный вибрационный фон, чтобы легче прошла адаптация.

– Танюша, это же так здорово! Я же столько мечтал об этом, в тайне мечтал от всех, боялся, что засмеют... А сейчас всё это – реально! Реально, Таня! Ты понимаешь?! – не скрывал своей радости Полянский.

– Теперь всё в твоих силах, Валера, ты сможешь осуществить все свои мечты и даже то, о чём и мечтать не смел, – с улыбкой ответила Татьяна. – Это поистине волшебный мир, все земные сказки о ковре-самолёте, о сапогах-скороходах, о скатерти-самобранке и прочих чудесах – не народный вымысел, а истинная правда. Когда-то очень давно на Земле такое не считалось чем-то особенным, чудеса были в порядке вещей, но со временем на Земле стало меньше света, до такой степени, что подобные вещи стали невозможными... однако память о чудесах прошлого сохранились в народных сказках. Но совсем скоро всё эти возможности вернутся на обновлённую Землю, возврата в тёмное прошлое уже не будет никогда. Валерочка, мы стоим на пороге удивительных перемен, многие тайны будут открыты в ближайшее время и люди смогут приобщиться к величайшим знаниям разных мирозданий.

– Ух, аж дух захватывает от твоих слов! – эмоционально отреагировал Валера. – До сих пор в голове не уместается... Я пытаюсь всё это осмыслить, как-то утрясти в себе, но пока

не очень, с трудом...

– А ты просто прими это как данность, как самое-самое естественное и близкое тебе. Ты же не удивляешься, когда видишь журчащий ручеёк, летящую бабочку или восход солнца... все эти вещи для тебя естественны, так прими же и новую данность.

– Я постараюсь... Знаешь, Тань, я хоть и хорохорился перед твоими друзьями насчёт своего решения остаться здесь, но малюсенький червячок сомнений всё же гложет... Может, даже не сомнений, а чувства вины перед семьёй... Танюша, как мне быть?

– Валерочка, я же говорила тебе однажды насчёт голоса сердца, оно одно знает как правильно... а сейчас ты раздваиваешься, голос сердца зовёт тебя к избранному пути, а совесть человеческая тянет назад. Твой выбор это не перетягивание каната, а ощущение правильности, но правильности не человеческой, а внутренней, духовной. Твои сомнения похожи на попытку удержать перезревшее яблоко на дереве, когда его время уже пришло и оно должно упасть. Разве можно остановить то, что уже суждено свыше? Дорогой друг мой, в тебе ещё гнездятся человеческие комплексы о правильности и неправильности, но в этом мире нет противоречий, здесь всё подчиняется закону духа, а он един, един даже в своём разнообразии.

– Хорошо ты сказала о яблоке, мой вариант... я как раз чувствую себя этим самым яблоком, вот-вот упаду, – посме-

ялся над собой Полянский и вопросительно поглядел на девушку:

– Таня, а откуда ты всё знаешь? Ты же совсем недавно была обычной... Нет, извини, не так выразился, ты всегда была особенной... но ты поняла меня...

– Поняла, Валера. Всё дело в моей глубинной памяти, она раскрывалась постепенно и сейчас этот процесс практически завершён, теперь я свободно могу подключать своё сознание к любым источникам информации, и могу считать её. Вот и весь секрет. То же самое вскоре произойдёт с тобой, я тебе уже говорила.

– А-а, понятно.

– Валер, а хочешь, я тебе помогу? – вдруг предложила Татьяна.

– И как же?

– Очень просто, мы можем отправиться в наш земной город, и ты сравнишь свои ощущения, тогда и решение не станет обузой. За одним наведишь своих родных.

– А это возможно? – не поверил Полянский.

– У нас всё возможно, – вполне серьёзно сказала девушка.

– Я с радостью, Танюша, только скажи когда...

– А прямо сейчас. Только позволь я дам тебе небольшую подсказку, она поможет тебе, Валера.

Полянский согласно кивнул, приготовившись ловить каждое слово девушки.

– Ты смени точку опоры в своих суждениях.

– Как это? – не понял Полянский.

– Очень просто, раньше ты опирался на свой ум и чувства, а теперь обопрись на свою душу, она не от мира земного и видит всё шире и глубже. Попробуй взглянуть её глазами, а потом сравнишь ощущения.

– Хорошо, Таня, я понял тебя, я постараюсь...

Последние его слова слились с начавшейся вибрацией и через несколько секунд световая вспышка поглотила их...

Они бесшумно плыли по вечернему освещённому городу, взирая на тающий снег, разливавшийся грязными лужицами по тротуарам и улицам, на несущиеся куда-то потоки машин и спешащих по своим делам людей. Никто их не замечал, их попросту не видели, как некогда потерявшего память Урса-на. Они заглядывали в горящие окна многоэтажек, провожали прохожих до кафе и подъездов домов, улыбались редким влюблённым парочкам.

«Здесь всё так же, жизнь ворошится, так привычно и незатейливо... люди живут в своих заботах, мечтая о своём маленьком житейском счастье, а между делом – бранятся, осуждают друг друга, обижаются... А где-то далеко отсюда рвутся снаряды и свистят пули, гибнут сотни и тысячи таких же, как они, а уцелевшие теряют единственный кров и страдают от голода. Им в разы хуже, в разы... И они тоже мечтают, но их мечты молят о мире, об обычном мире без войны. И ведь многим в этом городе совершенно нет никакого дела до боли тех несчастных. А некоторые «двуногие»

просто бешутся от жира и вседозволенности, у них тоже есть своя мораль и этой морали плевать на всех остальных. Многие ли из людей готовы пожертвовать собой ради других, отдать последнюю рубашку, чтобы кому-то стало теплее? Не знаю, не знаю... Но, слава Богу, на русской земле такие люди были, есть и будут. Какой же пёстрый и неоднозначный мир... мир утерянной правды... Знает ли он себя? Сможет ли вывернуться на изнанку и заглянуть в своё сознательное нутро, чтобы ответить на самый главный вопрос своей жизни – в чём же смысл? – думал Полянский, вспоминая своё недавнее прошлое.

Но вместе с ощущениями прошлого он вдруг вспомнил последний совет Татьяны. И в этот момент в центре его груди что-то зашевелилось, ожило, отдалось болью, но болью такой сладостной, такой желанной, будто что-то внутри него вырывалось на свободу. Но это чувство быстро прошло, и сердце мужчины наполнилось блаженным теплом. С каждой секундой это необыкновенное ощущение только нарастало, разливаясь по всей груди Валеры всевозможными оттенками самых сокровенных чувств. Нечто подобное он уже испытал в псевдо пещере, но сейчас ощущения были гораздо ярче и сильнее. Ему казалось, что его сердце плавится от любви ко всем этим людям. Он любил их без всяких условий и исключений, без разделения на своих и чужих, с их недостатками, странностями и даже пороками, любил просто за то, что они есть. Сейчас он чувствовал неодолимое единство со всеми

этими людьми, и это ощущение было далеко за пределами его человеческих чувств.

– Валерочка, ты это почувствовал, ведь так? – журчащим ручейком влился в его блаженную негу голос Татьяны.

– У меня нет слов... Танюша, я не знаю, что со мной... но мне так хорошо, – сбивчиво проговорил мужчина. – Тань, скажи честно, ты помогла мне?

– Разве что самую малость, – не стала отрицать девушка, – но у нас бы ничего не получилось, если бы твоя душа ещё спала... Ты просыпаешься, друг мой, от долгого сна, ещё немного и это удивительное состояние станет твоей нормой, станет твоей истинной жизнью. А сейчас соберись и сделай то, что хотел. Вот твой дом, я не буду тебе мешать.

Полянский кивнул и скользнул в подъезд через закрытую дверь. На лестничной площадке своего этажа он остановился, будто собираясь с духом. Оказавшись в прихожей, он сразу отметил, что здесь ничего не изменилось, даже его лёгкая куртка по-прежнему висела на крючке в открытом шкафчике. Полянский по привычке потянулся к выключателю и нажал на него. Прихожая осветилась.

– Кто там? Игорёшка, это ты балуешься?! А ну быстро спать! – послышался из кухни голос Светы.

Но ответа не последовало. Светлана выбежала в прихожую и в недоумении пожала плечами. Они стояли друг перед другом, буквально на расстоянии вытянутой руки. С минуту женщина неотрывно глядела на Полянского, и ему даже по-

казалось, что она видит его.

– Валерка, – шёпотом проронила она, и словно испугавшись своего голоса, закрыла ладонью рот.

Полянский легонько провёл ладонью по её щеке. Он видел, что Светлана почувствовала его прикосновение, но не могла объяснить свои ощущения, её рука потянулась к лицу, чтобы смахнуть с него что-то незримое и мешавшее ей.

Валера и сам частенько ощущал такие невидимые паутинки на лице, но не придавал этому особого значения, но теперь-то он знал источник таких тайных посылов. Его чувства к Светлане тоже изменились. Нет, прежняя человеческая любовь не вернулась к нему, но новое чувство было совершенно иным, необъяснимо глубоким и безграничным, теперь она была не только матерью его ребёнка, а близкой ему душой.

«Спасибо, родная моя, спасибо тебе за всё. Счастья тебе... ты ещё найдёшь свою любовь, я знаю», – про себя произнёс он.

Светлана не слышала его, но словно что-то почувствовала, она простояла ещё с минуту, к чему-то прислушиваясь, и вернулась на кухню.

Полянский переместился в комнату своего сына. Игорь уже спал, очень трогательно подложив под щеку свою маленькую ладошку. Валера склонился к головке сына и поцеловал его, малыш заворочался и приподнялся на кровати.

– Здравствуй, папочка, я так ждал тебя... ты пришёл, а я

сплю, – сонно пробормотал маленький Игорь и снова заснул.

«Спи, сынок, спи... я так люблю тебя, ты у меня такой светлый и добрый мальчуган... Как же я хочу, чтобы не угас в тебе этот огонёк, как же я хочу этого... Придёт время, и я возьму тебя в наш чудесный город, обязательно возьму...» – думал в эти мгновения Валера.

И только сейчас он увидел, что кто-то стоит у изголовья кровати сына. Полянский всегда считал, что ангелы-хранители являются только в мужском обличье, однако перед ним стояла совсем юная девушка. Она улыбнулась Полянскому, как старому доброму другу и произнесла:

– Не беспокойся за него, я не дам погаснуть его огоньку, я буду всегда рядом и оберегу его. Делай то, что должен.

Полянский поблагодарил девушку-ангела, поцеловал на прощание спящего сына и покинул квартиру. Татьяна добросовестно ожидала его на улице.

– Валерочка, я помогла тебе? – были первые её слова.

– Всё, считай, что яблочко уже упало, – полной грудью вздохнул он. – Танюша, милая моя, как же стало легко и свободно на сердце...

– Вот и хорошо, друг мой. А за Игорька не тревожься, за ним присмотрят.

– Знаю, мне уже обещала добрая девушка-ангел.

– Ты в любое время можешь их навещать, ещё один ангел-хранитель им не помешает, – подбодрила его Татьяна.

– Спасибо, родная, спасибо за всё, что ты сделала для ме-

ня.

– Всегда рада, – задорно рассмеялась она.

Валера задумался, собираясь спросить о чём-то важном. Синтара видела это и не мешала ему собраться с мыслями. Наконец он произнёс:

– Слушай, Тань... я насчёт той легенды, мы вроде бы всё обсудили, но часть текста забыли, я хорошо его помню... я его даже наизусть выучил: «Когда чаша ночи ополовинит себя, и весы замрут в равновесии, тогда золотой луч пронзит лоно Матери...» Что это значит? Или это просто игра слов?

– Нет, не игра, это конкретное время, день весеннего равноденствия, в этот день планируется открытие врат для облучения световым потоком всей территории России. Он должен активировать код трансмутации страны и соединить земную Россию с её небесной сестрой – Святой Русью. С этого момента Россия будет полностью защищена от происков тьмы. И дни клана Ханмары будут сочтены.

– А почему Россия, почему она? – с удивлением спросил Полянский.

– Потому, что Святая Русь – это душа красавицы Гайи – Земли, её духовное сердце... и начало будет положено именно здесь, а потом уже к процессу духовной трансформации присоединятся и остальные страны. Но открывать врата буду уже не я, а целая группа представителей разных цивилизаций. Над этой программой работали лучшие умы межгалактического братства, им и стартовать.

– Н-да, ещё совсем недавно, я бы не поверил во всё это, а сейчас верю, у меня даже нет сомнений, что так всё и будет, – произнёс Полянский.

– И правильно, что веришь, обратного пути уже нет, только вперёд к новой жизни, она уже не только зовёт Землю, она уже здесь, ей осталось лишь проявить себя, а потом расцвести во всей своей красе. Валера, поверь мне, и мой род проходил через подобный рубеж.

– Таня, а ты помнишь свою родину, Арагел, кажется, называл вас Дивьянами?

– Моя родина так прекрасна, что невозможно описать словами, там всё иначе, в нашем мире царствует лишь один закон, закон изначальной любви, любви ко всему сущему. Для неё не существует границ и условий, она беспредельна, как необъятный космос, как сама жизнь, она отдаёт себя всем и ничего не просит взамен. Валера, ты ведь и сам её успел почувствовать, не забыл?

– Как такое забыть... Танюша, а мы можем что-нибудь взять из вашего мира для города Сея? Было бы здорово!

– Именно для этого мы здесь, наша миссия как раз и подразумевает такую помощь, мы всё это обсудим, мой друг, и найдём самые лучшие варианты.

– Танюша, мне так не хочется об этом думать, но я всё же спрошу... Ты же здесь не навсегда? Я даже представить себе не могу, что ты однажды исчезнешь из моей жизни...

– Я понимаю твои чувства, Валерочка, очень хорошо по-

нимаю, но рано или поздно нам придётся расстаться... но это случится не сейчас и не завтра, наша миссия ещё не закончена.

Полянский глубоко вздохнул, стараясь не поддаться грусти, но у него не совсем получилось.

Видя состояние Валеры, Татьяна решила его подбодрить:
– Не вешай нос, друг мой, придёт срок, и расстояние между нами уже ничего не будет значить, я тебе обещаю. А впереди у нас с тобой столько интересного, времени на грусть совсем не останется!

– А чем ещё мы займёмся кроме города? – сразу оживился Полянский.

– Работы много, очень много. Мы должны связать световым коридором два разномерных мира, земной и мир Сва, нам необходимо наладить безопасное перемещение пробуждающихся душ, а ещё оказать помощь тем, кто уже близок к пробуждению. Работать мы будем не одни, но у каждого будет свой участок. Я всё тебе объясню на месте, тебе предстоит немного подучиться, а после обучения начнём. Ты готов?

– А я как пионер прошлого века, – с шаловливым лицом Полянский приложил руку ко лбу.

– Я поняла тебя. Тогда в путь, – сказала Татьяна, с улыбкой приняв его шутку.

Спустя несколько секунд они исчезли из пространства земного мира, чтобы вскоре вернуться обратно.

Эпилог

Смущённый мир уже не тот как прежде,
Он стал другим, решившись вновь идти,
И кутаясь в ночах в мирской одежде –
Мечтал о новых светлых днях в пути.

Земной мир становился другим. Он то замирал в предчувствии чего-то неизвестного, то вскипал, воспаляясь всеми своими нервами, бередя назревшие нарывы на своём теле. Нарывы извергались с болью, содрогая его измученное тело ураганами и землетрясениями, наводнениями и нещадными пожарами. Но в часы затишья он всё ещё пытался что-то доказать самому себе или оправдать себя за собственную несостоятельность. Пытался, но уже не мог. Мир походил на змея пытавшегося сбросить свою старую облазившую кожу, уже ставшую для него чужой, ненужной и мешавшей жить. Но висевшие лохмотья были ужасно липучими и никак не хотели отдаваться прижизненному тлену. Быстротечными днями он метался по лабиринту своих земных страстей и привычек, не находя из него выхода, ему казалось, что он забрёл в непроходимый тупик и не знал, куда повернуть дальше. Мир чувствовал, что смертельно устал от своей непосильной ноши, устал от войн, насилия, пугавших его новостей, от постоянной лжи и самообмана, от навязанного ему жизненного пути с его же молчаливого согласия. Как же его тяготила

эта старая сума, набитая залежавшимися проблемами, разложившимися от времени ценностями и ядом собственного эгоизма! Он судорожно искал выход и тряс свою прохудившуюся суму, желая облегчить этот тягостный груз, но вновь и вновь находил в ней всё тот же ворох своих неизжитых заблуждений. Всё чаще Миру казалось, что он просто бродит по кругу, раз за разом наступая на свои же когда-то оставленные следы. Смысл его жизни постоянно ускользал, размывался в искусственной многообразии, утекал, словно песок сквозь пальцы вместе с жемчужинками сермяжной правды. От этой мысли ему становилось не по себе. Он не понимал, что с ним происходит, всё, чем он жил прежде уже не удовлетворяло его, не внушало ему оптимизма, не убаюкивало привычными «колыбельными песнями», оттого он страдал жуткой бессонницей и рыдал по ночам в приступах душевной агонии, постоянно что-то бормоча себе под нос. Кого он звал – свой рок, а может, Бога, желая им доверить тайный грех? А может, он просил любви немного, пускай немного, только бы для всех...

Он ещё точно не знал, что ожидает его в будущем, поэтому немного опасался грядущих перемен и всего неизведанного, но качаясь на «огненных волнах» уже предчувствовал, что возврата к прошлому уже нет, и никогда не будет.

Совсем недавно Мир вспомнил притчу о бабочке, которая чудесным образом превращалась в лёгкую воздушную красавицу из обыкновенной гусеницы. Ей тоже было неимовер-

но тяжело и тесно в тёмном непроницаемом коконе, она тоже страдала от одиночества и непонимания, мечтая о долгожданной свободе. Но миновали дни, а кокон всё не выпускал её. И даже когда почти сформировавшаяся бабочка глядела через появившуюся трещинку в коконе на прекрасный незнакомый мир, она всё ещё сомневалась в своих силах. Но пришёл срок, и несговорчивая темница, наконец, выпустила пленницу на свободу, бабочка расправила свои лёгкие крылышки и полетела постигать эту удивительную зовущую жизнь. Всему своё время.

Так думал смущённый Мир, борясь с собственными сомнениями, теперь ему всё чаще казалось, что он чувствует запах приближающейся весны, и хотя он всё ещё находился в предрассветных сумерках – уже представлял, как осветит и согреет его чувства первый солнечный лучик.

Пройдёт не так много времени, и незримый корабль нового Мира начнёт обретать вполне видимые очертания, становясь устойчивее к штормовым качкам и капризам переменчивого ветра, ему станет яснее виден фарватер верного курса, ведь звёздная карта уже будет открыта ему. Наполненных ему парусов и счастливого плавания по безбрежным космическим просторам!

Словарь

Андрогин – мифологическое существо, соединяющие в себе мужские и женские признаки;

Барокко – характеристика европейской культуры XVII—XVIII веков, центром которой была Италия. Стиль барокко появился в эпоху позднего Возрождения;

Борей – в греческой мифологии олицетворение северного бурного ветра;

Брезг – рассвет (старославянский);

Вавилонское столпотворение – библейское предание о наказании Богом человеческой гордыни и дерзости. Разгневан-
ный

Бог смешал язык людей так, что они перестали понимать друг друга, и наступил хаос;

Вишну – верховный Бог в индуизме;

Гайя – сознательная, энергетическая суть Земли;

Дивьян – небесный (санскрит);

Дуальность – дополнение, разделение на дополняющие противоположности, поляризация, придание взаимоисключающих свойств;

Гомункул – существо, подобное человеку, которое по представлениям алхимиков можно получить искусственно (в пробирке, колбе и т. п.);

Иллюминаты – тайное общество мистического характера, стремящегося управлять мировым порядком;

Инквизитор – человек из святой инквизиции или другой (реальной или вымышленной) подобной организации, в переносном значении: человек жестокий, пытающий людей;

Кали-юга – в индуизме последняя эра, после которой на-

чинается обновление времени. Характеризуется падением нравственности (тёмная эпоха);

Лагвица – чаша (древнерусский);

Ларина Татьяна – героиня романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»;

Мамона – богатство, роскошь, земные блага;

Мара – демон ночи, символ умирания природы;

Мириады – бесчисленное, несчётное множество чего-либо;

Монада – божество, или первое существо, единица или единое неделимое;

Меру – священная гора в космологии индуизма и буддизма, где она рассматривается как центр всех материальных и духовных вселенных, согласно одной из интерпретаций находится в тонком мире над Северным полюсом;

Огненный ветер – высоко-вибрационные фотонные потоки (авт.);

ПлазмOID – плазменный сгусток, ограниченная конфигурация магнитных полей и плазмы (плазменная система, структурированная собственным магнитным полем);

Психосфера – сфера разума и чувств;

Полудне – юг (древнерусский);

Полуночь – север (древнерусский);

Руны – древняя письменность на камне, дереве, металле;

Сва – небеса; изначальная мудрость, пришедшая через слово. Обитель наших Пращуров мира Прави (древнерус-

ский);

Сермяжная правда – простая, неприукрашенная, но глубокая истина;

Сея – свет, божественное сияние (древнерусский);

Северные Увалы – холмистая возвышенность в северной части Восточно-Европейской равнины. Водораздел бассейна рек Волги и Северной Двины;

Скрижаль – доска, таблица или плита с написанным на ней текстом (обычно – священным, культовым);

Телепортация – перемещение материальных тел в пространстве (времени);

Трансмутация – изменение духовного и физического состояния живого существа, в том числе и планеты;

Знамо – конечно, известно, естественно, ясно (народное);

Фейк – подделка, фальсификация, подлог, обман (английский);

Эзотерика – совокупность знаний, сведений, недоступных непосвящённым, несведущим в мистических учениях людям, особых способов восприятия реальности.

Дизайн обложки выполнил: Вячеслав Корнич.

В работе были использованы иллюстрации и фрагменты иллюстраций из коллекции сайта Rexels.

Лицензия сайта разрешает свободное использование фотографий и их редактирование.

Автор фоновой фотографии: Эберхард Гроссгастейгер

(Eberhard Grossgasteiger).